

ISSN 1729-4924

ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

БЮЛЛЕТЕНЬ

ВЛАДИКАВКАЗСКОГО
ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ

№ 73

ВЛАДИКАВКАЗ 2026

ISSN 1729-4924

БЮЛЛЕТЕНЬ

**ВЛАДИКАВКАЗСКОГО
ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ**

№ 73

Владикавказ 2026

БЮЛЛЕТЕНЬ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ

Издается с 1998 г.

Учредитель – Частное образовательное учреждение высшего образования «Владикавказский институт управления»

Главный редактор: М. В. Цуциева
Заместитель главного редактора
(выпускающий редактор): Л. В. Газаева
Редакция: А. В. Гагиева
И. Х. Дзанкисова
А. К. Баззаев
З. М. Бурнацева
Г. Г. Гогинашвили

В Бюллетене представлены статьи, посвященные проблемам права, экономики, образования, этнополитической и социально-экономической ситуации в России и мире, материалы конференций и других научных мероприятий, проводимых Владикавказским институтом управления.

Материалы Бюллетеня отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакции.

Электронная версия Бюллетеня выставлена на сайте института www.viu-online.ru.

Бюллетень Владикавказского института управления. – 2026. – № 73. – 253 с.

Адрес редакции:

362025, Республика Северная Осетия – Алания,
г. Владикавказ, ул. Бородинская, 14
тел. (8672) 40-51-75
E-mail: viu-online@mail.ru

ISSN 1729-4924

**Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

© Владикавказский институт управления, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Абаев А. А. ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЛИЗИНГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	7
Багаева Н. С., Дзукаев А. К. СОСТОЯНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	14
Валиев Х. Б. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ	24
Гюева В. В., Цховребов Х. А., Мардеян Н. А. КОНЦЕПЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ	33
Гудиев У. Г., Бязров С. Е. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	43
Дзугкоева А. Б., Качмазов О. Х. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	54
Дзукаев А. К., Мардеян Н. А. ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ АКЦИЙ APPLE В УСЛОВИЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В 2020–2025 ГОДАХ	61
Дряева А. В., Владычкина О. А. НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	70
Жажиева А. А., Цориева Е. С. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «ОРГАНИЗОВАННАЯ ГРУППА» И «ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО»	78
Икаев Л. Ш., Айдарова Н. Г. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД	88
Каболов А. М., Джиоев М. А. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ГРАНИЦАХ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	97
Камараули Д. Н., Мардеян Н. А. ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: БЕЗОПАСНОСТЬ РАСЧЁТОВ, ЗАЩИТА АКТИВОВ И БОРЬБА С МОШЕННИЧЕСТВОМ	108

Кастуев Д. Б. СУЩНОСТЬ СВОБОДЫ НА ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ.....	115
Кокоев О. А., Рассказов М. Ю. ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.....	125
Кусаев Б. А., Бораев З. К. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	133
Миндзаев М. А. К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ НАРТОВ	145
Миндзаев М. А. СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ У АЛАН (ПО КНИГЕ АГУСТИ АЛЕМАНЯ «АЛАНЫ В ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ») (ЧАСТЬ 3)	160
Ногаева К. А., Каллагов Б. Р. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И СОХРАНЕНИЕ ПРИРОДНОГО БАЛАНСА В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА КАК ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	175
Погосова К. Л., Наниев Н. Р., Дзгоева Э. Э. КРЕПКАЯ СЕМЬЯ КАК ТРАДИЦИОННАЯ НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ».....	181
Рубаев Д. Р. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ	191
Сатцаев А. А., Джиев М. А. ВОПРОСЫ ПРАВА ПОСТОЯННОГО (БЕССРОЧНОГО) ПОЛЬЗОВАНИЯ И ПОЖИЗНЕННО НАСЛЕДУЕМОГО ВЛАДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ	200
Томаева М. Р., Владычкина О. А. СДЕЛКИ И ЦИФРОВЫЕ ПОДПИСИ: ПРОБЛЕМЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.....	209
Тотиева А. Н. РОМАН АЛАНА ЧЕРЧЕСОВА «ВИЛЛА БЕЛЬ-ЛЕТРА» В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА	219
Фарниева Р. Т., Каллагов Б. Р. РОЛЬ МАЛОГО БИЗНЕСА В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.....	225
Хугаева А. А. СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ДЕТЕРМИНАНТА ФИНАНСОВЫХ ОЖИДАНИЙ РОССИЯН	234
Шанаева Р. С., Качмазов О. Х. КРИТЕРИИ И СОСТАВ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	244

CONTENTS

Abaev A. A.	
THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF LEASING RELATIONS	7
Bagaeva N. S., Dzukaev A. K.	
THE STATUS AND TRANSFORMATIONAL CHARACTERISTICS OF FINANCING THE CONSTRUCTION MATERIALS INDUSTRY IN THE USSR AND THE RUSSIAN FEDERATION	14
Valiev Kh. B.	
LEGAL REGULATION OF PRIVATE OWNERSHIP OF LAND	24
Gioeva V. V., Tskhovrebov Kh. A., Mardeyan N. A.	
CONCEPTS FOR THE IMPLEMENTATION OF BUDGETARY POLICY IN THE FIELD OF PLANNING BUDGET REVENUES AND EXPENDITURES	33
Gudiev U. G., Byazrov S. E.	
SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL PUNISHMENT IN MODERN LEGISLATION	43
Dzugkoeva A. B., Kachmazov O. Kh.	
CURRENT ISSUES OF CLASSIFICATION OF OFFICIAL CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION	54
Dzukaev A. K., Mardeyan N. A.	
INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF APPLE STOCKS IN THE CONTEXT OF MACROECONOMIC INSTABILITY IN 2020–2025	61
Dryaeva A. V., Vladychkina O. A.	
INDEPENDENT GUARANTEE IN CIVIL LAW	70
Zhazhieva A. A., Tsorieva E. S.	
ON THE CONCEPTS OF «ORGANIZED GROUP» AND «CRIMINAL COMMUNITY»	78
Ikaev L. Sh., Aidarova N. G.	
LEGAL REGULATION OF LAND SEIZURES FOR STATE OR MUNICIPAL NEEDS	88
Kabolov A. M., Dzhioev M. A.	
LEGAL REGIME AND USE OF LAND PLOTS LOCATED WITHIN THE BOUNDARIES OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS	97
Kamarauli D. N., Mardeyan N. A.	
DIGITAL RUBLE: SETTLEMENT SECURITY, ASSET PROTECTION, AND COMBATING FRAUD	108
Kastuev D. B.	
THE ESSENCE OF FREEDOM OF RELIGION AND THE MECHANISMS FOR ITS IMPLEMENTATION	115
Kokoyev O. A., Rasskazov M. Yu.	
PROBLEMS OF IMPOSING DEATH PENALTY	125

Kusayev B. A., Boraev Z. K.	
FEATURES OF DEVELOPMENT AND ESTABLISHMENT OF LEGAL REGULATION OF CORPORATE LEGAL RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION	133
Mindzaev M. A.	
WHAT WAS THE VALUE SYSTEM OF THE NARTS	145
Mindzaev M. A.	
NATION BUILDING AMONG THE ALANS (BASED ON THE BOOK BY AGUSTI ALEMAN «THE ALANS IN ANCIENT AND MEDIEVAL SOURCES») (PART 3)	160
Nogaeva K. A., Kallagov B. R.	
ENVIRONMENTAL SUSTAINABILITY AND PRESERVATION OF THE NATURAL BALANCE IN THE REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT AS FACTORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT	175
Pogosova K. L., Naniev N. R., Dzgoeva E. E.	
A STRONG FAMILY AS A TRADITIONAL MORAL VALUE IN THE CONTEXT OF TEACHING THE DISCIPLINE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD»	181
Rubaev D. R.	
DIGITAL TECHNOLOGIES AND CRIMINAL PROCEDURE: ADVANTAGES AND RISKS	191
Satsaev A. A., Dzhioev M. A.	
ISSUES OF THE RIGHT OF PERMANENT (UNLIMITED) USE AND LIFELONG INHERITABLE POSSESSION IN THE SYSTEM OF PROPERTY RIGHTS	200
Tomaeva M. R., Vladychkina O. A.	
TRANSACTIONS AND DIGITAL SIGNATURES: PROBLEMS OF INVALIDITY	209
Totieva A. N.	
ALAN CHERCHESOV'S NOVEL «VILLA BELLE LETRA» IN THE CONTEXT OF POSTMODERNISM	219
Farnieva R. T., Kallagov B. R.	
THE ROLE OF SMALL BUSINESS IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE NORTH CAUCASUS REGIONS	225
Khugaeva A. A.	
SOCIAL INEQUALITY AS A DETERMINANT OF FINANCIAL EXPECTATIONS OF RUSSIANS	234
Shanaeva R. S., Kachmazov O. Kh.	
CRITERIA AND COMPOSITION OF CUSTOMS CRIMES	244

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЛИЗИНГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Абаев Александр Артурович,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01
«Юриспруденция» (профиль «Гражданское право») Северо-
Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова,
г. Владикавказ
E-mail: nelly.a77@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются правовая природа лизинговых правоотношений и их место в системе гражданско-правовых обязательств, которое остается в числе дискуссионных вопросов в юридической литературе, посвященной исследованию лизинговых правоотношений. Также анализируются различные взгляды на понятие «договор лизинга».

Ключевые слова: лизинговые правоотношения, правовая природа лизинговых правоотношений, финансовые правоотношения, лизинг как долгосрочная аренда, лизингодатель, лизингополучатель, сущность и правовая природа лизинга.

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF LEASING RELATIONS

Abaev Alexander Arturovich,

*the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme
«Civil Law») at the North Ossetian State University named
after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz*

Abstract: This article examines the legal nature of leasing relationships and their place in the system of civil law obligations, which remains a controversial issue in the legal literature devoted to the study of leasing relations. It also analyzes various views on the concept of the leasing agreement.

Keywords: leasing legal relations, the legal nature of leasing relations, financial legal relations, leasing as a long-term lease, lessor, lessee, essence and legal nature of leasing.

Определение природы лизинговых правоотношений, необходимое для адекватного нормативно-правового ре-

гулирования сложившихся на практике отношений между субъектами финансовой аренды, непосредственно связано с уяснением юридической природы договора лизинга.

Статья 2 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ (ред. от 28 апреля 2023 г.) «О финансовой аренде (лизинге)» (далее – Закон) определяет лизинг как совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, финансовой аренды [1]. К таковым могут быть отнесены не только правоотношения сторон по договору лизинга, но также отношения по приобретению лизингового имущества по договору купли-продажи, кредитные отношения, залоговые и другие. Таким образом, договор лизинга и правоотношения, возникающие при его реализации, именуется лизингом, что сохраняет многозначность обсуждаемого понятия, хотя в гораздо более узких пределах. В соответствии с указанным Законом (ст. 2) по данному договору лизингодатель обязуется приобрести в собственность указанное лизингополучателем имущество у определенного им продавца и предоставить лизингополучателю это имущество за плату во временное владение и пользование. Сущность лизинга, его правовая природа, значение и место в системе гражданско-правовых отношений раскрываются через объяснения системных взаимоотношений его участников.

Суть лизинга в реальной жизни выражается в тех экономических отношениях, которые возникают между поставщиком имущества, лизингодателем и лизингополучателем. «Определить правовую природу финансовой аренды – значит раскрыть с точки зрения институтов действующего права сущность отношений, которые складываются между всеми ее участниками, найти место лизинга в системе известных гражданскому праву институтов» [4].

Для российского права лизинг является сравнительно новым гражданско-правовым институтом, основные черты которого заимствованы из зарубежного права и практики.

В российской науке выделяются различные подходы к пониманию лизинга. Одни ученые, рассматривая лизинг

как экономическую категорию, акцентируют внимание на отношениях собственности, другие характеризуют лизинг как особый вид предпринимательской деятельности, третьи ограничиваются трактовкой лизинга как привлекательной формы финансирования, четвертые отождествляют его с долгосрочной арендой.

Так, В. Д. Газман считает, что «лизинг, как экономико-правовая категория, представляет собой особый вид предпринимательской деятельности, направленной на инвестирование временно свободных или привлеченных финансовых средств, когда по договору финансовой аренды (лизинга) арендодатель (лизингодатель) обязуется приобрести в собственность обусловленное договором имущество у определенного продавца и предоставить это имущество арендатору (лизингополучателю) за плату во временное пользование для предпринимательских целей» [3].

М. И. Лещенко рассматривает лизинг с трех позиций: во-первых, как форму вложения средств на возвратной основе, во-вторых, как своего рода товарный кредит и, наконец, как комплекс возникающих имущественных отношений, связанных с передачей имущества в пользование после его приобретения у производителя (продавца) [8].

Более того, в число участников лизинга им включены лизингодатель, лизингополучатель и производитель (продавец) имущества. Правильное понимание юридической природы лизинга, договора лизинга во многом способно предотвратить ошибки в экономической деятельности в данной сфере. Но среди правоведов также существуют разногласия при понимании изучаемого гражданско-правового института.

В. В. Витрянский отмечает: «Правовая природа лизинга, его место в системе гражданско-правовых обязательств остаются в числе самых дискуссионных вопросов в юридической литературе, посвященной исследованию лизинговых правоотношений. Согласно взглядам одних авторов, договор лизинга представляет собой отдельный вид договора аренды, обладающий определенными квалифицирующими

признаками, позволяющими как отличать его от иных видов договора аренды, так и выделять в отдельный вид договора аренды. Другие авторы полагают, что в отличие от договора аренды договор лизинга представляет собой не двустороннюю, а трех- или многостороннюю сделку. Можно встретить и точку зрения, в соответствии с которой договор лизинга представляет собой самостоятельный тип договорных обязательств, отличный от иных типов гражданско-правовых договоров, в том числе и от договора аренды» [2].

Одни, учитывая сложность и оригинальность лизинговых отношений, относят лизинг к отдельному гражданско-правовому институту (Е. Н. Чекмарева, Е. В. Кабатова и др.), другие анализируют лизинг с помощью традиционных институтов гражданского права: договоров аренды, купли-продажи, займа, поручения и пр. (М. И. Брагинский, В. В. Витрянский и др.).

Договор лизинга имеет много сходств и с кредитным договором, договорами товарного и коммерческого кредита (ст. ст. 819–823 ГК РФ). В экономическом смысле лизинг представляет собой инвестирование средств в основной капитал на возвратной основе, но не в денежной, а в форме передаваемого в пользование имущества. Собственник имущества, по сути, оказывает пользователю финансовую услугу, приобретая имущество в собственность и передавая его на определенное время пользователю, возмещая затраты за счет периодических платежей лизингополучателя.

Таким образом, сделка осуществляется на условиях срочности, платности и возвратности, как это имеет место при кредитовании. Но здесь следует еще раз указать, что мы имеем в виду наличие определенного рода кредитных отношений между лизингодателем и лизингополучателем, выводя за рамки финансовую организацию, связанную договором кредита с лизингодателем.

Можно согласиться с позицией Е. В. Кабатовой и ряда ученых в части признания договора лизинга договором (особого вида), но не представления его как комплекса, «в составе элементов которого входят отношения купли-продажи,

по временному пользованию оборудованием, в некоторых случаях – еще займа, гарантии и др.» [5].

Рассматривая договор финансовой аренды, Н. Р. Кравчук также признал лизингом «весь комплекс имущественных отношений между тремя лицами...». Мы считаем, что нельзя свести лизинг ни к отдельным договорным отношениям, ни к конгломерату некоторых гражданско-правовых договоров. Лизинг является самостоятельным гражданско-правовым институтом, требующим специального регулирования в гражданском законодательстве в отдельной главе [7].

И. А. Решетник указывает, что соединение в одном правоотношении элементов различных договоров порождает качественно иное материальное отношение, эффективное регулирование которого возможно лишь посредством специального договорного института. Институт аренды не обеспечивает достижения данной цели [9].

А. А. Колесников, исследуя договор лизинга, пишет: «Речь идет об особом институте, требующем комплексного изучения и самостоятельного регулирования» [6]. Отличает данный договор от всех остальных, известных гражданскому праву, и наличие особого распределения прав и обязанностей, где имеют место парные отношения, образуемые существованием солидарных кредиторов и солидарных должников, наряду с переплетением прав и обязанностей всех субъектов лизинга, включая не основанную на договоре связь лизингополучателя и продавца предмета лизинга. В договоре лизинга лизингодатель и лизингополучатель являются солидарными кредиторами по отношению к продавцу, а продавец и лизингодатель – солидарными должниками по отношению к лизингополучателю, в то время как каждый из них в отношениях между собой является и должником, и кредитором.

Таким образом, наличие множества теорий о лизинге еще раз доказывает уникальность и своеобразие данного явления. Анализ различных взглядов показывает, что лизинг не относится к той или иной правовой конструкции и не яв-

ляется механическим соединением нескольких договорных типов, а представляет собой самостоятельный гражданско-правовой договор, относящийся к разновидности многосторонних сделок, где поставщик (продавец) является не третьим лицом по договору лизинга, а непосредственным ее участником. Следовательно, необходимо самостоятельное регулирование лизинга в гражданском кодексе Российской Федерации как отдельного правового института, представляющего собой юридическое единство норм, определенную законодательную обособленность.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что лизинг не может быть признан арендой или куплей-продажей и не может регламентироваться нормативными актами, посвященными арендным отношениям и отношениям купли-продажи, которые являются лишь отдельными элементами одного и того же явления. Договор представляет собой не разрозненные волевые действия двух или более лиц, а «единое волеизъявление, выражающее их общую волю». Законодательство всегда должно отражать существующие реальные отношения, представляя собой форму их опосредования, а практика показывает тесное переплетение отношений трех участников лизинговой операции, их взаимообусловленность и взаимозависимость, общее стремление получить ту или иную выгоду из участия в лизинговой операции. Лизинговым правоотношениям свойственны единство и самостоятельность, а договор лизинга – отдельный институт гражданского права.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ (ред. от 28 апреля 2023 г.), принятый Государственной Думой 11 сентября 1998 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/ (дата обращения: 16.09.2025). – Текст : электронный.

2. Витрянский, В. В. Договор аренды и его виды : прокат, фрахтование на время, аренда зданий, сооружений и пред-

приятый, лизинг / В. В. Витрянский. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2000. – 298 с. – Текст : непосредственный.

3. Газман, В. Д. Причины кризиса в законодательстве о лизинге / В. Д. Газман. – Москва : Изд-во «Правовая культура», 2016. – 392 с. – Текст : непосредственный.

4. Горемыкин, В. А. Лизинг : монография / В. А. Горемыкин. – Москва : Инфра-М, 2013. – 384 с. – Текст : непосредственный.

5. Кабатова, Е. В. Лизинг : правовое регулирование, практика / Е. В. Кабатова. – Москва : Инфра-М, 1997. – 204 с. – Текст : непосредственный.

6. Колесников, А. А. Правовой анализ лизинга в России / А. А. Колесников. – Москва : Юрист, 2007. – 372 с. – Текст : непосредственный.

7. Кравчук, Н. Р. Актуальные проблемы гражданского права. Лизинговые отношения / Н. Р. Кравчук. – Москва : Юнити, 2008. – 476 с. – Текст : непосредственный.

8. Лещенко, М. И. Основы лизинга : учебное пособие / М. И. Лещенко. – Москва : Финансы и статистика, 2001. – 334 с. – Текст : непосредственный.

9. Решетник, И. А. Гражданско-правовое регулирование лизинга в Российской Федерации : специальность 12.00.03 «Гражданское право ; предпринимательское право ; семейное право ; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Решетник Ирина Александровна ; Пермский государственный университет. – Пермь, 1998. – 24 с. – Место защиты : Пермский государственный университет. – Текст : непосредственный.

СОСТОЯНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Багаева Наталья Спартаковна,

*магистрант 1 курса направления подготовки 38.04.01 «Экономика»
(профиль «Экономика и управление финансами») Владикавказского
института управления, г. Владикавказ
E-mail: Ibagaevaaa@mail.ru*

Дзукаев Алан Казбекович,

*студент 3 курса направления подготовки 38.03.01 «Экономика»
(профиль «Государственные и муниципальные финансы»)
Владикавказского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, г. Владикавказ
E-mail: dzukaev2004@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности финансирования промышленности строительных материалов в двух исторических периодах: в позднем СССР (1981–1985 гг.) и современной России (2020–2025 гг.). Представлен сравнительный анализ структуры, источников и эффективности инвестиций, а также динамики отраслевых показателей. Показано, что советская модель характеризовалась высокой степенью централизации, доминированием бюджетных ассигнований и низкой инновационной активностью, что приводило к недостаточной экономической эффективности капитальных вложений. Современная российская модель основывается на диверсификации источников финансирования, развитии рыночных инструментов, участии институтов развития и собственных средств предприятий. Проанализированы количественные показатели отрасли, включая инвестиции, объёмы потребления цемента, уровень износа основных фондов и эффективность использования ресурсов. Сделан вывод о значительной трансформации финансовой системы отрасли и переходе от директивной модели к гибридной, ориентированной на результативность и модернизацию производственных мощностей.

Ключевые слова: финансирование, промышленность строительных материалов, СССР, Российская Федерация, капитальные вложения, государственная поддержка, институты развития, инвестиции, модернизация, строительный сектор, экономическая эффективность, государственный финансовый контроль.

THE STATUS AND TRANSFORMATIONAL CHARACTERISTICS OF FINANCING THE CONSTRUCTION MATERIALS INDUSTRY IN THE USSR AND THE RUSSIAN FEDERATION

Bagaeva Natalya Spartakovna,

1st year Master's student of 38.04.01 Economics (training programme «Economics and Financial Management») at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz

Dzukaev Alan Kazbekovich,

the 3rd year student of 38.03.01 «Economics» (training programme «Public and Municipal Finance») at the Vladikavkaz branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz

Abstract: The article examines the financing mechanisms of the building materials industry in two historical periods: the late USSR (1981–1985) and modern Russia (2020–2025). A comparative analysis is carried out regarding the structure, sources, and efficiency of investments, as well as the dynamics of key sectoral indicators. The study demonstrates that the Soviet model was characterized by strong centralization, dominance of budgetary allocations, low innovation activity, all of which resulted in insufficient economic efficiency of capital investments. In contrast, the contemporary Russian model relies on diversified financing sources, the development of market-based instruments, increased participation of development institutions, and reinvestment of enterprises' own funds. Quantitative indicators of the industry are analyzed, including investments, cement consumption volumes, the level of fixed asset depreciation, and resource efficiency. The article concludes that the financing system has undergone substantial transformation, shifting from a directive, state-controlled model to a hybrid model focused on performance, modernization of production capacities.

Keywords: financing, building materials industry, USSR, Russian Federation, capital investments, government support, development institutions, investments, modernization, construction sector, economic efficiency, state financial control.

Промышленность строительных материалов формирует основу для развития жилищного строительства, инфраструктуры, транспортной сети, промышленного производ-

ства и социальной сферы. От качества и объемов выпускаемой продукции напрямую зависит реализация национальных проектов, эффективность бюджетных расходов и конкурентоспособность строительной отрасли в целом. Финансирование этой сферы всегда отражало не только экономические возможности государства, но и его стратегические приоритеты, уровень технологического развития и способность реагировать на вызовы.

В эпоху позднего Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) (1981–1985 гг.) финансирование отрасли носило централизованный характер и опиралось на государственные директивные механизмы. Промышленность строительных материалов ежегодно получала 7–8% всех капиталовложений в промышленность, что составляло порядка 4–4,4 млрд руб. [1. При этом отрасль оставалась одной из самых материалоемких: доля затрат на сырьё и энергию превышала 70%, а производительность труда по сравнению с западными странами была почти вдвое ниже. Высокий износ оборудования (до 45%) и ограниченные возможности для внедрения инноваций делали развитие отрасли крайне затратным и малоэффективным.

Современная российская модель финансирования (2020–2025 гг.), напротив, опирается на диверсификацию источников: банковские кредиты, собственные средства предприятий, бюджетные программы, институты развития, проектное финансирование. Только в 2023 году объём инвестиций в промышленность строительных материалов достиг ≈210 млрд руб., из которых 30–35% обеспечивались собственными средствами предприятий, 45–48% – кредитами и льготными займами, 18–20% – бюджетными инструментами и финансовыми институтами развития [3]. Этот период характеризуется активным ростом строительства, повышением спроса на цемент, бетон и стекло, а также постепенным импортозамещением оборудования и технологий.

В рамках исследования нами проведен сравнительный анализ механизмов финансирования промышленности

строительных материалов в СССР и современной России, определены изменения, произошедшие в финансовой политике, и выявлены направления её совершенствования.

Промышленность строительных материалов относится к капиталоемким отраслям: для поддержания и развития производственных мощностей требуются значительные долгосрочные инвестиции. Финансовая устойчивость зависит как от внутренних источников (прибыль, амортизация), так и от внешних (кредиты, бюджетные ассигнования, субсидии, средства фондов развития).

В государственном секторе финансирование направлено не только на получение прибыли, но и на достижение социально значимых целей: обеспечение доступности жилья, реализация национальных проектов, развитие регионов, стабилизация рынка строительных материалов, снижение инфраструктурных ограничений.

Государство как ключевой участник финансирования обеспечивает нормативное регулирование, планирование и контроль. В советской модели оно выступало в роли монополиста, а в современной – в роли стратегического партнёра бизнеса. Источники финансирования различаются в зависимости от экономического периода (Таблица 1).

Таблица 1 – Источники финансирования в различные периоды

<i>Период</i>	<i>Источники финансирования</i>
СССР (1981– 1985)	– государственный бюджет — основной источник финансирования (82–90%); – ведомственные капитальные вложения (10–12%); – государственные кредиты (менее 5%), носившие плановый характер [1].
Российская Федерация (2020– 2025)	– банковские кредиты — основной источник инвестиций (до 40%); – собственные средства предприятий – до 35 %; – бюджетная поддержка – 18–22%; – фонд развития промышленности, государственная корпорация развития ВЭБ.РФ, региональные фонды – 10–15%; – проектное финансирование и лизинг – 5–8% [2; 3].

Л. В. Ермолина, Н. Н. Пронина, Д. А. Мельникова выделяют следующие признаки, характерные для промышленности строительных материалов:

- длительный срок окупаемости (7–10 лет);
- значительная доля оборудования (до 55% стоимости активов);
- высокая энергоёмкость производства;
- зависимость от транспортной инфраструктуры;
- необходимость частой модернизации [2].

Эти особенности предъявляют повышенные требования к стабильности финансирования и государственной поддержке.

Исторически отрасль строительных материалов в СССР играла ключевую роль в реализации государственных программ капитального строительства, индустриализации и развития территорий. Однако к началу 1980-х годов экономическая модель начала демонстрировать признаки истощения.

Экономические условия начала 1980-х годов создавали сложный фон для развития промышленности строительных материалов. Период 1981–1985 гг. характеризовался общей тенденцией замедления роста: темпы промышленного производства снизились до 3,1%. При этом в отрасли строительных материалов прирост составлял всего 1,2–1,5% в год. В это время отсутствовали стимулы для повышения эффективности, снижалось качество выпускаемой продукции и росла себестоимость, что постепенно усугубляло технологическое отставание от ведущих зарубежных производителей. Несмотря на то, что объём производства цемента достиг рекордных 128 млн тонн, качество продукции существенно уступало западным аналогам и требовало значительной модернизации [1].

Финансовая база отрасли в этот период оставалась довольно масштабной. Ежегодные государственные капиталовложения составляли 4–4,4 млрд руб., однако они распределялись преимущественно на расширение мощностей, а

не на технологическое обновление. Рентабельность отрасли колебалась в пределах 3,5–7,5%, что было одним из самых низких показателей в промышленности СССР. Доля отрасли в общем объёме промышленного производства составляла примерно 8%, при этом уровень автоматизации был на 30–40% ниже, чем в промышленно развитых странах [1].

Финансовая система отрасли в СССР носила строго централизованный характер. Предприятия практически не обладали финансовой самостоятельностью: прибыль перечислялась в государственный бюджет, а инвестиции возвращались в виде плановых ассигнований. Это формировало жёсткую зависимость отрасли от государственных решений и не позволяло предприятиям самостоятельно планировать или оптимизировать финансовые потоки.

Такая структура приводила к ряду ограничений, препятствовавших развитию отрасли. Недостаток мотивации у предприятий снижал их заинтересованность в повышении эффективности. Бюрократизация инвестиционного процесса означала, что любое изменение планов требовало многоуровневых согласований. Технологическая база практически не обновлялась – в период с 1981 по 1985 год модернизацию прошли менее 15% предприятий отрасли. Кроме того, капитальные вложения использовались неэффективно: отдача составляла менее 0,7 рубля на каждый вложенный рубль. В совокупности эти факторы приводили к тому, что даже при значительных объёмах финансирования итоговая динамика развития оставалась низкой и не позволяла отрасли быстро адаптироваться к новым экономическим условиям.

В отличие от советского периода, современная модель финансирования основана на сочетании рыночных механизмов и мер государственной поддержки. Это делает систему более гибкой и способной быстро реагировать на изменения внешней среды. Одним из ключевых факторов роста отрасли стало существенное увеличение спроса: с 2020 по 2024 год потребление цемента выросло с 56 до 67 млн тонн, что отражено в таблице 2.

Таблица 2 – Динамика потребления цемента в России
(2020–2024 гг.)

Год	Потребление цемента, млн тонн	Прирост
2020	56	–
2021	61	+9 %
2022	62	+1,6 %
2023	65	+4,8 %
2024	67	+3,1 %

Источник: стратегия развития промышленности строительных материалов Российской Федерации [3].

Рост спроса был обусловлен реализацией национальных проектов «Жильё и городская среда» и «Магистральная инфраструктура», восстановлением экономики после пандемии, ростом ипотечного кредитования и запуском крупных инфраструктурных проектов в различных регионах страны.

Современная система финансирования отрасли характеризуется высокой долей внебюджетных источников. В 2023 году общий объём инвестиций в промышленность строительных материалов составил около 210 млрд руб., распределившись по каналам следующим образом: кредиты и займы – ≈90 млрд руб. (43%), собственные средства предприятий – ≈72 млрд руб. (34%), институты развития – ≈28 млрд руб. (13%), а бюджетная поддержка – ≈20 млрд руб. (10%) [3]. Эта структура демонстрирует отход от прежней зависимости от государственного бюджета и формирование более устойчивой, многоканальной финансовой модели.

Для поддержки отрасли государство активно использует целевые инструменты. Фонд развития промышленности (далее – ФРП) предоставляет льготные займы под 1–3% годовых и за последние годы профинансировал проекты на сумму более 30 млрд руб. В свою очередь государственная корпорация развития ВЭБ.РФ реализовала около 15 крупных проектов на сумму свыше 40 млрд руб., что стало важным стимулом для модернизации цементных, стекольных и бетонных производств. Также государство компенсирует часть процентной ставки, снижая кредитную нагрузку предприятий на 3–5 процентных пунктов.

Несмотря на прогресс, отрасль сталкивается с рядом системных проблем. Рост себестоимости производства, вызванный удорожанием энергоносителей и сырья, привёл к повышению цен: цемент подорожал на 11%, бетон – на 16%, гипс – на 13% в период с 2022 по 2024 год [3]. Существенной проблемой остаётся неравномерность распределения инвестиций: около 60% их объёма сосредоточено в Центральном и Приволжском федеральных округах. Уровень износа оборудования остаётся высоким – 45–50%, что требует ускоренной модернизации. Дополнительным фактором риска является импортозависимость отдельных элементов технологического оборудования.

Тем не менее современная система демонстрирует значительно более высокую эффективность. На каждый вложенный рубль инвестиций отрасль получает 1,3–1,6 руб. выручки, что существенно превосходит показатели советского периода и подтверждает эффективность многоканальной финансовой модели.

Сравнение двух моделей финансирования позволяет увидеть глубокие системные изменения, произошедшие в отрасли за последние десятилетия. Советская модель характеризовалась высокой степенью централизации, опорой на государственный бюджет и отсутствием рыночных стимулов. Современная российская модель, напротив, основана на смешанном финансировании и допускает участие частного капитала, институтов развития и банковского сектора. Для демонстрации ключевых отличий ниже приведена таблица 3.

Таблица 3 – Сравнительные характеристики систем финансирования отрасли (СССР и современная Россия)

<i>Показатель</i>	<i>СССР</i>	<i>Российская Федерация</i>
Доля бюджета	80–90% [1]	18–22% [3]
Доля частных инвестиций	5–7%	30–35%
Эффективность инвестиций	0,7 руб. / 1 руб.	1,3–1,6 руб. / 1 руб.
Уровень автоматизации	низкий	средний, растущий
Гибкость системы	низкая	высокая

Из таблицы видно, что современная модель отличается большим разнообразием источников, ориентацией на эффективность и способностью адаптироваться к изменениям внешней среды.

К ключевым преобразованиям относятся переход:

- от директивного управления к стимулирующему регулированию;
- от полной государственной монополии к многоканальному финансированию;
- от экстенсивного развития к модернизации и повышению энергоэффективности;
- от бюрократических процедур к прозрачным инструментам контроля, таким как KPI, аудит, мониторинг [4].

Эти изменения подтверждают, что отрасль прошла сложный, но эффективный путь реформирования, сделав финансирование более гибким, рыночным и ориентированным на результат.

В заключение отметим, что финансирование промышленности строительных материалов претерпело фундаментальные изменения. Советская модель обеспечивала масштабность, но страдала низкой эффективностью. Современная российская система опирается на рыночные механизмы, субсидирование, институты развития и собственные средства предприятий. Это делает отрасль более гибкой, устойчивой и конкурентоспособной. Несмотря на сохраняющиеся проблемы – износ основных фондов, рост себестоимости, ограниченный доступ к технологиям, – современная финансовая модель является значительно более эффективной и адаптивной. Усиление роли долгосрочных кредитов, расширение программ поддержки и ускоренная модернизация способны повысить устойчивость отрасли в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 мая 2016 г. № 868-р «Об утверждении Стратегии раз-

вития промышленности строительных материалов на период до 2020 года и дальнейшую перспективу до 2030 года». – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/46373.html> (дата обращения: 18.01.2026). – Текст : электронный.

2. Ермолина, Л. В. Производство строительных материалов в новой экономической реальности / Л. В. Ермолина, Н. Н. Пронина, Д. А. Мельникова // Эксперт : теория и практика. – 2023. – № 2 (21). – С. 38–44. – Текст : непосредственный.

3. Народное хозяйство СССР в 1990 г. : статистический ежегодник. – Москва : Информационно-издательский центр «Государственный комитет СССР по статистике», 1991. – URL: https://istmat.org/files/uploads/433/narodnoe_hozyaystvo_ussr_v_1990_g.pdf (дата обращения: 18.01.2026). – Текст : электронный.

4. Промышленность стройматериалов – 2020 : от взлета до падения : сайт Агентства новостей «Строительный бизнес». – Королев, 2014. – URL: <https://www.ancb.ru/publication/read/10829> (дата обращения: 18.01.2026). – Текст : электронный.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Валиев Хетаг Батразович,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (профиль «Гражданское право») Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: nelly.a77@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются нормативные правовые акты, в которых впервые были установлены нормы права о частной собственности на землю, понятие и виды права частной собственности на землю. Указываются пути совершенствования нормативно-правовой базы в области собственности на земельные участки. Автором анализируется такое основание приобретения права частной собственности на землю, как приватизация земельных участков.

Ключевые слова: право частной собственности на землю, разнообразие форм собственности на землю, земля как объект имущественного (гражданского) оборота, Земельный кодекс, Гражданский кодекс, целевое применение отдельных категорий земель.

LEGAL REGULATION OF PRIVATE OWNERSHIP OF LAND

Valiev Khetag Batrazovich,

the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme «Civil Law») at the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz

Abstract: The article examines regulatory legal acts that first established the rules of private land ownership, as well as the concept and types of private land ownership rights. It identifies ways to improve the regulatory framework for land ownership. The author analyzes land privatization as the basis for acquiring private land ownership rights.

Keywords: private ownership of land, diversity of land ownership forms, land as an object of property (civil) turnover, Land Code, Civil Code, targeted use of certain categories of land.

Право собственности как институт гражданского (частного) права имеет глубокие корни и известно всем современным правовым системам мира. Зарождение права частной

собственности на землю в современной России началось с принятием законов в ходе аграрно-земельной реформы, начатой в 1990 году. Это законы от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе» [8] (утратил силу) от 24 декабря 1990 г., Земельный кодекс РСФСР [7] (утратил силу) от 25 апреля 1991 г., «О праве граждан Российской Федерации на получение в частную собственность и на продажу земельных участков для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства и индивидуального жилищного строительства» [3] (утратил силу) от 23 декабря 1992 г., Конституция Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ), принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., в которой провозглашено, что «граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю» (ст. 36) и что «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ст. 9), Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), в котором закреплены нормы о разнообразии форм собственности на землю, в том числе право земельной собственности граждан и юридических лиц. Земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты признаны недвижимым имуществом, недвижимостью (ст. 130) и могут закрепляться на праве собственности (ст. 209).

Введение в российское законодательство права частной собственности на землю и иных правовых форм землепользования создало правовые предпосылки для признания земли объектом имущественного (гражданского) оборота и распространения на эти отношения соответствующих норм гражданского права (об аренде, ренте, ипотеке и др.). Оборота земель сельскохозяйственного назначения урегулирован отдельным Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [5].

Как известно, право собственности является наиболее полным имущественным правом, предусмотренным законодательством. ГК РФ раскрывает понятие права собствен-

ности посредством определения его содержания. В соответствии со ст. 209 ГК РФ собственнику земельного участка принадлежат права владения, пользования и распоряжения земельным участком как своим имуществом. В силу уникальных свойств земли и ее особого публичного значения правовое регулирование отношений собственности на землю и земельные участки отличается существенными особенностями по сравнению с другими видами имущества.

Введение в российское законодательство права частной собственности на землю и иных правовых форм землепользования создало правовые предпосылки для признания земли объектом имущественного, гражданского оборота и распространения на эти отношения соответствующих норм гражданского права [11].

Там, где объектом права собственности являются земля и другие природные ресурсы (лесная растительность, замкнутые водоемы и др.), пределы правомочий законом определены несколько иначе: свобода владения, пользования и распоряжения ограничена еще и тем, что действия собственника не должны наносить ущерба окружающей среде (согласно п. 3 ст. 209 ГК РФ).

Поэтому право собственности на землю далеко не абсолютно. То есть собственник не полностью свободен в осуществлении своих прав. Так как земля – это природный объект, важнейший ресурс государства, законодательством установлен ряд ограничений по владению, пользованию и распоряжению землей. Свобода действий собственника земли, кроме названных в п. 3 ст. 209 ГК РФ ограничений, должна быть подчинена и иным нормам действующего законодательства. Они установлены Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ), где перечислены основные ограничения права собственности на землю:

1. Собственник и иной землепользователь обязан использовать землю строго по ее целевому назначению, определяемому принадлежностью к той или иной категории земель.

2. На собственника и иного землепользователя возлагается обязанность осуществлять охранные мероприятия, не допускать ухудшения качеств характеристик земли.

3. Должно соблюдаться единство судьбы земельного участка и прочно связанного с ним объекта. Это означает, что собственник земельного участка не может, например, распорядиться им без расположенного на нем здания, строения, сооружения, которые как принадлежности всегда следуют судьбе главной вещи.

4. Собственник обязан своевременно производить платежи за землю [2].

При несоблюдении требований к надлежащему использованию земли на собственника или иного землепользователя накладывается ответственность вплоть до принудительного прекращения прав на землю. Даже у добросовестного собственника земельный участок в случаях, предусмотренных законом, может быть изъят для государственных и муниципальных нужд.

Таким образом, о праве собственности на землю можно говорить, что это – совокупность юридических норм, регулирующих право владения, право пользования и право распоряжения землей ее собственником по своему усмотрению и в своем интересе в пределах, установленных законом. Это – объективное право собственности. Им обладают все субъекты прав на землю.

Итак, правовое регулирование вопроса частной собственности в Российской Федерации осуществляется разными источниками права, но одним из важнейших является Конституция РФ, которая указывает на то, что «право частной собственности охраняется законом» (ст. 35). Так, никто не может быть лишен своего имущества не иначе, как только по решению суда.

Право собственности – определенные отношения людей к объектам материального мира, проявляющиеся в экономических, производственных отношениях между людьми в процессе потребления благ, производства, распределения обмена, в юридических нормах. Право собственности на

землю – право собственника участка земли совершать в отношении его любые действия, не противоречащие закону, не нарушающие права и интересы иных лиц, не наносящие вреда окружающей среде. Несмотря на то, что собственникам земли конституционно предоставлено право самостоятельно владеть, пользоваться или распоряжаться ими, есть определенные постоянные или временные ограничения.

В частной собственности находятся участки земли, которые приобретены гражданами и юридическими лицами по основаниям, предусмотренным законодательством, то есть законно. Все граждане и юридические лица имеют право на равный доступ к приобретению участков в собственность. Нет никаких отличий в правовом режиме земель, находящихся в собственности этих субъектов, в содержании принадлежащих им правомочий [10].

По ст. 15 ЗК РФ, граждане и юридические лица могут иметь в частной собственности земельные участки, приобретенные по основаниям, предусмотренным законодательством. Земля – особый объект гражданского оборота, поэтому на него распространяется гражданское законодательство в той мере, в какой вопросы оборота не урегулированы законодательством о земле. Чтобы земельный участок был объектом права частной собственности, он должен быть свободным от всех законодательных ограничений предоставления земли в Российской Федерации. Не предоставляются в частную собственность участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте. Так, в соответствии с п. 2 ст. 27 ЗК РФ, участки, отнесенные к землям, изъятым из оборота, не могут предоставляться в частную собственность, не могут стать объектами сделок, предусмотренных ГК РФ. Субъектами права частной собственности на землю могут выступать и иностранцы, и иностранные юридические лица.

Граждане, юридические лица могут обладать правами на землю индивидуально, совместно. Перечень земельных участков, изъятых из оборота, ограниченных в обороте, дан в п. 4 и 5 ст. 27 ЗК РФ [2]. Для того чтобы стать объектом собственности гражданина, участки перечисленных целевых

назначений должны быть переведены в иную категорию, из которой возможно предоставление земель в собственность гражданам, организациям.

Право собственности на землю возникает по основаниям, предусмотренным гл. 2 ГК РФ и федеральными законами. Общие основания приобретения права собственности участка земли установлены ст. 218 ГК РФ; иные основания возникновения права собственности на земельный участок предусмотрены ЗК РФ. В качестве одного из оснований приобретения права частной собственности на землю закон допускает приватизацию участков. При этом исключительное право на приватизацию участков имеют граждане и юридические лица – собственники зданий, сооружений в порядке и на условиях, установленных ЗК РФ и Федеральными законами (в частности, ФЗ от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [6] и от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного имущества» (ст. 28) [4]).

В целом, право частной собственности на земельный участок возникает по таким основаниям:

- из договоров и иных гражданских сделок;
- из определенных актов государственных, муниципальных органов;
- из решений суда об установлении особого права собственности;
- в результате приобретения земли в порядке наследования;
- в результате приобретения участка по другим законным основаниям;
- вследствие наступления событий, с которыми закон связывает соответствующие правовые последствия.

Существуют ограничения по целевому применению отдельных категорий земель. По ст. 260 ГК РФ, использование по целевому назначению устанавливается для земель сельскохозяйственного назначения и земель особо охраняемых природных территорий. Ограничения правомочия распоряжения участком могут быть предусмотрены и другими актами.

По утверждению И. Ю. Захаровой, «неограниченных земельных собственников в России нет, право собственности ограничивается в интересах государства, самого общества. Участки земли могут находиться в государственной, частной, муниципальной собственности» [9].

Таким образом, реформирование земельного права необходимо, так как земельные споры являются самой распространенной категорией споров. Появляются их новые виды. В связи с активизацией деятельности строительных компаний возросло число споров по поводу прав на земельные участки под отчуждаемыми строениями, сооружениями. Договоры по передаче зданий, строений должны признаваться незаключенными, если в них не предусмотрены границы участков земли, права на которые переходят к приобретателю недвижимого имущества. Так, земельное законодательство РФ о собственности на землю сейчас выглядит весьма противоречиво, во многом не может отвечать вопросам практической деятельности, в связи с чем в этой области должны только приветствоваться нововведения на законодательном уровне.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.10.2025). – Текст : электронный.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 20 марта 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20 марта 2025 г.), принятый Государственной Думой 28 сентября 2001 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 23.10.2024). – Текст : электронный.

3. Федеральный закон «О праве граждан Российской Федерации на получение в частную собственность и на прода-

жу земельных участков для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства и индивидуального жилищного строительства» от 23 декабря 1992 г. № 4196-1 (утратил силу). – URL: <https://base.garant.ru/10101903/> (дата обращения: 20.09.2025). – Текст : электронный.

4. Федеральный закон «О приватизации государственного имущества» от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ (ред. 07 июля 2025 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/ (дата обращения: 22.09.2025). – Текст : электронный.

5. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/ (дата обращения: 20.09.2025). – Текст : электронный.

6. Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2025 г. № 137-ФЗ (ред. от 24 августа 2025 г.) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33764/ (дата обращения: 22.09.2025). – Текст : электронный.

7. Земельный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 25 апреля 1991 № 1103-1 (ред. от 24 декабря 1990 г.) (утратил силу). – URL: <https://base.garant.ru/10137000/> (дата обращения: 20.09.2025). – Текст : электронный.

8. Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «О земельной реформе» от 23 ноября 1990 г. № 374-1 (ред. 28 апреля 1993 г.) (утратил силу). – URL: <https://base.garant.ru/10107009/> (дата обращения: 20.09.2025). – Текст : электронный.

9. Захарова, И. Ю. Право частной собственности на землю в Российской Федерации / И. Ю. Захарова // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. – 2014. – № 1. – С. 116–120. – Текст : непосредственный.

10. Липски, С. А. Земельное право : учебник / С. А. Липски. – Москва : КНОРУС, 2020. – 340 с. – Текст : непосредственный.

11. Романов, В. И. Право собственности на землю в России : понятие, содержание, история становления / В. И. Романов // Марийский юридический вестник. – 2005. – № 4. – С. 123–132. – Текст : непосредственный.

КОНЦЕПЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ

Гиева Виктория Вадимовна,

*магистрант 2 курса направления подготовки 38.04.08 «Финансы и кредит» (профиль «Финансы государственного сектора») Владикавказского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Владикавказ
E-mail: nmardeyan@mail.ru*

Цховребов Хасан Альбертович,

*магистрант 2 курса направления подготовки 38.04.08 «Финансы и кредит» (профиль «Финансы государственного сектора») Владикавказского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Владикавказ
E-mail: nmardeyan@mail.ru*

Мардеян Ноэми Аристакесовна,

*кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: nmardeyan@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению и анализу бюджетной политики в сложившихся экономических и геополитических условиях. Анализируя бюджетную политику в планировании как доходов, так и расходов, мы определили, что планирование должно стать эффективным инструментом реализации государственной социально-экономической политики в современных условиях кризиса. Механизмы государственной бюджетной политики должны иметь бюджетное обеспечение, с их корреляцией с долгосрочными целями социально-экономической политики государства. В статье определены особенности бюджетной политики в планировании расходов бюджета государства в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: бюджетная политика, планирование, доходы бюджета, расходы бюджета, эффективность планирования, социально-экономическая политика, механизмы бюджетной политики, бюджетное обеспечение, объемы финансирования, экономическая политика.

CONCEPTS FOR THE IMPLEMENTATION OF BUDGETARY POLICY IN THE FIELD OF PLANNING BUDGET REVENUES AND EXPENDITURES

Gioeva Victoria Vadimovna,

the 2nd year student of 38.04.08 «Finance and Credit» (training programme «Public Sector Finance») at the Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz

Tskhovrebov Khasan Albertovich,

the 2nd year student of 38.04.08 «Finance and Credit» (training programme «Public Sector Finance») at the Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz

Mardeyan Noemi Aristakesovna,

Cand. Sc. (Pedagogics), Associate Professor, Associate Professor of the Banking and Finance Department at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz

Abstract: The article is devoted to the review and analysis of budget policy in the current economic and geopolitical conditions. By analyzing budget policy in the planning of both revenues and expenditures, it was determined that planning should become an effective tool for implementing state socio-economic policy in the current crisis conditions. The mechanisms of state budget policy should have a budgetary provision, with their correlation with the long-term goals of the state's socio-economic policy. The article identifies the features of budget policy in the planning of state budget expenditures in the medium term.

Keywords: budget policy, planning, budget revenues, budget expenditures, planning efficiency, socio-economic policy, budget policy mechanisms, budget support, funding volumes, economic policy.

Геополитические изменения и вирусная эпидемия изменили макроэкономическую ситуацию во всем мире. Споры о целесообразности монетарного и фискального стимулирования экономики уступили место обсуждению инструментов и масштабов стимулирования. Очевидно, что бюджетную политику в ближайшее время ожидает кардинальная коррек-

ция. Значительный дефицит бюджета, скорее всего, сохранится на протяжении нескольких следующих лет.

Бюджетное правило, которое раньше подвергалось критике за избыточную жесткость, теперь потребует переосмысления с совершенно других позиций. То же относится и к дискуссии относительно направлений использования Фонда национального благосостояния (далее – ФНБ).

Правительство Российской Федерации разработало и приняло дополнительные противозидемические и антикризисные меры, направленные на преодоление последствий пандемии и экономического кризиса. Это привело к дополнительному увеличению плана по расходам в 2023–2024 годах [4].

На фоне стремительного падения мировых цен на нефть и последующего ограничения ее добычи в рамках сделки ОПЕК+, а также введения ограничительных мер в связи с распространением коронавирусной инфекции доходная база бюджета сократилась. В 2020 году был пройден пик стимула для экономики со стороны бюджетной политики, после чего в 2021 году начался процесс бюджетной консолидации. Однако сворачивание расходов и антикризисных мер в 2021 году было более плавным, чем предполагало бюджетное правило. Описанный сценарий потребовал бы отхода от действующего бюджетного правила, но представляется, что в сложившейся ситуации будущее бизнеса и решение жизненных социальных проблем насущнее, чем неприкосновенность бюджетного правила – при всей важности этой задачи.

Бюджетная политика в планировании как доходов, так и расходов должна стать более эффективным инструментом реализации государственной социально-экономической политики, механизмы которой должны иметь надежное, точно просчитанное бюджетное обеспечение. Также должны быть четко определены объемы бюджетного финансирования, необходимые для достижения конкретных количественно определенных целей государственной социально-экономической политики.

Нельзя не согласиться с Д. Н. Кулаковым и Д. С. Мусиным в том, что недопустимо, когда отдельно подводятся итоги исполнения бюджета и отдельно – итоги реализации мер социально-экономической политики. Если бюджетные средства израсходованы в большем объеме, чем намечено, а цель достигнута в меньшей степени, чем определено, то в каждом подобном случае необходимо выявлять и устранять причины такого результата использования бюджетных ассигнований [7].

В целях повышения эффективности расходов необходимо разработать и внедрить систему ежегодного анализа эффективности расходов по каждому направлению, в том числе анализа динамики показателей эффективности. Систематический анализ эффективности расходов должен дополнять систему ответственности за достижение поставленных целей взамен действующего подхода контроля суммы расходов на то или иное направление. Соответствующий анализ на основании динамики объемов расходов и значений целевых показателей необходимо проводить по государственным программам с публичным рассмотрением отчетов.

Для достижения целей социально-экономической политики и обеспечения общественного контроля за их достижением формирование и исполнение бюджета должно осуществляться на базе государственных программ. Особое внимание необходимо уделить продуманности и обоснованности механизмов реализации и ресурсного обеспечения государственных программ, их корреляции с долгосрочными целями социально-экономической политики государства. Для этого нужно разработать бюджетную стратегию Российской Федерации на период до 2030 года, определяющую основные черты бюджетной политики при различных вариантах развития российской и мировой экономики. При этом на период до 2025 года в бюджетной стратегии должны быть определены предельные размеры бюджетных ассигнований по государственным программам (ключевым направлениям расходов).

В рамках бюджетной стратегии необходимо конкретизировать долгосрочные базовые требования к формированию и исполнению финансовых обязательств государства, а также к налоговой системе, поэтапному совершенствованию межбюджетных отношений и повышению эффективности бюджетных расходов. Бюджетная стратегия должна обеспечить предсказуемость реакций бюджетной системы на вызовы и возможности, которые могут возникать в рамках различных вариантов развития мировой экономики, предусматривать превентивное применение адекватного набора мер при негативном воздействии внешних экономических факторов.

Бюджет предполагает превышение расходов над доходами, что вполне естественно в условиях кризиса. В течение всего трехлетнего периода прогнозируется дефицит с трендом на сокращение.

Формирование федерального бюджета на 2022–2024 гг. проводится в условиях восстановления деловой активности и занятости. В этом контексте предусмотрена полная нормализация бюджетной политики, но события на Украине могут привести к изменениям в выполнении данного проекта федерального бюджета.

Прежде всего необходимо крайне осмотрительно формировать политику расходов. В условиях высоких цен на нефть и газ на мировом рынке в бюджет поступают дополнительные доходы и возникает потенциальная возможность соответственно увеличить бюджетные расходы. Но действие этого фактора крайне нестабильно, и в случае ухудшения ситуации на мировом рынке может возникнуть угроза невыполнения бюджетных обязательств. Такого развития событий нельзя допустить.

Продуманная бюджетная политика в области расходов в совокупности с мерами денежно-кредитного регулирования, включая применение гибкого механизма формирования валютного курса рубля, должна обуславливать низкую инфляцию, что в свою очередь должно способствовать переходу России на новый уровень развития, характеризующий-

ся большей устойчивостью к резкому воздействию внешних негативных факторов.

Необходимо сформировать эффективную систему управления рисками, позволяющую обеспечивать прогнозирование и предотвращение кризисных ситуаций и быстрое реагирование на них. Недостаточно реагировать на уже возникший кризис. Нужно научиться его прогнозировать и предотвращать. Для этого должна быть организована работа по постоянному мониторингу системных рисков, подготовке и реализации мер по их предотвращению и смягчению [2]. Также надо определиться с параметрами дальнейшего развития пенсионной системы, которые должны обеспечить ее надежность и долгосрочную сбалансированность с учетом демографических изменений в структуре населения.

Потенциальный рост экономики, к которому она, в конечном счете, должна вернуться, определяется объемом предложения, который корректируется спросом, временными детерминантами предложения и секторальными изменениями, влияющими на распределение ресурсов.

Существенное падение мирового внутреннего валового продукта (далее – ВВП) и национальных ВВП всех стран мира будет, скорее всего, продолжительным, в течение нескольких кварталов, и может стать причиной рецессии. Вводимые санкционные меры против Российской Федерации могут изменить целые отрасли и модели поведения компаний и потребителей, она существенно ударит и по спросу.

Консервативная бюджетная политика последних лет дает правительству широкое пространство для маневра в условиях кризиса.

Представленный правительством проект федерального бюджета на 2026–2028 годы готовился в уникальных условиях внешних шоков с неопределенными кратко- и среднесрочными последствиями, причем не только для нашей страны. И уже это делает работу над бюджетом исключительно трудной, требуя от его разработчиков сочетания одновременно твердости и гибкости [1].

Проект бюджета имеет очевидные признаки бюджета развития, то есть он нацелен на решение как антикризисных задач, так и на реализацию долгосрочных национальных приоритетов. Активная бюджетная политика, нацеленная на смягчение последствий кризиса и на продолжение структурной модернизации, при этом предполагает и меры бюджетной консолидации на фоне падения доходов, что позволит жестко контролировать расходы и не допустить бюджетного кризиса [6].

Бюджетная политика станет одним из точных инструментов в настройке финансового сектора. Действия регуляторов могут различаться в разных юрисдикциях, но включают в себя временное смягчение требований к капиталу банков, гибкость в предоставлении отсроченных выплат по кредитам и ипотечным кредитам, классификации просроченных кредитов.

Некоторые из этих льгот обусловлены продолжением кредитования наиболее остро нуждающихся в кредитах секторов экономики. Но этих мер, скорее всего, окажется недостаточно. Для того чтобы создать спрос населения и компенсировать резкое падение частного спроса, необходимы решительные меры бюджетной политики.

Российская экономика с 2022 года столкнулась с затяжной рецессией, обусловленной падением производства, замедлением деловой активности, существенным падением спроса, разрывом традиционных производственных цепочек, и особенно внешних. Динамика ВВП будет отрицательной. Падение будет, очевидно, в пределах 6–8%, но глубина падения будет зависеть от продолжительности остановки промышленного производства и восстановления цен на энергоресурсы. Так, для решения актуальных проблем формирования бюджетной политики Российской Федерации необходимо минимизировать негативное влияние нерационального распределения бюджетных средств между регионами нашей страны, из-за чего формируется категория «депрессивных субъектов» при управлении финансами общественного сектора.

Таким образом, современный этап управления бюджетной системой в России заключается в эффективном процессе управления бюджетной системой государства и ее расходами. Одной из наиболее актуальных проблем является несбалансированность бюджета, которую позволяют скорректировать эффективные методы расходования бюджетных средств.

Для того чтобы обеспечить сбалансированность бюджета в среднесрочной перспективе, в условиях значительной долговой нагрузки, при ограниченном привлечении внешних ресурсов, необходимости снижения зависимости состояния государственных финансов от внешнеэкономической конъюнктуры, необходимо повысить значение прогнозирования государственного бюджета, взаимоувязанного с развитием всех сфер экономики. По причине этого бюджетная политика должна основываться на единой регулятивной системе и оптимальном движении финансовых потоков.

М. М. Ильясов отмечает, что данные задачи могут быть разрешены посредством реализации бюджетной политики по следующим направлениям:

- создание эффективной системы планирования и регулирования государственных финансов;
- повышение эффективности бюджетной политики в сфере доходов;
- реализация качественной системы бюджетных расходов, которая ориентирована на стимулирование экономического роста и обеспечение оптимального использования бюджетных средств;
- эффективное управление активами и пассивами государства, переход к активному управлению государственным долгом;
- оптимизация бюджетного процесса и упорядочение бюджетных процедур [5].

Н. В. Билько, Н. А. Кониная считают, что планирование бюджетной политики в сфере расходов бюджета государства в среднесрочной перспективе должно строиться на следующих основах:

– формирование расходов государственного бюджета на основе реализации приоритетов социально-экономической политики;

– создание условий для подъема инвестиционной и инновационной активности, формирования других необходимых предпосылок устойчивого развития;

– формирование четкой системы критериев обоснования оценки эффективности бюджетных расходов;

– реализация программно-целевого подхода при соблюдении установленных нормативов финансирования расходов государственного бюджета [3].

Такое планирование, на наш взгляд, станет способом долгосрочной экономической политики, которая будет направлена на стимулирование промышленного производства и импортозамещения, а также на разработку комплексного подхода к разрешению финансово-экономических кризисов.

Бюджетные расходы не только выступают неотъемлемым элементом устойчивой фискальной политики, но и способствуют макроэкономической устойчивости и долгосрочному экономическому росту, поддерживают инклюзивное развитие. Новые вызовы, обусловленные геополитической ситуацией, конечно же, снизят формальные интегральные бюджетные индикаторы. Но если государственные доходы будут достаточны для бюджета, а расходы станут эффективными, то последующий экономический рост и экономическая трансформация подтвердят социально-экономические ожидания.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 20276 и 2028 годов». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520057/ (дата обращения: 06.01.2026). – Текст : электронный.

2. Баган, Г. А. Пути решения актуальных проблем государственного управления в Российской Федерации /

Г. А. Багян, В. И. Лукашук // *Modern Science*. – 2020. – № 5-1. – С. 450–454. – Текст : непосредственный.

3. Билько, Н. В. Проблемы и перспективы развития бюджетной системы РФ / Н. В. Билько, Н. А. Кони́на // *Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения : материалы Международной (заочной) научно-практической конференции (г. Душанбе, 23 ноября 2017 г.)* / Под общ. ред. А. И. Вострецова. – Нефтекамск : Научно-издательский центр «Мир науки», 2017. – С. 133–138. – Текст : непосредственный.

4. Васильева, П. И. Влияние бюджетно-налоговой политики на экономический рост России / П. И. Васильева, М. Д. Есенкина, А. В. Варнавский // *Аллея науки*. – 2017. – Т. 1. – № 8. – С. 495–502. – Текст : непосредственный.

5. Ильясов, М. М. Проблемы и направления совершенствования бюджетной системы Российской Федерации / М. М. Ильясов // *Молодой ученый*. – 2016. – № 18 (122). – С. 250–253. – Текст : непосредственный.

6. Каким получится проект бюджета на 2021–2023 гг. : сайт российского мультимедийного холдинга «РосБизнес-Консалтинг». – Москва, 1995. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/10/27/5f96c73b9a79473db7d96e61> (дата обращения: 06.01.2026). – Текст : электронный.

7. Кулаков, Д. Н. Подходы к оценке эффективности бюджетных расходов на реализацию государственных программ / Д. Н. Кулаков Д. С. Мусин // *Финансы*. – 2015. – № 10. – С. 14–20. – Текст : непосредственный.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Гудиев Урузмаг Георгиевич,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01
«Юриспруденция» (профиль «Теория и практика применения
уголовного и уголовно-процессуального законодательства»)
Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: byazrov@mail.ru*

Бязров Сергей Ефимович,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: byazrov@mail.ru*

Аннотация: В данной статье представлен анализ доктринальных подходов к пониманию понятия, оснований и видов освобождения от наказания, а также их практическая реализация в Российской Федерации и зарубежных странах. Рассматриваются особенности различных форм освобождения от наказания, включая условно-досрочное освобождение, замену наказания на более мягкое, освобождение по болезни, изменение обстоятельств и истечение срока давности. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому и международному контексту исследуемого института.

Ключевые слова: уголовное наказание, освобождение от наказания, условно-досрочное освобождение, уголовное право, уголовная политика, уголовно-исполнительные отношения, срок давности, изменение обстоятельств, болезнь осужденного.

SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL PUNISHMENT IN MODERN LEGISLATION

Gudiev Uruzmag Georgievich,

*the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme
«Theory and Pactice of Application of Criminal Law and Criminal Procedure
Legislation») at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz*

Byazrov Sergey Efimovich,

Cand. Sc. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz

Abstract: The article presents an analysis of doctrinal approaches to understanding the concept, grounds and types of exemption from punishment, as well as their practical implementation in the Russian Federation and foreign countries. The features of various forms of release from punishment are considered, including parole, commutation of punishment to a milder one, release due to illness, change of circumstances and expiration of the statute of limitations. Special attention is paid to the comparative legal and international context of the institution under study.

Keywords: criminal punishment, release from punishment, parole, criminal law, criminal policy, penal enforcement relations, statute of limitations, change of circumstances, illness of the convicted person.

Институт освобождения от уголовного наказания представляет собой один из важнейших элементов уголовно-правовой системы любого современного государства, отражающий принципы гуманизма и справедливости при реализации уголовной ответственности, который служит правовым механизмом корректировки приговора суда, когда в силу различных обстоятельств дальнейшее применение уголовного наказания к осужденному становится нецелесообразным или чрезмерно суровым.

Социальная значимость этого правового инструмента заключается в оптимизации уголовного преследования, сокращении государственных расходов на содержание пенитенциарных учреждений и способствовании социальной реинтеграции лиц, совершивших преступления.

В современной уголовной политике наблюдается устойчивая тенденция к расширению применения альтернативных форм уголовно-правового реагирования и сокращению применения тюремного заключения. Это обуславливает актуальность изучения вопроса об освобождении от наказания, поскольку оно выступает в качестве эффективного средства смягчения уголовных репрессий при обеспечении общественной безопасности.

В теории уголовного права под освобождением от наказания понимается отказ государства от фактического применения уголовного наказания к осужденному, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, или от полного отбывания назначенной меры принуждения [4].

Этот институт следует отличать от связанного с ним понятия освобождения от уголовной ответственности, которое представляет собой отказ от уголовного преследования лица, факт совершения которым преступления доказан на досудебной или судебной стадиях до вынесения приговора. Принципиальное различие между этими институтами заключается в их правовой природе и последствиях. Освобождение от уголовной ответственности означает прекращение уголовных правоотношений на начальном этапе, без установления вины лица в судебном приговоре. Напротив, освобождение от наказания предполагает, что лицо уже признано судом виновным, но исполнение наказания по разным причинам не приводится в исполнение.

Система оснований для освобождения от наказания основана на принципах целесообразности и гуманизма. Государство признает, что в некоторых случаях цели наказания могут быть достигнуты без его полного исполнения или что дальнейшее применение карательных мер становится нецелесообразным в силу конкретных обстоятельств, связанных с личностью осужденного или внешней средой [4].

Правовая природа освобождения от наказания также характеризуется его двойственным назначением. С одной стороны, оно выступает средством сохранения уголовной репрессии в случаях, когда дальнейшее применение наказания не является необходимым для достижения целей исправления и предупреждения преступности, с другой стороны, служит гуманитарной гарантией для осужденных, которые в силу объективных обстоятельств не могут продолжать отбывать наказание (например, в случае тяжелой болезни).

Законодательство большинства стран предусматривает разнообразную систему оснований для освобождения от наказания, отражающую сложность и многогранность этого

института. В уголовном законодательстве Российской Федерации эти основания систематизированы в главе 12 Уголовного кодекса.

Классификация видов освобождения от наказания может осуществляться по различным признакам: по субъекту, применяющему освобождение, по стадии исполнения наказания, по характеру условий и т. д.

Наиболее значимым в теоретическом и практическом плане является разделение освобождения от наказания на условный и безусловный виды. Условное освобождение подразумевает установление испытательного срока, в течение которого освобождаемое лицо должно доказать свое исправление; в противном случае освобождение может быть отменено. Безусловное освобождение от наказания не предполагает таких условий и является окончательным [4].

К основным видам освобождения от наказания в российском уголовном праве относятся:

- условно-досрочное освобождение;
- замена неотбытой части наказания более мягким видом;
- освобождение от наказания в связи с изменением ситуации;
- освобождение от наказания в связи с болезнью;
- отсрочка исполнения наказания;
- освобождение от отбывания наказания в связи с истечением срока давности по обвинительному приговору суда.

Каждый из этих видов имеет свое правовое регулирование, конкретные основания и условия применения, что обеспечивает дифференцированный подход к исполнению наказания в зависимости от личности осужденного, характера совершенного преступления и поведения во время отбывания наказания.

Условно-досрочное освобождение является одним из наиболее распространенных видов освобождения от наказания в практике применения уголовного законодательства. Суть его заключается в освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания до истечения его срока,

при соблюдении определенных условий и с установлением испытательного срока и возможных дополнительных обязательств. Согласно ч. 1 ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации, лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если суд признает, что для своего исправления ему не нужно полностью отбывать назначенное судом наказание, а также возмещать (полностью или частично) вред, причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда.

Важной характеристикой условно-досрочного освобождения является его условный характер – освобожденный не считается отбывшим наказание, а неотбытая часть наказания остается в качестве потенциальной меры уголовно-правового воздействия в случае нарушения установленных условий.

При принятии решения об условно-досрочном освобождении суд принимает во внимание поведение осужденного, его отношение к учебе и работе в течение всего срока отбывания наказания, включая имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию, а также тот факт, что осужденный частично или полностью возместил ущерб, причиненный в результате преступления.

Замена неотбытой части наказания более мягким видом является разновидностью условно-досрочного освобождения, при котором более строгий вид наказания заменяется более мягким. Этот институт является элементом так называемой прогрессивной системы отбывания уголовного наказания, в рамках которой правовой статус осужденного и суровость применяемых мер воздействия зависят от его поведения на пути к исправлению. Основанием для замены является исправление осужденного, при котором отпадает необходимость в применении наиболее суровых видов наказания, особенно лишения свободы, а также фактическое условие – отбытие установленной законом части.

Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки связано с утратой общественной опасности лицом,

совершившим преступление, или самим преступным деянием. Утрата общественной опасности в данном случае носит фактический, а не формально-юридический характер – формально совершенное деяние остается запрещенным уголовным законом, а лицо по-прежнему подлежит уголовной ответственности [9].

Этот вид освобождения от наказания известен в основном законодательству стран бывшего СССР и социалистического блока. В настоящее время он присутствует в законодательстве Беларуси, Венгрии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Монголии, России, Таджикистана, Узбекистана и Украины [8].

Освобождение от наказания по болезни связано с тем, что в результате психического расстройства или другого заболевания, возникшего у человека, цели наказания не могут быть достигнуты, или что исполнение наказания может привести к значительному ухудшению состояния человека [10].

Подобное основание закреплено в законодательстве многих стран, хотя не везде оно выступает в качестве самостоятельной нормы. Психическое расстройство может рассматриваться как основание для признания лица невменяемым (Дания, Швейцария). Во Франции освобождение от наказания может быть осуществлено по «медицинским показаниям». В Швеции критерием освобождения является также «плохое состояние здоровья» осужденного [8].

Отсрочка отбывания наказания – это мера уголовно-правового характера, связанная с временным отказом государства от применения мер принуждения в силу различных обстоятельств, которые делают применение наказания в данный момент нецелесообразным. В зависимости от основания отсрочки и поведения осужденного, по истечении ее срока наказание может быть заменено фактическим исполнением или осужденный может быть полностью освобожден от наказания.

В российском уголовном законодательстве отсрочка предоставляется беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, мужчинам, воспитываю-

щим детей в возрасте до 14 лет без матери, а также наркозависимым, желающим добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию.

Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением срока давности по обвинительному приговору суда предполагает освобождение лица от наказания, если приговор не был приведен в исполнение в течение определенного срока со дня его вступления в законную силу. Течение срока давности начинается с момента вступления приговора суда в законную силу и может быть приостановлено или прервано в связи с наступлением установленных законом обстоятельств. Законодательством могут быть установлены условия, при которых общественная опасность преступления не может быть утрачена с течением времени и, соответственно, срок давности не может быть применен. На международном уровне установлено, что срок давности не распространяется на лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности [8].

Институт освобождения от наказания, несмотря на общие принципы его построения, имеет существенные различия в правовых системах разных стран, которые касаются как перечня оснований для освобождения, так и условий их применения.

В странах англо-американской правовой системы институт освобождения от наказания имеет свою специфику. В частности, здесь широко используются «сделки о назначении наказания», которые представляют собой соглашение, заключаемое в рамках уголовного процесса между обвиняемым и прокурором, предусматривающее смягчение наказания в обмен на сотрудничество со следствием. Применение срока давности строго ограничено и, как правило, возможно только в отношении преступлений небольшой тяжести (мелкие правонарушения и преступления, совершенные без надлежащего судебного разбирательства) [8].

В законодательстве европейских стран (наряду с традиционными видами освобождения от наказания) существуют

и специфические институты. Например, как было указано выше, в Германии и Франции существует возможность освобождения от наказания по «медицинским показаниям», что является аналогом освобождения по болезни в российском законодательстве. В Швеции «плохое состояние здоровья» осужденного служит критерием для освобождения от наказания [8].

Особое место занимают институты амнистии и помилования, которые, хотя формально и не относятся к основаниям освобождения от наказания в узком смысле, выполняют схожие функции – смягчают участь осужденных, являются актом милосердия со стороны государства и применяются в отношении индивидуально неопределенного круга лиц.

Практика применения норм об освобождении от наказания выявляет ряд проблемных вопросов, требующих научно-го осмысления и законодательного решения. Одной из наиболее обсуждаемых проблем в доктрине является вопрос о дискреционном или императивном характере оснований для освобождения [7]. Некоторые основания обязывают сотрудника правоохранительных органов освободить человека от наказания, в то время как другие только дают ему такое право. В юридической литературе отмечается, что вопрос о том, к какой группе относится то или иное основание для освобождения от уголовной ответственности или прекращения уголовного дела (уголовного преследования), решается исследователями данной проблемы преимущественно путем буквального толкования текста соответствующей правовой нормы. Другим проблемным аспектом является дифференциация условий применения различных видов освобождения от наказания. Так, при применении условно-досрочного освобождения закон требует, чтобы лицо возместило вред, причиненный преступлением, в то время как по другим основаниям такое требование устанавливается не всегда. Это создает противоречивость в правоприменительной практике [6].

Также стоит отметить проблему согласования норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в

части регулирования процедуры применения освобождения от наказания.

Представляется, что для решения указанных проблем необходимо:

1. Уточнить в законе критерии «исправления осужденного» при применении условно-досрочного освобождения.

2. Унифицировать условия возмещения вреда, причиненного преступлением, для различных видов освобождения от наказания.

3. Расширить перечень оснований для замены неотбытой части наказания более мягким видом.

Подводя итоги, отметим, что освобождение от уголовного наказания является важным элементом уголовно-правовой системы, отражающим принципы гуманизма, справедливости и целесообразности при исполнении уголовной ответственности. Анализ данного института позволяет выявить его комплексный характер, сочетающий в себе карательную и реабилитационную составляющие. Система оснований для освобождения от наказания в современном уголовном праве характеризуется разнообразием и позволяет дифференцированно подходить к исполнению наказания в зависимости от личности осужденного, его поведения и других существенных обстоятельств. В то же время, как показывает исследование, в практике применения этих норм существуют проблемные вопросы, требующие законодательного регулирования. Совершенствование законодательства в этой сфере должно осуществляться в направлении оптимизации условий применения различных видов освобождения от наказания, обеспечения баланса государственных и частных интересов, усиления гарантий прав осужденных. К позитивным тенденциям в развитии этого учреждения можно отнести расширение применения мер, альтернативных тюремному заключению, и усиление реституционного подхода в уголовном праве. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением зарубежного опыта регулирования освобождения от наказания, анализом эффективности различных видов освобождения и разработкой научно обоснованных

ванных рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики в этой области.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 ноября 2024 г.), принятый Государственной Думой 24 мая 1996 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.11.2025). – Текст : электронный.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.), принятый Государственной Думой 18 декабря 1996 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 12.11.2025). – Текст : электронный.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/ (дата обращения: 12.11.2025). – Текст : электронный.

4. Андрианов, В. К. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовного наказания / В. К. Андрианов // Журнал российского права. – 2022. – № 6. – С. 91–104. – Текст : непосредственный.

5. Дворянсков, И. В. Уголовное наказание и его цели : монография / И. В. Дворянсков. – Москва : ИНФРА-М, 2025. – 166 с. – Текст : непосредственный.

6. Дикарев, И. С. К вопросу о дискреционных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) / И. С. Дикарев // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 80–83. – Текст : непосредственный.

7. Звечаровский, И. Э. О практике освобождения от уголовной ответственности и наказания / И. Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2023. – № 5. – С. 20–26. – Текст : непосредственный.

8. Мишугис-Бекер, Г. С. Институт освобождения от уголовной ответственности в зарубежных странах / Г. С. Мишугис-Бекер // Российский следователь. – 2024. – № 5. – С. 52–56. – Текст : непосредственный.

9. Попова, И. П. Изменение обстановки как оценочная категория при постановлении приговора / И. П. Попова // Российский судья. – 2023. – № 12. – С. 20–24. – Текст : непосредственный.

10. Смольянинов, В. Н. Освобождение осужденных от отбывания наказания по состоянию здоровья / В. Н. Смольянинов // Мировой судья. – 2024. – № 8. – С. 24–28. – Текст : непосредственный.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дзугкоева Альбина Батрадзовна,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01
«Юриспруденция» (профиль «Теория и практика применения
уголовного и уголовно-процессуального законодательства»)
Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: koh@inbox.ru*

Качмазов Олег Хазбиевич,

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовного права Владикавказского института управления,
г. Владикавказ. E-mail: koh@inbox.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы квалификации служебных преступлений как одной из наиболее дискуссионных зон отечественного уголовного права. Рост регуляторной нагрузки на публичную администрацию, усложнение контрактных и бюджетных процедур, расширение круга лиц, выполняющих управленческие функции без статуса госслужащего, обостряют риск ошибок при разграничении смежных составов и определении границ уголовной ответственности. Авторы акцентируют внимание на системном подходе к квалификации, учитывающей нормативные изменения, разъяснения высшей судебной инстанции и доктринальные позиции, и на методике разграничения составов через анализ объекта и предмета посягательства, статуса субъекта, способов совершения и последствий. Практическая значимость статьи заключается в формировании алгоритма правовой оценки спорных ситуаций, способного снизить риск квалификационных ошибок при расследовании и рассмотрении дел о служебных преступлениях.

Ключевые слова: служебные преступления, злоупотребление полномочиями, превышение полномочий, служебный подлог, взяточничество, субъект преступления, судебная практика.

CURRENT ISSUES OF CLASSIFICATION OF OFFICIAL CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Dzugkoeva Albina Batradzovna,

*the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme
«Theory and Pactice of Application of Criminal Law and Criminal Procedure
Legislation») at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz*

Kachmazov Oleg Khazbievich,

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz

Abstract: The article examines issues of qualifying official crimes as one of the most controversial areas of domestic criminal law. The growing regulatory burden on public administration, the complexity of contractual and budgetary procedures, and the expansion of the range of individuals performing managerial functions without the status of a civil servant increase the risk of errors in distinguishing between related offenses and determining the boundaries of criminal liability. The authors focus on a systematic approach to qualification that takes into account regulatory changes, clarifications from the highest judicial authority, and doctrinal positions, as well as on methodology for distinguishing between different offenses through an analysis of the object and subject of the offense, the status of the perpetrator, the methods of committing the offense, and the consequences. The practical significance of the article lies in the formation of an algorithm for the legal assessment of disputable situations, capable of reducing the risk of qualification errors in the investigation and adjudication of official crime cases.

Keywords: official crimes, abuse of authority, exceeding authority, official forgery, bribery, subject of crime, judicial practice.

Современная практика демонстрирует, что ключевой источник ошибок – смешение категорий «служебное положение» и «организационно-управленческие функции». В условиях контрактации государственных нужд функции контроля и распоряжения имуществом нередко передаются хозяйственным обществам, что требует оценки статуса их должностных лиц по аналогии с публичной службой. Уголовный закон связывает ответственность не с титулом должности, а с реальным объемом властных полномочий и возможностью воздействовать на охраняемые интересы службы [2]. Именно поэтому при квалификации первичен анализ того, чьи интересы нарушены – публичной службы либо корпоративного управления.

Следует отметить, что разграничение злоупотребления и превышения полномочий остается методологически трудной задачей. Критерий «использование вопреки интересам службы в пределах полномочий» противостоит критерию

«совершение действий, явно выходящих за их пределы». Оценка «интересов службы» требует конкретизации через правовые акты, должностные регламенты, стандарты добросовестности и разумности. Важен и признак корыстной или иной личной заинтересованности, который не сводится к материальной выгоде и может выражаться в карьерных или репутационных целях [4].

Стабильность квалификации зависит от устойчивого понимания объекта посягательства. В делах, связанных с государственным оборонным заказом, особенно остро встает вопрос о том, является ли непосредственным объектом порядок финансирования или интересы службы как таковые. Обоснован подход, в рамках которого объектом выступает установленный законом режим управления публичными ресурсами, а предмет преступления – бюджетные средства и связанные с ними имущественные права, что позволяет избежать подмены уголовно-правовой оценки гражданско-правовыми спорами [2]. Показательно замечание А. Д. Насибулина: «...выведение квалификации из нормативной природы оборонного заказа требует учитывать особый режим целевого финансирования и публично-правовую направленность интересов заказчика, иначе границы служебного преступления размываются дисциплинарной деликтностью» [6, с. 118].

Существенную роль играет конституционно-правовой контекст. Принцип верховенства Конституции требует толкования уголовно-правовых запретов в единстве с гарантиями прав и свобод, включая презумпцию невиновности, принцип определенности закона, запрет расширительного толкования в ущерб обвиняемому [1]. Это особенно важно при оценке «значительного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций»: критерий должен раскрываться через конкретные и проверяемые последствия, а не через абстрактную ссылку на «ущерб авторитету службы».

Практическая проблематика квалификации усиливается в делах о служебном подлоге. Разграничение со смежными составами (например, фальсификация доказательств, злоу-

потребление полномочиями) производится по целям и правовым последствиям внесения недостоверных сведений. Важен вопрос об обусловленности наступивших последствий фактом подлога: требуется причинная связь между искажением официального документа и нарушением охраняемых интересов управления, а не любое отклонение от делопроизводственных правил [2; 3].

Взятка и коммерческий подкуп требуют особо аккуратного подхода к предмету и способам передачи. Расширение безналичных форм расчетов, многоступенчатые посреднические схемы и «натуральные» формы вознаграждения в виде услуг создают доказательственные трудности, однако не меняют правовой природы преступления. Определяющими остаются встречаемость предоставления и функциональная связь вознаграждения с полномочиями лица независимо от того, выступает ли оно носителем публичной власти или управленцем в коммерческой структуре [2; 4]. Как подчеркивает В. И. Плохова, «...квалификация должна исходить из функционального ядра полномочий и связи вознаграждения с их реализацией; попытки отождествить любую пользу с подарком бытового характера искажали бы смысл уголовно-правового запрета» [7, с. 73].

Одним из испытанных ориентиров являются судебные разъяснения. Позиции высшей инстанции детализируют критерии «явного выхода за пределы полномочий», раскрывают содержание личной заинтересованности, предлагают типологию последствий, имеющих значение для квалификации, и подход к разграничению с дисциплинарными проступками [4]. Обязательность учета этих разъяснений в правоприменении связана с необходимостью единообразия и предсказуемости уголовной репрессии, особенно в сферах, где ведомственные регламенты разнородны.

Методически полезно при этом выделять алгоритм квалификации. Сначала устанавливается правовой статус лица и реальный объем управленческих функций; далее – интерес, которому причинен вред; затем – характер действий в соотношении с пределами полномочий; после – форма вины

и личная заинтересованность; напоследок – последствия и причинная связь. Такой алгоритм позволяет минимизировать ошибки «от обратного», когда исходят из тяжести последствий и подгоняют под них состав, игнорируя пределы полномочий и структуру объекта.

Особое внимание следует уделять способу совершеня. Криминалистическая характеристика в делах о сопротивлении исполнению служебных обязанностей судебного пристава, о служебном подлоге либо о взятке через посредников позволяет выявлять типовые следы, документы и коммуникации, укрепляя доказательственную базу и тем самым стабилизируя квалификацию. В логике этой характеристики способ выступает не только средством раскрытия, но и маркером разграничения смежных составов. Здесь уместно суждение М. П. Шруба: «...криминалистическая характеристика не сводится к абстракции; она служит информационно-поисковой основой, соединяющей признаки состава с реальными способами действий» [8, с. 33].

Дискуссионной остается граница между нецелевым использованием полномочий и предпринимательским риском в публично-частных проектах. Отнесение управленческих решений к зоне уголовной ответственности оправдано лишь при наличии явного нарушения установленных запретов или превышения предоставленной дискреции. Иначе уголовно-правовая оценка подменяет контроль целесообразности, что противоречит принципу разделения властей и автономии хозяйственного усмотрения [2].

Нельзя игнорировать процессуальные гарантии. Качество квалификации зависит от полноты фиксации статуса лица, предмета посягательства, документирования регламентов и локальных актов, а также от своевременного сличения версии обвинения с альтернативными правовыми режимами (дисциплинарным, бюджетным, гражданским). Обеспечение равенства сторон, допустимости и относимости доказательств служит не формальной, а содержательной гарантией от криминализации дисциплинарных проступков. В этой связи уместно напомнить: «...процессуальная фор-

ма – инструмент материальной справедливости; нарушение пределов доказывания искажает не только результат, но и сам предмет квалификации» [3].

Практика выявляет и «пограничные» кейсы с причинением вреда без очевидной личной заинтересованности. Здесь важен аккуратный анализ косвенных мотивов, конфликта интересов, скрытого фаворитизма. Однако построение обвинения исключительно на предположениях о мотивации недопустимо: требуются объективные признаки связи выгоды с реализацией полномочий и проверки версий о служебной необходимости и добросовестном заблуждении.

Итогом является следующее: устойчивость квалификации обеспечивается единством конституционных ориентиров, нормативной определенности и процессуальной дисциплины, а также опорой на криминалистическую характеристику способов совершения. В условиях усложняющейся публичной администрации предпочтителен метод «узкого горлышка»: от статуса и полномочий – к интересу службы – к способу и последствиям – к вине и выгоде. Такой порядок рассуждения минимизирует риски подмены уголовного права дисциплинарным и обеспечивает предсказуемость правоприменения.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.10.2025). – Текст : электронный.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15 октября 2025 г.), принятый Государственной Думой 24 мая 1996 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.10.2025). – Текст : электронный.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.)

(с изм. и доп., вступ. в силу с 01 сентября 2025 г.), принятый Государственной Думой 22 ноября 2001 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 14.10.2025). – Текст : электронный.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 14.10.2025). – Текст : электронный.

5. Мангутова, Е. В. Способ совершения преступлений, препятствующих осуществлению служебных полномочий судебного пристава-исполнителя как элемент криминалистической характеристики (на примере Ч.1 ст. 157 УК РФ) / Е. В. Мангутова // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – Т. 1. – № 5 (25). – С. 68–72. – Текст : непосредственный.

6. Насибулин, А. Д. Объект служебных преступлений, предусмотренных новеллами УК РФ в сфере государственного оборонного заказа / А. Д. Насибулин // International Law Journal. – 2024. – Т. 7. – № 6. – С. 115–121. – Текст : непосредственный.

7. Плохова, В. И. Служебные преступления в УК РФ / В. И. Плохова. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2021. – 248 с. – Текст : непосредственный.

8. Шруб, М. П. Криминалистическая характеристика преступлений – фантом или информационно-поисковая основа расследования? / М. П. Шруб // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2020. – № 2 (48). – С. 31–36. – Текст : непосредственный.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ АКЦИЙ APPLE В УСЛОВИЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В 2020–2025 ГОДАХ

Дзукаев Алан Казбекович,

*студент 3 курса направления подготовки 38.03.01 «Экономика»
(профиль «Государственные и муниципальные финансы»)
Владикавказского филиала Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации, г. Владикавказ
E-mail: dzukaev2004@mail.ru*

Мардеян Нозми Аристакесовна,

*кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры финансов и
кредита Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: nmardeyan@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу динамики акций компании Apple Inc. В контексте глобальной цифровой трансформации финансовых рынков рассмотрены ключевые макроэкономические и корпоративные факторы, влияющие на стоимость акций, включая монетарную политику федеральной резервной системы США, инфляционные процессы, инновационную активность и стратегию buyback. На основе данных за 2006–2025 гг. выявлены этапы роста и коррекций рыночной капитализации компании, проанализированы мультипликаторы (P/E, EPS, ROE, дивидендная доходность) и сравнительные показатели с основными конкурентами (Microsoft, Amazon, Google, Samsung).

Ключевые слова: Apple Inc, финансовый рынок; акции, P/E, EPS, ROE, дивидендная доходность, buyback, технологический сектор, инвестиционная привлекательность, рыночная капитализация, искусственный интеллект.

INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF APPLE STOCKS IN THE CONTEXT OF MACROECONOMIC INSTABILITY IN 2020–2025

Dzukaev Alan Kazbekovich,

the 3rd year student of 38.03.01 «Economics» (training programme «Public and Municipal Finance») at the Vladikavkaz branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz

Mardeyan Noemi Aristakesovna,

Cand. Sc. (Pedagogics), Associate Professor, Associate Professor of the Banking and Finance Department at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz

Abstract: The article is devoted to the analysis of the dynamics of Apple Inc. shares in the context of global digital transformation of financial markets. It examines the key macroeconomic and corporate factors influencing the share price, including the monetary policy of the US Federal Reserve System, inflationary processes, innovation activity, and the buyback strategy. Based on data from 2006 to 2025, the article identifies the stages of growth and corrections in the company's market capitalization, analyzes the multipliers (P/E, EPS, ROE, and dividend yield), and comparative indicators with key competitors (Microsoft, Amazon, Google, Samsung).

Keywords: Apple Inc, financial market, stocks, P/E, EPS, ROE, dividend yield, buyback, technology sector, investment attractiveness, market capitalization, artificial intelligence.

Современный финансовый рынок переживает эпоху цифровой трансформации, в которой технологические корпорации стали не просто участниками, а ключевыми драйверами глобального экономического роста [7; 8]. Их акции формируют значительную часть мировых индексов – NASDAQ-100, S&P 500, MSCI World – и оказывают прямое влияние на динамику капитализации фондового рынка в целом. Среди этих корпораций особое место занимает Apple Inc., акции которой традиционно рассматриваются как один из эталонных инструментов долгосрочного инвестирования и показателей доверия к технологическому сектору [1].

Изучение динамики акций Apple важно не только для понимания стратегии самой компании, но и для выявления общих закономерностей поведения ценных бумаг высокотехнологичных компаний в условиях изменчивой макроэкономической среды [2]. Период с 2020 года по 2025 год особенно показателен: он охватывает пандемийный кризис, глобальную инфляцию, ужесточение монетарной политики

федеральной резервной системы США (далее – ФРС США) и бурное развитие искусственного интеллекта (AI) и сервисных экосистем [8].

В финансовом анализе акций Apple ключевыми являются следующие параметры:

1. Объем торгов – количественный показатель активности рынка. Высокие объёмы отражают высокий интерес инвесторов и ликвидность инструмента.

2. Ликвидность – способность акций быстро обращаться на рынке без существенного изменения цены. Акции Apple относятся к числу наиболее ликвидных в мире.

3. Волатильность – степень изменчивости цены за определённый период. Она определяет уровень риска и потенциальной доходности.

На уровне фундаментального анализа применяются следующие мультипликаторы:

1. P/E (Price/Earnings) – отношение рыночной цены к прибыли на акцию.

2. EPS (Earnings per Share) – показатель прибыльности на одну акцию.

3. ROE (Return on Equity) – рентабельность собственного капитала.

4. Дивидендная доходность – процент дохода в виде дивидендов относительно текущей цены.

Каждый из этих показателей в целом помогает инвестору определить справедливую стоимость акции и её инвестиционную привлекательность [2].

Формирование рыночной цены акций невозможно рассматривать вне контекста макроэкономических условий [5; 6]. Основное влияние оказывают:

1. Монетарная политика ФРС США, особенно динамика процентных ставок.

2. Темпы инфляции и покупательная способность населения.

3. Курс доллара, влияющий на экспорт и глобальные продажи.

4. Общее состояние фондового рынка и уровень доверия инвесторов к рисковым активам.

Для технологического сектора особое значение имеют также событийные факторы: презентации новых продуктов, инновации в сфере искусственного интеллекта (далее – ИИ) и облачных сервисов, судебные разбирательства, кризисные явления и изменения в налоговой или антимонопольной политике [3; 8].

Рынок акций Apple, являющийся индикатором состояния сектора ИТ, наиболее чувствителен к сочетанию этих факторов.

На протяжении последних лет Apple удерживает позицию одной из крупнейших компаний мира по рыночной капитализации, которая в 2023–2025 гг. превышала 3 трлн долларов США. Годовая выручка компании стабильно превышает 350–380 млрд долларов, а чистая прибыль в 2024 году составила порядка 93–97 млрд долларов [1]. Компания регулярно выплачивает дивиденды (но в малых объемах) и проводит масштабные программы buyback – обратного выкупа акций, что способствует поддержанию их рыночной цены.

Акции компании обращаются на бирже NASDAQ под тикером AAPL и входят в число наиболее популярных и ликвидных инструментов в мире. Средний дневной объем торгов достигает 50–55 млн акций, что в десятки раз превышает показатели большинства компаний аналогичного сектора. Благодаря высокой ликвидности, акции Apple включены в ключевые мировые индексы – NASDAQ-100 и S&P 500, что делает их неотъемлемым элементом портфелей крупнейших институциональных инвесторов и ETF-фондов.

Эволюция рыночной стоимости акций Apple отражает как инновационные успехи компании, так и реакцию инвесторов на макроэкономические колебания. Рассмотрим динамику цен закрытия акций компании Apple и их характеристику (Таблица 1).

Таблица 1 – Динамика цен закрытия за период 2006–2025 гг. [4; 6]

Год	Цена закрытия	Комментарий
2006	2,55	Успех линейки iPod
2007	5,95	Запуск первого iPhone
2008	2,56	Падение из-за мирового кризиса
2009	6,33	Восстановление после рецессии
2010	9,68	Рост популярности iPhone
2011	12,16	Стабильный рост
2012	16,12	Успех iPhone 4S
2013	17,42	Коррекция после бума
2014	24,49	Новые рекорды продаж
2015	23,76	Замедление роста
2016	26,72	Возобновление восходящего тренда
2017	39,67	Рост интереса инвесторов
2018	37,53	Замедление мирового рынка
2019	70,92	Ожидания новых iPhone и сервисов
2020	129,29	Рост после пандемии
2021	174,09	Исторический максимум
2022	128,12	Коррекция из-за инфляции
2023	190,91	Восстановление позиций
2024	249,53	Новый исторический максимум
2025	257,13	Данные на октябрь 2025 года

Резкий рост цен на акции Apple в 2019–2021 гг. связан с сочетанием таких факторов, как запуск новых устройств с поддержкой 5G, бурное развитие сервисного направления, повышенный спрос на технику в период пандемии и финансовые шаги самой компании, включая сплит акций buyback. Все это происходило на фоне общего притока ликвидности на рынок США. Даже во время пандемии Apple оставалась «тихой гаванью» – спрос на технику для удалённой работы и онлайн-коммуникации резко вырос. Представим динамику акций 2020–2025 гг. (Таблица 2).

Таблица 2 – Динамика цены акции 2020–2025 гг. [4; 6]

Год	Цена закрытия (\$)	Диапазон (min-max)	Ключевые события
2020	129	51–135	Ковидный кризис, рост спроса на Mac и iPad
2021	174	113–178	Восстановление и рекордные продажи
2022	128	124–179	Повышение ставок ФРС, инфляция
2023	190	122–197	Возврат оптимизма на рынке технологий
2024	249	162–259	Новый максимум, рост сервисов и AI
2025	252	168–257	Колебания на фоне релиза iPhone 17 и AI-интеграция

По итогу рост акций Apple в 2020–2025 гг. был обусловлен сочетанием внутренних и внешних факторов: технологическими инновациями, активным развитием сервисов, программами buyback, снижением ставок и высокой ликвидностью на рынке США. Представим ключевые показатели Apple в 2024 г. (Таблица 3).

Таблица 3 – Ключевые финансовые показатели Apple (2024 г.)

Показатель	Значение	Комментарий
Рыночная капитализация	3.0 трлн \$	Лидер мирового фондового рынка
P/E	30	Выше среднего, отражает ожидание роста
EPS	6.6 \$	Высокая прибыль на акцию
ROE	145%	Исключительно высокая рентабельность
Дивидендная доходность	0.5%	Невысокая, акцент на buyback
Buyback	>80 млрд \$/год	Поддерживает цену и капитализацию

Проанализировав эти данные, можно сделать вывод, что Apple демонстрирует финансовую устойчивость и высокую доходность капитала, оставаясь одной из самых эффектив-

ных компаний сектора. Высокий P/E говорит о доверии инвесторов и ожидании дальнейшего роста прибыли, что дает толчок к активным торгам по данным видам акций на фондовом рынке.

По сравнению с конкурентами Apple остаётся одной из самых дорогих по мультипликатору P/E, однако демонстрирует высочайший ROE и стабильность прибыли. Инвесторы ГОТОВЫ переплачивать за устойчивость, узнаваемость бренда и масштаб экосистемы. Samsung выделяется более дивидендной доходностью, но уступает капитализации и рентабельности (Таблица 4).

Таблица 4 – Сравнение с конкурентами (2024 г.)

<i>Компания</i>	<i>Капитализация (\$ трлн)</i>	<i>P/E</i>	<i>EPS</i>	<i>ROE</i>	<i>Дивидендная доходность %</i>
Apple	3,0	34,4	6,6	164	0,4
Microsoft	2,8	37,5	13,7	29,6	0,2
Amazon	1,9	34,7	6,7	23,8	0
Google	2,2	25,0	2,8	30,8	0,3
Samsung	0,5	14,0	4,1	17,2	1,4

Следует отметить, что на акции Apple влияет широкий спектр факторов.

С внутренней стороны – это, прежде всего, финансовые результаты, продуктовые релизы и инновации. Например, удачный запуск нового iPhone или рост доходов от сервисов практически всегда подталкивают акции вверх. Также важна корпоративная политика: регулярные buyback и дивиденды поддерживают доверие инвесторов.

С внешней стороны главную роль играют макроэкономика и регуляторные условия. Решения ФРС о ставках сразу отражаются на котировках: повышение ставок обычно снижает интерес к акциям, а снижение – наоборот поддерживает рост. Сильный доллар негативно влияет на зарубежные продажи, а высокая конкуренция и антимонопольные расследования создают давление на бизнес.

Важно помнить, что новости и ожидания рынка тоже сильно двигают цену. Даже слухи о задержке поставок могут вызвать падение, а позитивные прогнозы – рост. Именно поэтому акции Apple часто называют «эмоциональными», хотя в долгосрочной перспективе их движение определяется устойчивыми фундаментальными показателями компании.

Анализ показал, что движение акций Apple определяется синергией инноваций и макроэкономических условий. Внутренние факторы (финансовые результаты, релизы, buyback) формируют устойчивый рост капитализации, в то время как внешние (ставки ФРС, валютный курс, антимонопольное давление) вызывают краткосрочные колебания.

Сравнение с конкурентами демонстрирует, что, несмотря на дороговизну по мультипликаторам, Apple остаётся самой эффективной и устойчивой компанией сектора. Интеграция ИИ и развитие подписочных сервисов открывают новые горизонты для ее роста в 2025–2030 гг.

Акции Apple Inc. за два десятилетия прошли путь от малоликвидного инструмента до символа технологического лидерства. За период с 2006 года по 2025 год их стоимость выросла более чем в 100 раз, а капитализация компании превысила 3 трлн долларов. Сильная сторона Apple – это инновации, бренд и финансовая дисциплина, выражающиеся в высоком ROE, стабильном EPS и регулярных программах buyback.

Таким образом, несмотря на вызовы (антимонопольные риски, насыщение рынка и зависимость от Китая), компания сохраняет инвестиционную привлекательность. В долгосрочной перспективе акции Apple могут оставаться одним из базовых активов портфелей инвесторов, отражая устойчивость технологического сектора и трансформацию финансовых рынков в эпоху ИИ.

Библиографический список

1. Apple Inc : годовой финансовый отчёт за 2024 год. – URL: https://s2.q4cdn.com/470004039/files/doc_earnings/

2024/q4/filing/10-Q4-2024-As-Filed.pdf (дата обращения: 17.01.2026). – Текст : электронный.

2. Воронина, Л. Н. Финансовые рынки и оценка инвестиционной привлекательности акций технологических компаний / Л. Н. Воронина // Финансы и кредит. – 2023. – № 9. – С. 45–52. – Текст : непосредственный.

3. Доходы Apple и тенденции в сфере инноваций : 2020–2025 : данные Forbes Media LLC, 2025. – URL: <https://www.forbes.com/sites/greatspeculations/> (дата обращения: 17.01.2026). – Текст : электронный.

4. Исторические цены на акции и данные по Apple Inc (AAPL) : данные рынка NASDAQ, 2025. – URL: <https://ru.tradingview.com/symbols/NASDAQ-AAPL/> (дата обращения: 17.01.2026). – Текст : электронный.

5. Министерство финансов США : официальный сайт. – Вашингтон, США, 1789. – URL: <https://home.treasury.gov/> (дата обращения: 17.01.2026). – Текст : электронный.

6. Обзор рыночных показателей и политики обратного выкупа акций Apple (2020–2025) : данные международного медиахолдинга Thomson Reuters, 2025. – URL: <https://www.reuters.com/markets/companies/AAPL.O/> (дата обращения: 17.01.2026). – Текст : электронный.

7. Перспективы технологической отрасли на 2025 год : финансовая устойчивость и цифровая трансформация : отчёт международной сети аудиторских и консалтинговых фирм PwC Global, 2025. – URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/technology/publications.html> (дата обращения: 17.01.2026). – Текст : электронный.

8. Технологические гиганты и рыночная капитализация: доминирование Apple в эпоху искусственного интеллекта : данные и аналитика Bloomberg Intelligence, 2024. – URL: <https://www.bloomberg.com/quote/AAPL:US> (дата обращения: 17.01.2026). – Текст : электронный.

9. Шохин, С. О. Цифровая трансформация фондовых рынков и влияние макроэкономических факторов / С. О. Шохин // Экономический анализ : теория и практика. – 2024. – № 5. – С. 12–21. – Текст : непосредственный.

НЕЗАВИСИМАЯ ГАРАНТИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Дряева Алана Васильевна,

*студент 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция»
(профиль «Юриспруденция») Владикавказского института
управления, г. Владикавказ
E-mail: olga_vladik@mail.ru*

Владычкина Ольга Александровна,

*старший преподаватель кафедры гражданского права
Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: olga_vladik@mail.ru*

Аннотация: В статье рассмотрены феномен независимой гарантии, как одной из возможностей обеспечения исполнения обязательств, и ее виды. Также выделены наиболее значимые, внесённые в законодательство изменения, касающиеся независимой гарантии.

Ключевые слова: независимая гарантия, гражданское право, Гражданский кодекс Российской Федерации, бенефициар, принципал, обязательства, гарант.

INDEPENDENT GUARANTEE IN CIVIL LAW

Dryaeva Alana Vasilievna,

*the 3rd year student of 40.04.01 «Law» (training programme «Law»
at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz*

Vladychkina Olga Alexandrovna,

*Senior Lecturer, Department of Civil Law at the Vladikavkaz Institute
of Management, Vladikavkaz*

Abstract: This article examines the phenomenon of the independent guarantee as one of the ways to ensure the fulfillment of obligations, and its types. It also highlights the most significant legislative changes related to independent guarantees.

Keywords: independent guarantee, civil law, Civil code of the Russian Federation, beneficiary, principal, obligations, guarantor.

Предметом нашего рассмотрения является феномен, который играет всё большую роль в современной экономике, – независимая гарантия, являющаяся мощным инструментом, обеспечивающим исполнение обязательств, словно надежный щит в сложных торговых отношениях. При заключении торговых сделок, международных контрактов, огромных проектов приходит на помощь независимая гарантия.

Нормы, касающиеся независимой гарантии, вступили в силу с 01 июня 2015 года, в соответствии с федеральным законом от 08 марта 2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ № 42), после принятия которого самым значительным изменениям подверглась гарантия. До этого момента Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) оперировал понятием «банковская гарантия». Однако теперь банковскую гарантию можно рассматривать как вид независимой гарантии.

Согласно ст. 368 ГК РФ, по независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму, в соответствии с условиями данного гарантом обязательства, независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства. Требование об определенной денежной сумме считается соблюденным, если условия независимой гарантии позволяют установить подлежащую выплате денежную сумму на момент исполнения обязательства гарантом [1].

Проанализировав параграф 6 гл. 23 ГК РФ, выделим наиболее значимые, внесённые в законодательство изменения, касающиеся независимой гарантии.

Изменения коснулись круга лиц, которые могут выступать гарантами. Э. Э. Нестерова справедливо отмечает, что институт «независимая гарантия» расширяет правовые возможности механизма применения гарантий как способа обеспечения исполнения обязательств. Теперь предоставлять гарантию могут не только банки и небанковские кредит-

ные учреждения, но и иные коммерческие организации, что является принципиально важным новым правилом [6].

Стоит обратить внимание, что феномен независимой гарантии относится к не акцессорным (т. е. не зависящим от основного обязательства) способам обеспечения исполнения обязательства, так как предусмотренное ей обязательство гаранта перед бенефициаром не зависит в отношениях между ними от основного обязательства, в обеспечение исполнения которого она выдана; от отношений между принципалом и гарантом, а также от каких-либо других обязательств, даже если в независимой гарантии содержатся ссылки на них [4].

Независимая гарантия может быть нескольких видов:

1. *Гарантия исполнения* – предназначена для обеспечения исполнения услуги согласно договору (контракту) или своевременного выполнения поставки.

2. *Авансовая гарантия* – выдаётся на сумму аванса, оплаченного покупателем за товары, работы, услуги. Её цель заключается в обеспечении возврата суммы уплаченного аванса в случае, если продавец не исполняет свои обязательства по поставке товара.

3. *Гарантия на обеспечение заявки* – гарантирует участие поставщика в процессе закупки и исполнение обязательств при победе в процедуре.

4. *Гарантия выполнения гарантийных обязательств* – подтверждает надёжность поставщика в выполнении условий договора по гарантийным условиям [5].

Д. Л. Шолохова, анализируя нормы параграфа 6 гл. 23 ГК РФ, отмечает, что необходимо выделить существенные черты независимой гарантии, призванной обеспечить должное исполнение принципалом своих обязательств. Прежде всего, необходимо отметить особый субъектный состав участников данных правоотношений:

1) гарант – это лицо, которое выдало письменный документ, содержащий обязательство выплатить денежную сумму в случае представления бенефициаром письменного

требования об оплате, составленного в соответствии с условиями независимой гарантии;

2) принципал (должник) – это лицо, являющееся должником по обязательству, исполнение которого обеспечивается независимой гарантией, выданной гарантом по его просьбе;

3) бенефициар (кредитор) – это лицо, в пользу которого как кредитора принципала выдается независимая гарантия [7].

Данные отношения включают три стороны, каждая из которых выполняет определенные функции. Принципал получает независимую гарантию, выданную гарантом, с целью ее предоставления бенефициару, который в свою очередь заинтересован в данном документе для снижения собственных рисков и большей уверенности в контрагенте.

Изменения также затронули нормы о предмете гарантии. В ранее действующей редакции предметом гарантии могли выступать исключительно денежные средства (ст. 368 ГК РФ). Действующая же редакция в качестве предмета гарантии, помимо денежных средств, в п. 5 ст. 368 ГК РФ вводит и иные объекты: вместо денежных средств передаче подлежат акции, облигации или вещи, определенные родовыми признаками, если иное не вытекает из существа отношений.

Независимая гарантия выдается в письменной форме, позволяющей достоверно определить условия гарантии и удостовериться в подлинности ее выдачи определенным лицом в порядке, установленном законодательством, обычаем или соглашением гаранта с бенефициаром [1].

В независимой гарантии должны быть указаны: дата выдачи; принципал; бенефициар; гарант; основное обязательство, исполнение по которому обеспечивается гарантией; денежная сумма, подлежащая выплате, или порядок ее определения; срок действия гарантии; обстоятельства, при наступлении которых должна быть выплачена сумма гарантии [2].

В ранее действующей редакции ГК РФ было закреплено правило, согласно которому банковская гарантия не могла

быть отозвана гарантом, если в ней не предусмотрено иное (ст. 371 ГК РФ). Про изменение гарантии ничего не говорилось. Согласно действующей редакции ГК РФ, этот вопрос решается по-другому. Так, независимая гарантия не может быть отозвана или изменена гарантом, если в ней не предусмотрено иное. В случаях, когда по условиям независимой гарантии допускается ее отзыв или изменение гарантом, такой отзыв или такое изменение производится в форме, в которой выдана гарантия, если иная форма не предусмотрена гарантией. Если по условиям независимой гарантии допускается возможность ее отзыва или изменения гарантом с согласия бенефициара, то обязательство гаранта считается измененным или прекращенным с момента получения гарантом согласия бенефициара [4].

Изменение обязательства гаранта после выдачи независимой гарантии принципалу не затрагивает прав и обязанностей принципала, если он впоследствии не дал согласие на соответствующее изменение. В независимой гарантии может содержаться условие об уменьшении или увеличении суммы гарантии при наступлении определенного срока или определенного события [2].

Мы говорим о независимом обязательстве гаранта перед бенефициаром. Это означает, что гарант, будь то банк или иная надежная компания, берёт на себя ответственность абсолютно независимо от того, сдержал ли принципал (тот, кто заказывает гарантию) свои обязательства перед бенефициаром (тем, кто получает гарантию) или нет. Это как договорная крепость, которая защищает интересы обеих сторон [3].

Изменения также затронули норму о прекращении гарантии. Основания для прекращения гарантии, которые были указаны в ранее действующей редакции ГК РФ, частично претерпели изменения, а именно, два последних основания, указанных в п. 1 ст. 378 ГК РФ. В соответствии с редакцией ФЗ № 42 в ГК РФ, предусмотрены новые основания прекращения гарантии:

1. Бенефициар может отказаться от прав по гарантии и без возврата самой гарантии гаранту.

2. Прекращение обязательства по гарантии на основании соглашения гаранта с бенефициаром. В новой редакции ГК РФ (абз. 1 п. 2 ст. 378 ГК РФ) также предусмотрена возможность указания в гарантии или соглашении между гарантом и бенефициаром на необходимость возврата гарантии гаранту для прекращения обязательств по гарантии. Однако такая возможность установлена для третьего и четвертого оснований прекращения гарантии, указанных в п. 1 ст. 378 ГК РФ.

Однако обязательство гаранта перед бенефициаром по независимой гарантии прекращается:

- уплатой бенефициару суммы, на которую выдана независимая гарантия;
- окончанием определенного в независимой гарантии срока, на который она выдана;
- вследствие отказа бенефициара от своих прав по гарантии;
- по соглашению гаранта с бенефициаром о прекращении этого обязательства [1].

Независимой гарантией или соглашением гаранта с бенефициаром может быть предусмотрено, что для прекращения обязательства гаранта перед бенефициаром необходимо вернуть гаранту выданную им гарантию. Прекращение обязательства гаранта по основаниям не зависит от того, возвращена ли ему независимая гарантия. Гарант, которому стало известно о прекращении независимой гарантии по основаниям, предусмотренным ст. 378 ГК РФ, должен уведомить об этом принципала без промедления [4].

На наш взгляд, независимая гарантия является не чем иным, как способом обеспечения обязательств, то есть она существует не ради себя самой, а ради другого основного обязательства, и именно по этой причине право требования возникает у бенефициара исключительно при наступлении гарантийного случая – при неисполнении основного обязательства. Независимая гарантия является способом обеспечения исполнения обязательства и в силу самого смысла такого обеспечения.

Таким образом, отметим, что главное преимущество независимой гарантии вытекает как раз из ее названия и заключается в ее независимости от основного обязательства. Институт независимой гарантии создан в целях предотвращения или уменьшения негативных последствий, которые могут возникнуть при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником своего обязательства. Независимая гарантия предполагает выгоды для всех её участников. Для принципала это возможность обратиться не только в банк, но и любую коммерческую организацию. Гарант вправе приостановить срок выплаты, отозвать или изменить гарантию, а бенефициар передать свои права другому лицу. Кардинальные изменения по вопросу регулирования банковских гарантий связаны с желанием законодателя привести отечественный закон к положениям международного права.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. 08 августа 2024 г.), принятый Государственной Думой 21 октября 1994 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 23.02.2026). – Текст : электронный.

2. Алексеева, О. Г. Гражданское право : учебник для студентов юридических высших учебных заведений / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало ; в 2 томах. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2021. – Том 1. – 614 с. – Текст : непосредственный.

3. Аникеева, Т. М. Гражданское право : учебник / Т. М. Аникеева, Р. М. Ахмедов, А. П. Горелик [и др.] ; под науч. ред. Р. А. Курбанова, Т. В. Дерюгиной, А. Н. Кузбагарова ; под общ. ред. Н. Д. Эриашвили [и др.]. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юнити-Дана ; Закон и право, 2023. – 744 с. – Текст : непосредственный.

4. Бакунин, С. Н. Гражданское право : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» / С. Н. Бакунин,

А. В. Барков, О. А. Герасимов [и др.] ; под общ. ред. В. П. Камышанского ; в 2 томах. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юнити-Дана, 2024. – Т. 1. – 449 с. – Текст : непосредственный.

5. Болтанова, Е. С. Гражданское право. Общая часть : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» / Е. С. Болтанова, Н. В. Багрова, Т. Ю. Баришпольская [и др.] ; под ред. д-ра юрид. наук Е. С. Болтановой. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 513 с. – Текст : непосредственный.

6. Нестерова, Э. Э. Независимая гарантия vs. поручительство : вытеснит ли независимая гарантия поручительство из гражданского оборота России? / Э. Э. Нестерова // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 143–148. – Текст : непосредственный.

7. Шолохова, Д. Л. Независимая гарантия в сфере реформы гражданского законодательства / Д. Л. Шолохова // Научные тенденции : Юриспруденция : сборник научных трудов по материалам V Международной научной конференции (г. Москва, 20 мая 2017 г.). – Москва : Центр научных конференций Международной научно-исследовательской Федерации «Общественная наука», 2017. – С. 37–39. – Текст : непосредственный.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «ОРГАНИЗОВАННАЯ ГРУППА» И «ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО»

Жажиева Анна Алановна,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01
Юриспруденция (профиль «Уголовное право и криминология»)
Северо-Осетинского государственного университета
им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: annazh1996@mail.ru*

Цориева Елена Святославовна,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-
правовых дисциплин Северо-Осетинского государственного
университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: altsorieva@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений, совершаемых организованной группой и преступным сообществом, с учетом анализа судебной практики, уделяется внимание проблемам разграничения организованной группы, преступного сообщества и иных форм соучастия. В данном исследовании предлагаются меры по совершенствованию уголовного законодательства для совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: квалификация преступления, организованная группа, преступное сообщество, уголовное законодательство.

ON THE CONCEPTS OF «ORGANIZED GROUP» AND «CRIMINAL COMMUNITY»

Zhazhieva Anna Alanovna,

*the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme
«Criminal Law and Criminology») at the North Ossetian State University
named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz*

Tsorieva Elena Svyatoslavovna,

*Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines at the North Ossetian State University named
after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz*

Abstract: The article discusses the problems of qualifying crimes committed by an organized group and a criminal community, taking into account the analysis of judicial practice. Particular attention is paid to the problems of distinguishing between an organized group, a criminal community, and other forms of complicity. This study proposes measures to improve criminal legislation in order to improve law enforcement practice.

Keywords: crime qualification, organized group, criminal community, criminal legislation.

Современная юридическая наука демонстрирует повышенный интерес к проблематике коллективной преступности, в рамках которой институт соучастия занимает центральное место. Нормативное выражение этот институт находит в положениях ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), где зафиксирована дифференциация преступных формирований на группу лиц, группу лиц по предварительному сговору, организованную группу и преступное сообщество [1]. Данная классификационная система отражает законодательный подход к типологизации криминальных объединений по степени их социальной опасности. При этом судебная практика постоянно сталкивается с проблемой разграничения смежных форм соучастия.

Типология совместной преступной деятельности базируется на комплексном анализе объективных и субъективных детерминант, определяющих специфику взаимодействия правонарушителей. К числу системообразующих критериев относятся: избранная модель кооперации при совершении противоправного акта; функциональная специализация участников; ролевая структура группы и характер интегрированности в криминальный процесс. Эти параметры напрямую коррелируют с внутренней архитектурой преступного образования, особенностями коммуникаций между соучастниками, содержанием и масштабом предварительной договорённости. Современные криминалистические исследования показывают, что степень сплочённости группы непосредственно влияет на латентность её деятельности. Таким образом, категория формы соучастия представляет собой

интегративный комплекс признаков, объективирующих уровень консолидации и координации лиц, совместно реализующих преступный умысел.

Особую дискуссионность в доктрине уголовного права вызывает конструкция организованной группы, чья легальная дефиниция остается предметом научных дебатов. Отсутствие в отечественном законодательстве детализированного определения данного понятия порождает терминологическую неопределённость и создаёт существенные сложности в правоприменительной деятельности. Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ, квалифицирующим признаком выступает совершение деяния устойчивым объединением лиц, заранее сформировавшимся для реализации преступных целей. Многие процессуалисты отмечают, что критерий «устойчивости» требует более чётких оценочных параметров. Нормативная характеристика ограничивается констатацией двух ключевых атрибутов – устойчивости и целевой направленности на систематическое совершение преступлений, что актуализирует потребность в доктринальном толковании этих признаков.

В структуре организованной группы доминирующее значение принадлежит признаку устойчивости, который проявляется через совокупность формальных и неформальных показателей. Криминологический анализ позволяет выделить такие маркеры устойчивости, как стабильность персонального состава, наличие организационной иерархии, предварительное планирование противоправных акций и функциональное распределение ролей. Существенным индикатором выступает способность группы сохранять операционную активность несмотря на изъятие отдельных участников правоохранительными органами. Сложность доказывания данного признака на практике обусловлена необходимостью установления не только формальных, но и латентных связей между членами группировки. Криминалистически значимым представляется анализ коммуникационных каналов и способов конспирации, используемых организованными формированиями.

Доктринальная палитра трактовки признаков организованной группы отличается значительным разнообразием, расширяя легальную характеристику за счет дополнительных критериев. В специальной литературе встречаются указания на такие атрибуты, как умышленная координация действий, наличие материально-финансовой базы, иерархическая структура управления и особая психология групповой сплочённости [6]. Отдельные авторы акцентируют внимание на специфике интеллектуально-волевого отношения соучастников, выражающегося в осознании принадлежности к устойчивому криминальному образованию. Большинство предложенных научных конструкций представляют собой не альтернативу законодательному определению, а попытку операционализации его ключевых элементов для нужд правоприменительной практики.

Современные исследователи продолжают разработку системы диагностических признаков, позволяющих идентифицировать организованную группу в рамках уголовного судопроизводства. А. Н. Мондохонов в качестве базовых детерминант выделял устойчивость межличностных связей и целенаправленное объединение для совершения преступлений [8]. Аналогичной позиции придерживается Н. П. Водько, подчёркивающий значение предварительной консолидации участников вокруг общей противоправной цели [5]. А. Д. Алымова акцентирует внимание на минимальной численности (два и более лица), стабильности групповой структуры и целевом ориентире на неоднократную реализацию преступных намерений [3]. Многие криминалисты справедливо указывают на необходимость учёта транснационального характера современных организованных группировок. Несмотря на различия в акцентах, представленные научные подходы сходятся в признании комплексного характера анализируемого феномена, требующего системного анализа всех его структурных компонентов.

Содержательный минимум признаков организованного криминального формирования непосредственно детерминирован нормативными предписаниями части 3 статьи 35

УК РФ, образуя юридически достаточный комплекс для соответствующей квалификации. При этом научный дискурс демонстрирует тенденцию к экспансии системы диагностических критериев, предлагая более развернутую палитру характеристик. В доктринальных источниках к числу конституирующих признаков относят: синхронизированность поведенческих актов участников, целенаправленный характер их активности, свойство внутренней упорядоченности, формирование преступного замысла на стадии, предшествующей приготовлению, иерархическое строение, общность финансово-материальных ресурсов, индивидуальный вклад каждого члена группы в реализацию противоправного замысла, факт предварительного соглашения о групповой деятельности, а также специфику интеллектуально-волевого отношения соучастников, выражающегося в осознании своей принадлежности к устойчивому образованию и участию в согласованной деятельности по распределенным ролевым функциям [4].

Важным аспектом при установлении признаков организованности является анализ криминальной специализации участников группы. Представленный спектр признаков следует рассматривать не как альтернативу законодательной конструкции, а как доктринальную конкретизацию ее содержательных элементов. Методологически обоснованным представляется первоначальное установление факта группового характера преступления, с последующей верификацией уровня его организованности. Фундаментальными предпосылками для привлечения к ответственности выступают возрастная деликтоспособность и вменяемость всех участников группового образования, что предполагает соответствие субъектов установленным законом критериям уголовной ответственности.

Современная криминальная практика свидетельствует о тенденции к увеличению среднего размера организованных групп до трех-четырех и более участников. Судебная практика фиксирует преобладание более многочисленных формирований, что объективно детерминировано их повышен-

ными операционными возможностями, обеспечивающими как эффективность криминальной деятельности, так и возрастание уровня общественной опасности. Таким образом, минимальная численность постоянного состава организованной группы, подлежащая учету при квалификации, должна составлять два лица, соответствующих установленным законом критериям.

Наиболее репрезентативной моделью коллективной преступной деятельности, с точки зрения общественной опасности и структурной сложности, выступает преступное сообщество (преступная организация). Современная уголовно-правовая доктрина демонстрирует отсутствие консенсуса относительно существенных параметров данного феномена, что порождает перманентную научную полемику. Дискуссионным остается вопрос о соотношении признаков организованной группы и преступного сообщества в судебной практике. Значительные сложности возникают в правоприменительной деятельности при квалификации деяний по ст. 210 УК РФ, что обусловлено наличием лагун в интерпретации положений части 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ. Легальная дефиниция анализируемого понятия закреплена в ч. 4 ст. 35 УК РФ. При этом дублирование терминологического аппарата («преступное сообщество» и «преступная организация») представляется не вполне обоснованным. Действующее законодательство исходит из их синонимичности, что находит подтверждение в позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении Пленума № 12 от 10 июня 2010 г. [2].

Унификация терминологии позволила бы исключить коллизии при квалификации преступных объединений. Целесообразной видится консолидация терминологии путем закрепления в УК РФ единого понятия «преступное сообщество», учитывая возможные ассоциации термина «организация» с конструкциями гражданского права. Согласно законодательной дефиниции, преступное сообщество (преступная организация) представляет собой структурированное организованное образование либо конгломерат организованных

групп, функционирующих под единым руководством, члены которого консолидированы для совершения тяжких или особо тяжких преступлений с целью извлечения прямой или косвенной финансовой либо иной материальной выгоды. Буквальное толкование ч. 4 ст. 35 УК РФ позволяет идентифицировать две организационные формы: структурированную организованную группу и объединение организованных групп под единым руководством. Криминализация создания преступного сообщества отражает повышенную общественную опасность данного вида соучастия. Ключевым квалифицирующим признаком в обоих случаях остается специальная цель – совершение тяжких или особо тяжких преступлений для получения имущественных выгод [7].

Законодательная дифференциация двух организационных моделей преступных сообществ порождает закономерный вопрос о целесообразности такого разделения и критериях их разграничения. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 12 конкретизирует структурированную группу как устойчивое объединение лиц с внутренним разделением на функциональные подразделения, обладающие стабильным составом и скоординированным взаимодействием. При этом судебное толкование определяет подразделение как автономную группу, реализующую преступную деятельность в русле общих целей сообщества. Современные формы организованной преступности часто сочетают признаки обеих организационных моделей.

Правоприменительные сложности возникают при разграничении структурированной группы и объединения организованных групп, поскольку критерии их дифференциации остаются недостаточно четкими. Судебная практика фактически отождествляет подразделение в структурированной группе с организованной группой в объединении, указывая на сходство их характеристик. Хотя организованные группы в составе объединения сохраняют определенную автономию, деятельность их структурных элементов не может рассматриваться изолированно от общего контекста функционирования преступного сообщества. Эффективность проти-

водействия преступным сообществам напрямую зависит от понимания их организационной архитектуры.

Анализ судебных разъяснений позволяет выделить два принципиальных отличия между подразделением структурированной группы и самостоятельной организованной группой в составе объединения. Первое отличие заключается в том, что функционал подразделения структурированной группы не всегда ограничивается совершением деяний, содержащих формальные признаки преступления. Второе отличие состоит в том, что организованные группы в рамках объединения под единым руководством обладают более выраженной самостоятельностью. Криминалистически значимым представляется анализ степени автономии структурных элементов преступного образования.

Данные критерии имплицитно присутствуют в положениях пунктов 4 и 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 от 10 июня 2010 г., хотя и не получают в них явного нормативного закрепления. В частности, пункт 4 указанного Постановления предусматривает, что подразделения структурированной организованной группы могут осуществлять не только непосредственно преступные действия, но и выполнять вспомогательные функции, обеспечивающие жизнедеятельность преступного сообщества. Правовая квалификация вспомогательной деятельности преступных сообществ требует дальнейшего совершенствования.

Следовательно, вспомогательная деятельность структурных подразделений может не содержать формальных признаков конкретного состава преступления, в отличие от организованной группы, изначально создаваемой для совершения преступлений. Такой подход порождает дискуссии в доктрине уголовного права, где некоторые исследователи допускают возможность специализации подразделений на действиях, не образующих самостоятельный состав преступления. Однако представляется, что оценка деятельности любых структурных элементов преступного сообщества должна осуществляться в контексте общей про-

тивоправной направленности всего объединения, поскольку эффективность его функционирования обусловлена именно согласованностью усилий всех участников для достижения преступных целей. Уголовно-правовая оценка должна учитывать интегративный характер деятельности всех элементов преступного сообщества.

В качестве заключительного тезиса следует отметить, что предложенная интерпретационная модель положений ст. 35 УК РФ обладает внутренней логической целостностью и может служить методологической основой для более точной квалификации деятельности участников преступных формирований. Дальнейшее совершенствование уголовного законодательства должно быть направлено на устранение выявленных терминологических и квалификационных противоречий.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, принятый Государственной Думой 24 мая 1996 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.10.2025). – Текст : электронный.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/ (дата обращения: 12.10.2025). – Текст : электронный.

3. Алымова, А. Д. Понятие и признаки организованной преступной группы в российском уголовном праве / А. Д. Алымова // Юридическая наука. – 2015. – № 1. – С. 47–53. – Текст : непосредственный.

4. Бессонов, А. А. Уголовно-правовая характеристика убийства, совершенного организованной группой // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 8–11. – Текст : непосредственный.

5. Водько, Н. П. Уголовный кодекс о борьбе с организованной преступностью / Н. П. Водько // Российская юстиция. – 1997. – № 4. – С. 15–19. – Текст : непосредственный.

6. Козлов, А. П. Соучастие : традиции и реальность : монография / А. П. Козлов. – Санкт-Петербург : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – 362 с. – Текст : непосредственный.

7. Михайлов, М. У. Определение понятия преступного сообщества (преступной организации) в российском уголовном праве / М. У. Михайлов // Современные исследования в сфере социальных и гуманитарных наук : сборник результатов научных исследований. – Киров : АНО ДПО МЦИТО, 2018. – С. 76–768. – Текст : непосредственный.

8. Мондохонов, А. Н. К вопросу о понятии организованной группы в уголовном законодательстве России / А. Н. Мондохонов // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 2 (53). – С. 96–100. – Текст : непосредственный.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Икаев Леван Шенгелевич,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01
«Юриспруденция» (профиль «Гражданское право») Северо-Осетинского
государственного университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: nelly.a77@mail.ru*

Айдарова Нелли Георгиевна,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
и процесса Северо-Осетинского государственного университета
им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: nelly.a77@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, касающиеся одного из оснований принудительного прекращения прав на земельные участки. Изъятие земель для государственных (муниципальных) нужд является одной из самых распространенных форм изъятия земель. Авторы анализируют основные элементы процедуры изъятия земельных участков, в том числе путем выкупа.

Ключевые слова: принудительное прекращение прав на землю, изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд, выкуп земельного участка, собственники, землепользователи, землевладельцы, арендаторы.

LEGAL REGULATION OF LAND SEIZURES FOR STATE OR MUNICIPAL NEEDS

Ikaev Levan Shengelevich,

the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme «Civil Law») at the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz

Aidarova Nelly Georgievna,

*Cand. Sc. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law
and Procedure at the North Ossetian State University named after K. L.
Khetagurov, Vladikavkaz*

Abstract: The article examines the issues related to one of the grounds for the compulsory termination of rights to land plots. The seizure of land for state (municipal) needs is one of the most common forms of land seizure. The authors analyze the main elements of the procedure for the seizure of land plots, including through purchase.

Keywords: compulsory termination of rights to land, seizure of a land plot for state and municipal needs, redemption of a land plot, owners, land users, landowners, tenants.

Изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд в российском правовом порядке представляет собой форму принудительного прекращения вещных прав на земельные участки и обязательственных прав, связанных с их использованием, допускаемую только при наличии публичной цели, при соблюдении требований законности, осуществлении судебного контроля и предоставлении равноценного возмещения. Положение части третьей статьи 35 Конституции Российской Федерации определяет, что лишение имущества допускается на основании судебного решения и при условии предварительного возмещения, что выступает критерием оценки правомерности такого вмешательства [1].

Земельный кодекс Российской Федерации устанавливает основания прекращения права собственности, в том числе принудительное изъятие в порядке, предусмотренном гражданским законодательством, а статья 49 ЗК РФ регламентирует основания и пределы изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд, закрепляя исключительный характер данной меры [3]. Гражданский кодекс Российской Федерации, регулируя отношения, связанные с выкупом, определяет частноправовой механизм данного института, включая сроки уведомления правообладателя, соглашение о выкупе как основание урегулирования условий изъятия, а также судебный порядок разрешения спора при недостижении соглашения [2]. Сочетание публично-правового решения об изъятии и частноправового механизма выкупа формирует правовую конструкцию, в которой инициирование процедуры обусловлено принятием упол-

номоченным органом соответствующего решения, однако прекращение права собственности и определение размера возмещения при наличии спора осуществляются с учетом судебной оценки.

О. И. Крассов, рассматривая соотношение публичного интереса и частной автономии в земельных отношениях, указывает на то, что «стабильность прав на землю не может быть принесена в жертву хозяйственной целесообразности органов власти» [6]. Такое понимание изъятия представляется обоснованным, поскольку оно рассматривается как исключительная мера, а не как обычный инструмент территориального развития: публичная цель может быть признана правомерной только в том случае, когда она закреплена в нормативном порядке, конкретизирована применительно к соответствующим объекту и земельному участку, а также подтверждено отсутствие возможности достижения соответствующего результата иными средствами.

Основанием изъятия является решение уполномоченного органа публичной власти, принимаемое в пределах компетенции, определенной статьями 9–11 ЗК РФ, что свидетельствует о наличии в данном институте административно-правового элемента [3]. При этом правовые последствия такого решения не ограничиваются принятием административного акта: прекращение права собственности и иных вещных прав влечет применение гражданско-правовой процедуры выкупа, в рамках которой существенное значение имеют условия о выкупной цене и возмещении, а также судебный порядок разрешения спора. Сочетание названных элементов направлено на исключение произвольного вмешательства, а также на обеспечение возможности проверки наличия публичной цели. Вместе с тем в правоприменительной практике возникает вопрос о пределах судебной проверки решения об изъятии, в особенности в случаях, когда предметом спора формально является только размер возмещения.

Отличие земельно-правового регулирования от гражданско-правового состоит в определении круга лиц, права которых подлежат прекращению. ГК РФ, закрепляя нормы

о выкупе, исходит прежде всего из прекращения прав собственника, в то время как ЗК РФ распространяет соответствующее регулирование также на землепользователей, землевладельцев и арендаторов, то есть лиц, чья правовая и хозяйственная связь с земельным участком может носить длительный и экономически значимый характер [3]. Такое расширение круга защищаемых лиц является обоснованным, поскольку принудительное прекращение прав, не связанных с правом собственности, может затрагивать имущественные интересы в степени, сопоставимой с прекращением права собственности, в связи с чем требует предоставления соразмерных гарантий.

Содержание понятия государственных и муниципальных нужд относится к числу наиболее дискуссионных элементов данного механизма. Законодатель, закрепляя типовые случаи и допуская установление дополнительных оснований в иных актах, не даёт общего определения этого понятия, вследствие чего основная роль в раскрытии его содержания переходит к доктрине и судебной практике [3]. В результате содержание публичной цели в ряде случаев определяется чрезмерно широко, что создаёт риск отождествления общественного интереса с интересом самого проекта и тем самым снижает значение требования исключительного характера такого вмешательства. Понимание государственных и муниципальных нужд должно основываться на критерии юридической проверяемости: такая цель должна быть обусловлена осуществлением функций публичной власти и находить выражение в создании, размещении либо использовании объекта, предназначенного для обслуживания неопределённого круга лиц либо для реализации конституционно значимых задач.

Е. А. Конюх, рассматривая вопросы обеспечения жилищных и земельных прав при изъятии, отмечает, что «приоритет публичной цели не отменяет обязанности государства уважать фактическую связь лица с землёй и жилищем» [5]. Представленная позиция может быть поддержана применительно к случаям прекращения аренды или иного права

пользования, связанного с осуществлением вложений и наличием устойчивых правомерных ожиданий: объём компенсации и содержание процессуальных гарантий должны соответствовать характеру и степени вмешательства, а не определяться исключительно производным характером соответствующего титула по отношению к праву собственности.

Е. В. Седлова определяет государственные и муниципальные нужды через объективно возникшие общественно значимые потребности, которые закреплены в нормативных правовых актах и реализуются уполномоченными органами [7]. В данном подходе существенное значение имеет требование нормативной определённости: если цель не закреплена в акте надлежащей юридической силы и не может быть проверена на основании объективных критериев, то решение об изъятии приобретает характер акта усмотрения, судебный контроль за которым существенно затрудняется.

Р. Г. Аракельян, рассматривая резервирование и изъятие в качестве элементов механизма регулирования отношений собственности, соотносит публичные нужды с задачами органов публичной власти, определяемыми конституционными и отраслевыми законами, тем самым акцентируя обязанность государства обеспечивать правомерность такого вмешательства [4]. Е. В. Седлова в свою очередь указывает на то, что «публичная потребность должна быть выражена в правовой форме и поддаваться проверке» [7]. Данный подход представляется обоснованным, однако критерий наличия публичной потребности не должен сводиться исключительно к виду программного документа: применительно к региональным и муниципальным проектам определяющее значение имеет не наименование акта территориального планирования, а наличие подтверждаемой публичной функции объекта, соразмерность применяемой меры и отсутствие разумных альтернатив его размещения.

Гражданское законодательство предусматривает обязанность письменного уведомления заинтересованных лиц не позднее чем за один год до предстоящего изъятия, что

является не формальным действием, а юридическим условием соблюдения надлежащей процедуры [2]. Уведомление должно содержать достаточные сведения о проекте, предполагаемых сроках его реализации и объёме изъятия, поскольку при отсутствии таких сведений лицо лишено возможности оценить правовые и имущественные последствия изъятия, а также подготовить обоснование убытков. Стадия переговоров предполагает достижение соглашения о выкупе, при этом на данной стадии подлежит оценке добросовестность действий публичной стороны: предложения о возмещении должны быть мотивированными и основываться на проверяемой оценке.

В состав возмещения входят рыночная стоимость земельного участка либо иных прав, подлежащих прекращению, а также убытки, включая упущенную выгоду, что обеспечивает учёт экономической функции земли и последствий прекращения хозяйственных связей [2]. Обоснованным является рассмотрение возмещения в связи с целями изъятия: равноценность возмещения не должна пониматься ограничительно как возмещение, сводимое только к стоимости имущества, в случаях, когда изъятие влечёт нарушение производственного цикла, утрату инфраструктурных связей либо доступа к иным объектам, поскольку именно такие последствия образуют реальный имущественный ущерб, который подлежит возмещению в полном объёме.

Рыночная стоимость земельного участка, определённая без учёта затрат на перенос инженерных сетей, переоборудование, восстановление подъездных путей и временную утрату дохода, может не отражать действительный имущественный эквивалент. С. А. Чаркин отмечает, что отсутствие чётких критериев публичной нужды и оценочных процедур может приводить к разрешению соответствующих вопросов в ущерб частным собственникам [9]. В данной ситуации обоснованным является усиление стандарта доказывания: публично-правовое образование или уполномоченный орган должны представлять не только расчёт стоимости, но и

обоснование исключения отдельных видов убытков, а суд – оценивать последствия изъятия для имущественного положения правообладателя в целом.

Судебная защита приобретает практическое значение в том случае, когда суд способен проверять не только размер компенсации, но и наличие правомерной публичной цели, соблюдение пределов компетенции и добросовестность проведения процедуры, поскольку, как отмечает Н. А. Сыродоев, «вмешательство допустимо лишь при ясном критерии общественной цели» [8]. Конституционное требование о судебном решении предполагает оценку судом законности вмешательства в целом, включая наличие связи между проектом и соответствующим земельным участком, а также реальность отсутствия альтернативных вариантов размещения объекта [1]. В противном случае судебный контроль сводится к разрешению спора о размере возмещения, тогда как первоначальное нарушение может состоять в неправомерном выборе земельного участка либо в расширительном толковании публичных нужд.

Частичное изъятие земельного участка образует самостоятельный вопрос в рамках рассматриваемого механизма. ГК РФ допускает выкуп части земельного участка только с согласия собственника, что соответствует принципу минимизации вмешательства. Однако и при наличии такого согласия сохраняется вопрос о пригодности оставшейся части участка для дальнейшего использования и о компенсации уменьшения её стоимости [2]. Представляется обоснованным, что равноценность возмещения должна включать оценку потребительской и хозяйственной пригодности оставшейся части участка, расходы на переустройство территории и объектов, связанных с её использованием, а также снижение возможности её использования по прежнему назначению; в противном случае частичное изъятие может повлечь утрату экономической ценности оставшейся части участка без предоставления соответствующего имущественного эквивалента.

Наконец, в условиях привлечения частного капитала к созданию объектов публичного назначения возникает проблема последующей передачи изъятого участка частному лицу, и С. А. Чаркин отмечает, что «критерии общепользовательского интереса должны быть жёстче очерчены» [9]. Такая передача не должна рассматриваться как запрещённая сама по себе, если частный субъект действует в рамках публичного проекта и объект предназначен для обслуживания неопределённого круга лиц. Вместе с тем правомерность вмешательства зависит от того, исключена ли возможность использования земли для самостоятельной коммерческой выгоды, не связанной с заявленной публичной функцией, и сохраняется ли связь между объёмом изъятия и необходимостью строительства. Здесь нам представляется оправданным подход, при котором допустимость передачи частному исполнителю подтверждается содержанием договора и режимом использования участка, а судебный контроль учитывает не только формальные основания изъятия, но и фактическое назначение земли после завершения работ.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.10.2025). – Текст : электронный.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, принятый Государственной Думой 22 декабря 1995 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 19.10.2025). – Текст : электронный.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 20 августа 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 сентября 2025 г.), принятый Государственной Думой 28 сентября 2001 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136/ (дата обращения: 19.10.2025). – Текст : электронный.

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773 (дата обращения 19.10.2025). – Текст : электронный.

4. Аракедьян, Р. Г. Резервирование и изъятие земельных участков в механизме правового регулирования отношений собственности (гражданско-правовой аспект) : специальность 12.00.03 «Гражданское право ; предпринимательское право; семейное право ; международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Аракедьян Роберт Грантович ; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2007. – 27 с. – Место защиты : Кубанский государственный аграрный университет. – Текст : непосредственный.

5. Конюх, Е. А. Обеспечение жилищных и земельных прав собственника жилого помещения при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд / Е. А. Конюх // Журнал российского права. – 2006. – № 1 (109). – С. 30–43. – Текст : непосредственный.

6. Крассов, О. И. Земельное право современной России : учебное пособие / И. О. Крассов. – Москва : Дело, 2022. – 624 с. – Текст : непосредственный.

7. Седлова, Е. В. Обеспечение прав собственника жилого помещения при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд / Е. В. Седлова // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2009. – № 6. – С. 10–16. – Текст : непосредственный.

8. Сыродоев, Н. А. Возникновение прав на землю / Н. А. Сыродоев // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 65–72. – Текст : непосредственный.

9. Чаркин, С. А. О некоторых проблемах правового регулирования прекращения права частной собственности на земельные участки / С.А. Чаркин // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2012. – № 5 (128). – С. 79–87. – Текст : непосредственный.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ГРАНИЦАХ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Каболов Азамат Маратович,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01
«Юриспруденция» (профиль «Гражданское право») Северо-Осетинского
государственного университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: ma.dzhioev@nosu.ru*

Джигоев Максим Артурович,

*старший преподаватель кафедры публично-правовых дисциплин
юридического факультета Северо-Осетинского государственного
университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: ma.dzhioev@nosu.ru*

Аннотация: В статье анализируются: специфика и проблемы использования земель особо охраняемых природных территорий; понятие «ограничение хозяйственной деятельности и управление земельными участками в границах особо охраняемых природных территорий»; особый правовой режим использования земель, ограничивающий или запрещающий виды деятельности, которые несовместимы с основным целевым назначением этих земель.

Ключевые слова: правовой режим и использование земельных участков, особо охраняемые природные территории и объекты, территории природоохранного назначения, государственные природные заповедники, государственные природные заказники, памятники природы, национальные парки, природные парки, дендрологические парки.

LEGAL REGIME AND USE OF LAND PLOTS LOCATED WITHIN THE BOUNDARIES OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS

Kabolov Azamat Maratovich,

*the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme
«Civil Law») at the North Ossetian State University named
after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz*

Dzhioev Maxim Arturovich,

Senior Lecturer of the Department of Public Law Disciplines at the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz

Abstract: The article analyzes the specifics and challenges of land use in specially protected natural areas; the concept of restrictions on economic activity and the management of land plots within the boundaries of specially protected natural areas; the special legal regime for land use, which restricts or prohibits types of activities that are incompatible with the main designated purpose of these lands.

Keywords: legal regime and use of land plots, specially protected natural areas and objects, areas of nature conservation, state nature reserves, state nature sanctuaries, natural monuments, national parks, nature parks, dendrological parks.

Правовой режим земельных участков, расположенных в границах особо охраняемых природных территорий, определяется сочетанием публично-правовых задач по сохранению природных комплексов и частноправовых правомочий в отношении земли как объекта гражданского оборота. В российском праве данный режим определяется не только отнесением земельного участка к соответствующей категории земель, но и целевым назначением территории, видом установленного режима охраны, пределами допустимого хозяйственного использования, а также содержанием вещных прав на такой участок. Статья 94 Земельного кодекса Российской Федерации относит земли особо охраняемых территорий к землям, имеющим особое природоохранное, научное, историко-культурное, рекреационное и иное ценное значение, что обуславливает установление в их отношении специального правового режима [1]. Действующая редакция Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) и Федерального закона № 33-ФЗ исходит из того, что в отношении земель особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) применяется специальное регулирование, не допускающее свободного изменения их целевого назначения и произвольного хозяйственного использования.

В научной литературе рассматривается не только вопрос о пределах запрета, но и вопрос о юридической природе ограничений, действующих в отношении земельного участка, расположенного в границах ООПТ. Е. Н. Абанина, А. П. Анисимов и Е. С. Болтанова рассматривают земли особо охраняемых территорий в качестве особого правового режима, в рамках которого земельно-правовое регулирование не сводится к общим правилам, относящимся к категории земель, поскольку функциональное назначение территории определяет содержание правомочий собственника, пользователя или арендатора [5]. Данная позиция может быть признана обоснованной, поскольку в этой сфере пределы допустимого использования земельного участка определяются целевым назначением охраняемой территории, а не формальной принадлежностью участка к соответствующей категории земель.

Это означает, что земельный участок, расположенный в границах ООПТ, не может рассматриваться исключительно как объект недвижимости, допускающий хозяйственное использование на общих основаниях. Правовой режим такого участка определяется правовым режимом соответствующей территории и, следовательно, включает существенные публично-правовые ограничения. И. О. Крассов связывает специфику земельного права современной России с тем, что земля одновременно выступает природным ресурсом, пространственным базисом и объектом имущественных отношений. В отношении ООПТ данное единство проявляется наиболее последовательно: природная ценность земельного участка предопределяет допустимость или недопустимость действий, которые вне специального режима не влекли бы правовых последствий [7].

Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» определяет ООПТ как участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, в пределах которых расположены природные комплексы и объекты, имеющие особое значение и находящиеся под режимом особой охраны. Тем самым закрепляется, что земельный

участок, расположенный в границах ООПТ, является частью более сложного природного и правового образования. Из этого следует, что правовой режим земельного участка не ограничивается его кадастровыми характеристиками, видом разрешенного использования и сведениями ЕГРН, поскольку его содержание включает также запреты и разрешения, вытекающие из положения об ООПТ, актов о ее создании, а в случае установления зонирования – из режима соответствующей функциональной зоны [2]. Действующая редакция Федерального закона № 33-ФЗ сохраняет такую конструкцию специального правового режима.

Более строгий правовой режим установлен в отношении государственных природных заповедников и национальных парков. Закон запрещает изменение целевого назначения земель и земельных участков, расположенных в границах государственных природных заповедников, а также не допускает на их территориях строительство объектов капитального строительства и некапитальных строений в целях, не связанных с выполнением задач, возложенных на заповедник. В отношении национальных парков законодатель исходит из сохранения федеральной собственности на землю как основной модели и не допускает приватизацию земельных участков, расположенных в их границах [2]. Подход О. А. Зиновьевой, Н. О. Ведышевой и Н. Г. Жаворонковой, согласно которому природоохранная функция может существенно изменять обычное содержание права на землю, соответствует законодательной конструкции [6].

Единый правовой режим для всех ООПТ отсутствует. На землях природных парков допускается нахождение земельных участков, принадлежащих иным собственникам и пользователям; государственные природные заказники могут создаваться как с изъятием земельных участков, так и без такого изъятия; создание памятников природы также не во всех случаях влечет прекращение частных прав автоматически [2]. Следовательно, нельзя утверждать, что включение земельного участка в границы любой ООПТ во всех случаях означает его изъятие из оборота. Более точным является

следующий вывод: включение земельного участка в границы ООПТ влечет ограничение его оборотоспособности и хозяйственного использования в объеме, который определяется видом территории и целями ее создания. Такой дифференцированный подход следует признать более обоснованным, чем применение ко всем ООПТ единой жесткой модели правового регулирования.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о правовом положении земельных участков, принадлежащих гражданам и юридическим лицам, в случае их расположения в границах ООПТ. Сам по себе факт установления особо охраняемой природной территории не во всех случаях влечет прекращение права собственности или права аренды. Закон допускает наличие земельных участков, принадлежащих иным собственникам и пользователям, прежде всего в границах национальных и природных парков, при условии, что осуществляемая ими деятельность не оказывает негативно-го воздействия на охраняемые природные комплексы и не нарушает установленный режим [2]. В научной литературе обсуждается вопрос о том, подлежат ли такие ограничения квалификации как общие пределы осуществления права собственности либо как форма специального публичного обременения. Более обоснованной представляется вторая позиция, поскольку объем допустимого поведения определяется не усмотрением правообладателя, а охранной функцией территории и актом публичной власти о ее создании.

Это означает, что собственник земельного участка, расположенного в границах ООПТ, не вправе ссылаться на общегражданский принцип свободного использования имущества по своему усмотрению, если такое использование противоречит режиму особой охраны. Изменение вида разрешенного использования, строительство объектов, размещение линейной инфраструктуры, осуществление рекреационной деятельности, строительство дорог и иное освоение территории подчиняются не только градостроительным и земельным требованиям, но и специальным природоохранным ограничениям [1; 2]. В этом контексте подлежат учету

изменения, внесенные Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 505-ФЗ, которым было усилено значение специального режима ООПТ в системе земельных и имущественных отношений [3].

В качестве примера может быть рассмотрена ситуация, при которой в границах национального парка расположен земельный участок, принадлежащий частному лицу на праве собственности, возникшем до установления действующих границ охраны. Право собственности в таком случае может сохраняться, однако хозяйственная деятельность на данном участке осуществляется с учетом установленных ограничений: реконструкция объектов, изменение целевого назначения земли, прокладка новых инженерных сетей, расширение застройки, а равно использование участка в целях, несовместимых с положением о парке, подлежат ограничению либо запрету. При таких условиях правомочие пользования земельным участком носит производный характер по отношению к публичному режиму территории.

Такая конструкция соответствует международно-правовому подходу к пониманию охраняемых территорий. Конвенция о биологическом разнообразии предусматривает развитие мер по сохранению биологического разнообразия *in situ*, включая создание охраняемых территорий, обеспечение их надлежащего управления, а также установление специальных мер в отношении территорий, имеющих значение для сохранения биологического разнообразия. Рамсарская конвенция, в свою очередь, закрепляет подход, согласно которому использование водно-болотных угодий должно осуществляться рационально и не противоречить целям охраны. Российская модель, несмотря на наличие собственных особенностей, в целом соответствует этому подходу: использование земель в границах ООПТ допускается лишь в той мере, в какой оно не влечет разрушения охраняемого природного объекта и не препятствует достижению целей его правовой охраны.

Одним из основных механизмов согласования природоохранных и имущественных начал является зонирование

территории. В случаях, когда законом предусмотрено выделение функциональных зон, их правовой режим конкретизирует допустимость строительства, рекреационной деятельности, традиционного природопользования, размещения инфраструктуры и совершения иных действий. Наиболее последовательно такой подход реализуется в национальных парках, где правовой режим не ограничивается общей характеристикой территории, а дифференцируется в зависимости от задач соответствующей функциональной зоны [2]. Такой подход позволяет избежать как чрезмерного расширения пределов допустимой хозяйственной деятельности, так и необоснованного распространения полного запрета на всю территорию без учета ее природных и социальных особенностей.

Зонирование не исключает действия общего правила о недопустимости использования земельного участка в противоречии с целями создания ООПТ. Этим обусловлены запреты на предоставление земель для садоводства, огородничества, индивидуального жилищного строительства вне границ населенных пунктов, включенных в состав ООПТ, а также ограничения на строительство дорог, трубопроводов, линий электропередачи и иных коммуникаций в случаях, когда режим соответствующей функциональной зоны не допускает размещение таких объектов [2]. Юридическое значение этих норм состоит в том, что допустимость хозяйственного освоения определяется не только формальным статусом земли, но и экологическим назначением конкретной территории. Такой экологически обусловленный целевой характер регулирования отличает режим земель ООПТ от обычных публичных ограничений градостроительного характера.

Самостоятельное значение имеют охранные зоны, создаваемые на прилегающих к ООПТ земельных участках и водных объектах в целях предотвращения неблагоприятного антропогенного воздействия. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 138 устанавливает, что земельные участки, включенные в границы охранный зоны, не подлежат изъятию у собственников

и иных титульных владельцев, однако используются ими с соблюдением установленного особого режима [4]. Данное положение имеет значение для разграничения правового режима собственно ООПТ и охранной зоны: в первом случае ограничения обусловлены режимом самой территории, во втором речь идет о дополнительной защитной зоне, которая не прекращает частные права, но подчиняет их природоохранным требованиям.

В доктрине выделяются два основных подхода. Один из них исходит из приоритета природоохранной функции и, как следствие, допускает широкое ограничение частных прав в целях охраны уникальных природных комплексов. Другой подход основывается на необходимости тщательного согласования публичных запретов с ранее возникшими имущественными правами в целях исключения скрытой экспроприации и неопределенности правового положения правообладателей. Е. Н. Абанина, А. П. Анисимов и Е. С. Болтанова, анализируя современное земельное право, подчеркивают, что режим охраняемых земель должен быть юридически определенным и заранее понятным для субъекта права, поскольку неопределенность содержания запрета не менее существенна, чем чрезмерно широкое усмотрение [5]. Представляется, что данный подход является более обоснованным.

Такой подход позволяет избежать двух крайних вариантов правового регулирования. Если исходить исключительно из приоритета охраны при отсутствии надлежащей юридической конкретизации, правоприменительная практика может приобрести характер системы непредсказуемых отказов, при которой собственник или арендатор не в состоянии заранее определить пределы допустимого поведения. Если, напротив, абсолютизировать частноправовую природу земельного участка, специальный режим ООПТ утрачивает самостоятельное практическое значение и фактически сводится к декларативному установлению. Более обоснованным представляется подход, при котором публичный режим признается приоритетным, однако его содержание опреде-

ляется не произвольно, а на основании закона, положения об ООПТ, материалов территориального планирования, данных кадастрового учета и четко сформулированных запретов, допускающих проверяемое толкование.

С этих позиций подлежит оценке и резервирование земель для последующего образования новых ООПТ. Такое резервирование, допускаемое законодательством субъектов Российской Федерации в целях создания или расширения охраняемых территорий, само по себе не означает установления окончательного режима ООПТ, однако уже влечет ограничения хозяйственной деятельности на соответствующих землях [5]. В данном случае необходима юридическая определенность: резервирование допустимо лишь в той мере, в какой оно носит временный характер, связано с четко выраженной публичной целью и не подменяет бессрочное фактическое ограничение прав без завершения надлежащей процедуры. В противном случае охранительный механизм выходит за пределы своей законной функции.

Самостоятельного рассмотрения требуют биосферные заповедники, входящие во Всемирную сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО. Их правовой статус в российском праве определяется прежде всего режимом государственного природного заповедника, однако международный контекст показывает, что охрана природы на таких территориях сочетается с научным наблюдением, мониторингом и организацией взаимодействия человека и природной среды. Статутная основа Всемирной сети биосферных резерватов ЮНЕСКО исходит из сочетания природоохранной, научной и логистической функций биосферного резервата. Такой подход не ослабляет национальный режим охраны, однако позволяет точнее определить, по какой причине использование земель на таких территориях подчинено целям сохранения экосистем и научного обеспечения охраны.

Правовой режим земельных участков, расположенных в границах особо охраняемых природных территорий, следует определять как специальную совокупность ограничений, разрешений и обязанностей, производную от правового статуса

самой территории и направленную на сохранение природного комплекса как самостоятельного объекта охраны. Содержание данного режима различается в заповедниках, национальных парках, природных парках, заказниках и памятниках природы, что исключает применение упрощенных конструкций. Право собственности и иные вещные права на земельные участки в границах ООПТ допускаются в пределах, установленных законом, однако их осуществление не может противоречить целям создания территории, ее функциональному зонированию и режиму охранных зон. По этой причине для правовой квалификации конкретной ситуации недостаточно установить наличие права на земельный участок; необходимо определить вид ООПТ, содержание акта о ее создании, границы территории, содержание зонирования и характер запрещенной или допустимой деятельности. Такой подход, сочетающий приоритет охраны природы с юридической определенностью режима, следует признать наиболее обоснованным как в доктрине, так и в правоприменительной деятельности. Действующие редакции основных нормативных актов и международных документы в сфере сохранения биоразнообразия подтверждают устойчивость данной модели.

Библиографический список

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 20 марта 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20 марта 2025 г.), принятый Государственной Думой 28 сентября 2001 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773. (дата обращения: 22.09.2025). – Текст : электронный.

2. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения: 22.09.2025). – Текст : электронный.

3. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных террито-

риях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 505-ФЗ (ред. от 04 июля 2021 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372675/ (дата обращения: 20.09.2025). – Текст : электронный.

4. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил создания охранных зон отдельных категорий особо охраняемых природных территорий, установления их границ, определения режима охраны и использования земельных участков и водных объектов в границах таких зон» от 19 февраля 2015 г. № 138 (с изменениями от 21 декабря 2018 г.). – URL: <https://base.garant.ru/70873384/> (дата обращения: 20.09.2025). – Текст : электронный.

5. Абанина, Е. Н. Современные проблемы теории земельного права России : монография / Е. Н. Абанина, А. П. Анисимов, Е. С. Болтанова. – Москва : Юстицинформ, 2024. – 424 с. – Текст : непосредственный.

6. Зиновьева, О. А. Актуальные проблемы земельного, градостроительного и природоресурсного права : учебное пособие / О. А. Зиновьева, Н. О. Ведышева, Н. Г. Жаворонкова [и др.]. – Москва : ООО «Перспект», 2023. – 216 с. – Текст : непосредственный.

7. Крассов, О. И. Земельное право современной России : учебное пособие / И. О. Крассов. – Москва : Дело, 2022. – 624 с. – Текст : непосредственный.

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: БЕЗОПАСНОСТЬ РАСЧЁТОВ, ЗАЩИТА АКТИВОВ И БОРЬБА С МОШЕННИЧЕСТВОМ

Камараули Диана Нодаровна,

*студент 3 курса направления подготовки 38.03.01 «Экономика»
(профиль «Государственные и муниципальные финансы»)
Владикавказского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, г. Владикавказ
E-mail: nmardeyan@mail.ru*

Мардеян Ноэми Аристакесовна,

*кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры финансов и
кредита Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: nmardeyan@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию цифровой валюты Центрального банка Российской Федерации (цифрового рубля). Рассматриваются преимущества внедрения цифрового рубля с точки зрения повышения уровня безопасности финансовых операций, защиты активов граждан и бизнеса, а также противодействия различным формам финансового мошенничества. Анализируются технологические особенности и механизмы реализации системы цифровых платежей, обеспечивающие высокий уровень доверия пользователей к этому новому инструменту.

Ключевые слова: цифровой рубль, безопасность расчетов, кибербезопасность, защита активов, мошенничество, финансовый рынок, распределённый реестр, умные контракты, управление рисками, кибератаки, экономическое развитие, конфиденциальность, платежные системы, Центральный банк Российской Федерации.

DIGITAL RUBLE: SETTLEMENT SECURITY, ASSET PROTECTION, AND COMBATING FRAUD

Kamarauli Diana Nodarovna,

the 3rd year student of 38.03.01 «Economics» (training programme «Public and Municipal Finance») at the Vladikavkaz branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz

Mardeyan Noemi Aristakesovna,

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Banking and Finance Department at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz

Abstract: The article is devoted to the study of the digital currency of the Central Bank of the Russian Federation (digital ruble). It examines the advantages of introducing the digital ruble in terms of increasing the level of security of financial transactions, protecting the assets of citizens and businesses, as well as countering various forms of financial fraud. The technological features and implementation mechanisms of the digital payment system are analyzed, ensuring a high level of user confidence in this new tool.

Keywords: digital ruble, settlement security, cybersecurity, asset protection, fraud, financial market, distributed registry, smart contracts, risk management, cyber attacks, economic development, data privacy, payment systems, Central Bank of the Russian Federation.

Одной из ключевых инициатив в области финансов стала разработка Центральным Банком Российской Федерации (далее – ЦБРФ) цифровой валюты – цифрового рубля (далее – ЦР). В условиях стремительной глобализации всего мира население не успевает следить за развитием технологий и цифровизации. В последнее десятилетие стало очевидным, что деньги могут быть не только в привычных нам двух форматах (наличными и безналичными), но и цифровыми. Цифровая валюта Банка России является не только новой денежной единицей, но и способом обеспечения надежного функционирования платежных систем.

С развитием цифровых технологий появляется все больше видов мошенничества и кибератак, от которых страдают физические и юридические лица. Именно цифровому рублю отведена роль ключевого инструмента усовершенствования российского платежного пространства.

История проекта началась еще в октябре 2020 года, когда впервые был представлен доклад «Цифровой рубль». Постепенно были разработаны концепция, платформа. В июле 2023 года был принят федеральный закон, и уже в августе того же года запущен пилот проекта. По данным на конец

первого полугодия 2025 года ЦБ РФ сообщает: «Граждане и компании – участники пилота из более чем 150 населенных пунктов Российской Федерации открыли на платформе цифрового рубля около 2,5 тыс. кошельков и провели около 100 тыс. операций» [4] (Рисунок 1).

Рисунок 1 – История создания цифрового рубля [2; 3]

Цифровой рубль представляет собой третий формат национальной валюты, а не замену какому-либо из уже имеющихся. «Цифровые рубли эквивалентны наличным и безналичным: 1 рубль = 1 безналичный рубль = 1 цифровой рубль» [4].

К основным характеристикам цифрового рубля относятся: уникальность каждой единицы валюты; возможность отслеживания всех транзакций; высокая скорость обработки операций; минимальные комиссии за переводы; возможность осуществления операций без Интернета (в целях проекта).

Эти свойства делают цифровой рубль привлекательным инструментом для осуществления безналичных расчетов, особенно в условиях увеличения объема онлайн-платежей.

Финансовая безопасность представляет собой обеспечение защиты от различных мошеннических и киберугроз, которой подвержена вся экономическая деятельность. С развитием цифровых финансовых инструментов образуются различные инновационные способы борьбы с киберпреступностью, однако это сопровождается появлением новых мошеннических схем. Именно система цифрового рубля

разработана ЦБ РФ для снижения риска и повышения уровня безопасности денежных транзакций. В неё входят:

1. Системы распределённого реестра (Distributed Ledger Technology, DLT) – это единая децентрализованная цифровая система, которая регистрирует, синхронизирует и совместно использует массивы транзакций одновременно на нескольких узлах (сайты, устройства) в сети. Она позволяет оперативно выявлять случаи незаконного присвоения средств и возвращать украденные активы владельцам, то есть владельцы цифрового рубля получают дополнительные гарантии сохранности своего капитала.

2. Умные (смарт) контракты – автоматизированные алгоритмы верификации помогают исключить человеческий фактор и минимизировать вероятность ошибок и манипуляций.

3. Использование средств криптографической защиты информации (СКЗИ), сертифицированных Федеральной службой безопасности Российской Федерации (например, двухфакторная аутентификация), – повышенная надёжность входа в систему, защищает счета пользователей от неправомерного доступа.

Одним из главных преимуществ цифрового рубля является значительное улучшение безопасности денежных операций. Банковские карты подвержены риску взлома и утечке персональных данных, что создает серьезные угрозы для владельцев счетов. Использование цифрового рубля устраняет этот риск, поскольку каждая операция фиксируется в неизменяемом реестре, доступ к которому контролируется ЦБ РФ. Все средства, хранящиеся в форме цифрового рубля, находятся под контролем центрального банка, что гарантирует их сохранность даже в случае банкротства коммерческих банков. Благодаря этому значительно снижается риск потери денег вследствие недобросовестных действий кредитных учреждений или хакерских атак.

Кроме того, использование умных контрактов позволяет автоматизировать процесс проверки подлинности контрагентов и подтверждения сделок, снижая вероятность ошибок и злоупотреблений. Всё это повышает доверие потреби-

телей к цифровым финансовым услугам и стимулирует рост числа электронных платежей.

Несмотря на эти меры, остаются проблемы, связанные с недостаточной подготовленностью пользователей и сотрудников банков к новым возможностям. Следовательно, необходимы масштабные программы просвещения и повышения квалификации персонала.

Масштабное введение цифрового рубля планируется уже в 2026 году, и для этого понадобятся внесение изменений в законодательство и тщательное регулирование финансовых институтов, чтобы избежать кризисных ситуаций от потенциальных сбоев или ошибок в системе нового формата денег. Множество заготовительных действий перед вводом ЦР в денежный оборот приводят к довольно протяжённому горизонту реализации проекта [4]. Для поддержания устойчивости банковской системы потребуется регулярное проведение стресс-тестирований надежности системы учета, а также установление четких стандартов безопасности и ответственности операторов системы цифрового рубля.

Центральный Банк также планирует внедрить следующие меры защиты активов:

- контроль над эмиссией и обращением цифрового рубля посредством механизма CBDC (Central Bank Digital Currency) – цифровая валюта, выпускаемая центральным банком страны;

- наличие резервных фондов и компенсационных механизмов на случай нарушений работы системы;

- постоянный мониторинг активности и контроль сомнительных операций, осуществляемых пользователями цифрового рубля.

Основной задачей становится построение эффективной системы раннего выявления признаков возможных противоправных действий в сфере цифровых финансовых операций. Эффективная борьба с финансовыми преступлениями становится возможным благодаря уникальным свойствам цифрового рубля. Например, возможность мониторинга всех транзакций в режиме реального времени помогает быстро

обнаруживать подозрительные операции и предотвращать вывод незаконно полученных средств. Система уведомлений о попытках несанкционированного доступа к счету также способствует повышению уровня информационной безопасности.

Использование биометрической идентификации и многоуровневой аутентификации дополнительно усиливает защиту от кражи денежных средств. Наиболее распространены видами преступлений становятся атаки на персональные данные, отмывание доходов, полученных преступным путем, и схемы нелегального вывода средств.

Методы профилактики таких правонарушений включают:

- 1) активное взаимодействие правоохранительных органов и регуляторных структур;
- 2) автоматизированные инструменты анализа больших объемов данных (Big Data) для выявления аномалий и нестандартных операций;
- 3) развитие культуры безопасности среди пользователей цифрового рубля через обучение основам защиты личной информации и правил поведения в цифровой среде.

Необходимо наладить сотрудничество государственных ведомств, банков и специализированных сервисов по борьбе с киберпреступлениями, а также поддерживать международные инициативы по обмену информацией о преступниках и разработке универсальных методик реагирования на угрозу кибератак.

В заключении отметим, что ввод цифрового рубля в оборот имеет значительные последствия для каждого аспекта финансовой системы нашей страны. Отныне граждане смогут совершать расчеты быстрее, дешевле и надежнее, однако это порождает новую волну вызовов, касающихся безопасности данных и устойчивости всей структуры денежного обращения. Государственным органам предстоит разработать современные правовые нормы, банки обязаны модернизировать свою деятельность, а населению необходимо повышать собственную грамотность в обращении с новыми технологиями.

Общий вектор движения очевиден: вместе с появлением цифрового рубля страна получает мощный стимул к обновлению экономики, ускорению процессов интеграции в мировую финансовую систему и снижению зависимости от традиционных платежных систем [1].

Благодаря цифровому рублю финансовый рынок станет более конкурентоспособным, эффективным и функциональным, поскольку будет создана база, где содержатся все необходимые стандарты для введения инноваций в хозяйственную деятельность организаций.

Библиографический список

1. Стукало, И. С. Цифровой рубль как инструмент повышения экономической безопасности государства / И. С. Стукало, А. К. Сулейманов // Столыпинский вестник. – 2023. – Т. 5. – № 11. – URL: <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2023/11/39.pdf> (дата обращения: 06.01.2026). – Текст : электронный.

2. Центральный Банк Российской Федерации : официальный сайт. – Москва, 2000. – URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 06.01.2026). – Текст : электронный.

3. Цифровой рубль : текущий статус проекта. – Москва : Центральный банк Российской Федерации, 2025. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_30062025.pdf (дата обращения: 06.01.2026). – Текст : электронный.

4. Цифровой рубль : что такое и зачем нужен. – URL: <http://www.sberbank.ru/ru/person/blog/cifrovoy-rubl> (дата обращения: 06.01.2026). – Текст : электронный.

СУЩНОСТЬ СВОБОДЫ НА ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Кастуев Давид Борисович,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01
«Юриспруденция» (профиль «Конституционное право; муниципальное
право») Северо-Осетинского государственного университета
им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: kastueva.zarina@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируются конституционно-правовые основания свободы на вероисповедание в контексте российского законодательства. Исследуются юридические инструменты практического осуществления религиозных прав граждан через призму нормативно-правовых актов и судебной практики.

Ключевые слова: свобода вероисповедания, религиозные объединения, конституционные гарантии, правовые механизмы.

THE ESSENCE OF FREEDOM OF RELIGION AND THE MECHANISMS FOR ITS IMPLEMENTATION

Kastuev David Borisovich,

*the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme
«Constitutional law; municipal law») at the North Ossetian State University
named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz*

Abstract: The article analyzes the constitutional and legal foundations of freedom of religion in the context of Russian legislation. It examines the legal instruments for the practical implementation of citizens' religious rights through the lens of regulatory legal acts and judicial practice.

Keywords: freedom of religion, religious associations, constitutional guarantees, legal mechanisms.

Право человека на независимость религиозного выбора представляет собой одну из наиболее значимых составляющих правового статуса личности в демократическом обществе [1]. Данная категория отражает возможность каждого индивида самостоятельно определять отношение к духов-

ным ценностям, следовать религиозным убеждениям либо отвергать их без внешнего принуждения. Современное правовое государство признает приоритетность такого выбора, закрепляя соответствующие нормы на высшем законодательном уровне. Актуальность изучения механизмов практического воплощения религиозных прав обусловлена необходимостью баланса между личными убеждениями граждан, интересами религиозных общин, безопасностью социума.

Ключевые аспекты конституционно-правового статуса свободы на вероисповедание находят свое закрепление в Конституции Российской Федерации [1]. Согласно ст. 28, за каждым человеком признается возможность самостоятельного духовного выбора, предполагающая возможность как причисления себя к определенному вероучению в одиночку или в сообществе с иными гражданами, так и отказа от любого религиозного мировоззрения, а также беспрепятственно-го определения, обладания, популяризации своих взглядов и практического следования им. Эта законодательная база создает основу для удовлетворения мировоззренческих запросов человека и очерчивает пределы возможного регулирования данной области со стороны власти. Указанная норма обладает всеобъемлющим действием и применима ко всем лицам, находящимся под юрисдикцией государства, вне зависимости от их происхождения, общественного статуса или степени образованности [4, с. 2385].

Сущность анализируемого правового института раскрывается через совокупность специфических черт, определяющих его основную природу [5, с. 308]. Первоначальной особенностью выступает врожденный характер данной гарантии, которая возникает у личности с самого начала жизни. Далее отмечается ее неотъемлемость, что подразумевает невозможность какого-либо изъятия этого основополагающего статуса. Следующим атрибутом является всеобщность его применения, распространяющаяся на любых участников правовых отношений. Наконец, подчеркивается персональный способ реализации, осуществляемый носителем напрямую. Совокупность этих аспектов демонстрирует первосте-

пенную роль личной духовной сферы для становления системы ценностей гражданина, выработки этических ориентиров и самоидентификации в культурном пространстве [5, с. 309].

Нельзя не согласиться с А. Б. Агаповой в том, что основные составляющие конституционной гарантии свободы на вероисповедание образуют единый комплекс взаимодополняющих юридических возможностей [4, с. 2386]. В структуре данного института выделяется утвердительная сторона, предоставляющая лицу возможность придерживаться избранного духовного учения, принимать участие в отправлении религиозных обрядов, следовать канонам своей конфессии, приобретать знания теологического характера. Противоположный компонент заключается в законном основании не причислять себя ни к одному из вероучений, воздерживаться от посещения мероприятий культовой направленности, исключать любое внешнее влияние на свои мировоззренческие позиции. Персональное измерение подразумевает самостоятельное осуществление практик без какого-либо внешнего давления, тогда как групповой формат находит свою реализацию посредством образования объединений верующих для коллективного следования догматам. Подобная структурная сложность указывает на всеобъемлющую природу анализируемого юридического установления, которое регулирует многообразные формы существования личности в духовном пространстве [5, с. 309].

Конкретизация базовых конституционных положений в федеральном законодательстве нашла свое выражение в нормативном акте под номером 125-ФЗ от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2]. Этот законодательный документ развивает исходные принципы Основного закона, закрепляет юридический статус организаций, созданных на основе общности верований, регламентирует процедуры их учреждения и дальнейшей деятельности. В тексте закона констатируется значительное влияние православной традиции на становление российской государственности, развитие культурного фонда и духовных ориентиров населяющих страну народов. Одновременно

законодатель проявляет равное уважение к мусульманству, буддизму, иудаизму и иным конфессиям, которые исторически сформировали национальное самосознание соответствующих этнических групп. Акт гарантирует равноправие всех граждан перед законом вне зависимости от их религиозной самоидентификации. В качестве фундаментального принципа провозглашается светская природа российского государства, что предполагает отделение институтов власти от религиозных структур и запрещает введение какой-либо официальной идеологии [2].

В сфере образования действует специальное правовое регулирование [4, с. 2389]. Согласно своим уставам, организации вправе создавать образовательные учреждения [2]. Это позволяет реализовать право родителей на религиозное воспитание детей, сохраняя светский характер государственной системы образования [6, с. 118].

Реализация рассматриваемых свобод на вероисповедание возможна и в частном порядке, когда лицо следует убеждениям вне рамок каких-либо формальных объединений. Каждый человек обладает возможностью читать молитвенные тексты, придерживаться канонов своей традиции, знакомиться со священными книгами, осваивать основы учения самостоятельно или в кругу близких. Действующее законодательство не предусматривает специальных запретов для такого способа выражения личной веры, при условии, что он не посягает на охраняемые законом интересы иных граждан, не создаёт угрозы для общественного порядка и не подрывает основы государственности. Подобная деятельность освобождена от необходимости прохождения официальной регистрации, подачи извещений в какие-либо инстанции или получения особых согласований, что законодательно подтверждает верховенство личного выбора в области духовной жизни человека [4, с. 2387].

Право на коллективное отправление культовых практик материализуется через формирование специализированных объединений верующих. Такие структуры учреждаются на добровольных началах для коллективного выражения

убеждений и трансляции вероучения в обществе, что закреплено в законодательных актах [2]. Федеральное законодательство «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ устанавливает дифференциацию между двумя организационными формами. Первая форма – это религиозные группы, которые ведут активность без процедуры официальной регистрации и не обладают статусом юридического лица. Вторая форма включает религиозные организации, прошедшие полную процедуру легализации в установленном порядке и получившие весь комплекс правомочий юридического лица.

Религиозная группа начинает функционировать после направления соответствующего извещения в органы муниципальной власти. В рамках своей деятельности участники проводят обрядовые мероприятия, церемонии и осуществляют религиозное просвещение. В отличие от нее, религиозная организация, пройдя государственную регистрацию, обретает гражданскую правосубъектность, включая возможность обладания собственностью и участия в гражданском обороте [2].

Процесс создания религиозных объединений детально регулируется законодательством. Для образования местной организации требуется инициатива не менее десяти совершеннолетних граждан России, постоянно проживающих в одном муниципальном районе. Централизованная структура формируется тремя и более местными объединениями одинакового вероучения.

Учредители проводят собрание, где принимают решение о создании и оформляют его в виде протокола. Затем разрабатывается устав, который определяет название, адрес, цели деятельности, систему управления и принципы распоряжения имуществом. Полный пакет документов подается в территориальный орган Министерства юстиции для государственной регистрации. Данный орган проверяет материалы на соответствие закону и достоверность сведений. Окончательное решение о регистрации или отказе принимается в течение тридцати суток.

Закон предоставляет религиозным организациям право проводить богослужения и церемонии, обучать своих последователей, производить и распространять литературу и материалы религиозного содержания. Они могут заниматься благотворительностью, создавать образовательные учреждения и средства массовой информации, а также поддерживать международные связи. Законодательство гарантирует им широкие возможности для реализации своей миссии, устанавливая при этом четкие границы деятельности, чтобы не нарушать права других лиц и общественный порядок.

Контроль над исполнением законодательства о свободе вероисповедания возлагается на специализированные государственные структуры. Органы федеральной исполнительной власти и их региональные подразделения, ведающие регистрацией некоммерческих организаций, следят за соответствием деятельности религиозных объединений заявленным в их уставах целям.

Эти инстанции проверяют достоверность предоставляемой документации и вправе приостановить деятельность или ликвидировать объединение при обнаружении серьезных нарушений. Прокуратура следит за исполнением законов и применяет меры воздействия к нарушителям. Налоговые службы контролируют соблюдение финансового законодательства, а силовые ведомства пресекают противоправную деятельность, угрожающую общественной безопасности.

Конституция Российской Федерации допускает ограничение свободы вероисповедания лишь в установленных федеральным законом случаях [7, с. 101]. Как гласит статья 55, такие меры возможны исключительно для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства [1].

Конституционный Суд неоднократно подчеркивал основополагающие принципы допустимых ограничений прав и свобод граждан. Согласно постановленным решениям Суда, подобные ограничения должны соответствовать следующим требованиям: обоснованность, разумность, целесообраз-

ность, оправданность, умеренность, сбалансированность, соразмерность цели и защита важнейших конституционных ценностей (постановления от 30 октября 2003 г. № 15-П, от 22 марта 2005 г. № 4-П, от 14 июля 2005 г. № 9-П, от 16 июня 2009 г. № 9-П и др.) [3].

Ключевым механизмом защиты этой свободы является судебная система. Нарушения законодательства о свободе на вероисповедание влекут установленную законом ответственность [2]. Граждане и религиозные объединения могут обращаться в суд для защиты своих прав, если они нарушены действиями государственных органов, местного самоуправления или иных лиц [8, с. 419].

Охрана свободы вероисповедания в уголовном праве обеспечивается специальными нормами Уголовного кодекса Российской Федерации № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г. [8, с. 418]. Статья 148 устанавливает наказуемость публичных действий, демонстрирующих явное неуважение к обществу и совершенных с целью оскорбления чувств верующих, а также незаконного воспрепятствования деятельности религиозных организаций или проведению обрядов.

Ответственность ужесточается, если: деяния совершены в местах, специально предназначенных для богослужений; связаны с угрозой или применением насилия; использовано служебное положение; преступление совершено группой лиц или организованным сообществом. Предусмотренные санкции включают штрафы, обязательные или исправительные работы, а также лишение свободы на различные сроки в зависимости от тяжести деяния.

В административной сфере защита свободы вероисповедания реализуется через привлечение к ответственности за правонарушения в области государственно-конфессиональных отношений. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает меры воздействия за нарушения законодательства о мировоззренческих свободах. К таким нарушениям относят незаконное воспрепятствование деятельности религиозных объединений, оскорбление религиозных чувств граждан, ведение

миссионерской деятельности с нарушением требований закона, а также несоблюдение порядка организации и проведения религиозных мероприятий. К ответственности могут привлекаться граждане, должностные и юридические лица. Применяемые санкции варьируются от предупреждения до крупных штрафов и приостановления деятельности организации [6, с. 119].

В рамках гражданского судопроизводства охрана интересов верующих обеспечивается через институты, позволяющие требовать денежной компенсации за нравственные переживания, а также защиты чести и репутации [8, с. 419]. Лица, чьи духовные интересы ущемлены, могут обращаться в суд для возмещения морального вреда и опровержения порочащих сведений. Сложившаяся практика подтверждает возможность взыскания выплат за душевный урон, вызванный унижением убеждений, дискриминацией по конфессиональному признаку или ограничением отправления религиозных потребностей. Размер компенсации определяется судом с учётом глубины страданий, вины нарушителя и принципов справедливости [4, с. 2389].

Законодатель учитывает особый статус военнослужащих, лиц в пенитенциарных учреждениях и учащихся. Военные в свободное от службы время могут участвовать в богослужениях, следовать принципам вероучения, использовать литературу и культовые атрибуты. Осуждённые вправе придерживаться религиозных взглядов, проводить обряды в специальных местах, приглашать духовных лиц, иметь соответствующую литературу. Учащиеся могут получать знания о религии вне программы, создавать религиозные сообщества и организовывать встречи с представителями духовенства [5, с. 310]. Также нужно добавить, что в принятии законодательных актов должен учитываться светский характер государства, в третьих, необходимо, чтобы законодательный акт при его применении не создавал условия некой «привилегированности» одной конфессии над остальными или создание более благоприятных условий для функционирования какой либо религиозной организации [9, с. 189–190].

Таким образом, свобода на вероисповедание представляет собой комплексное конституционное право, реализация которого обеспечивается системой законодательных механизмов. Конституция Российской Федерации и Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» формируют правовую основу для осуществления религиозных прав через создание религиозных организаций, проведение богослужений, религиозное образование и просвещение. Механизмы защиты включают судебные и административные инструменты, позволяющие гражданам и религиозным объединениям отстаивать свои права при их нарушении.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.10.2025). – Текст : электронный.

2. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 19.10.2025). – Текст : электронный.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2012 г. № 30-П по делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138978/ (дата обращения: 19.10.2025). – Текст : электронный.

4. Агапова, А. Б. Право на свободу вероисповедания и деструктивные религиозные группы / А. Б. Агапова // иннова-

ции. Наука. Образование. – 2021. – № 35. – С. 2385–2390. – Текст : непосредственный.

5. Лысоеваненко, Ю. В. Порядок реализации конституционного права на свободу совести и вероисповедания / Ю. В. Лысоеваненко // Молодой ученый. – 2019. – № 4 (242). – С. 308–310. – Текст : непосредственный.

6. Пузарин, Р. О. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий: краткая характеристика и на современном этапе / Р. О. Пузарин, М. Г. Егорчев // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы XX Международной научно-практической конференции (г. Тольятти, 18–19 апреля 2024 г.). – Тольятти : Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2024. – С. 116–119. – Текст : непосредственный.

7. Скиданова, А. Е. Проблема соотношения правовых категорий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в Российской Федерации / А. Е. Скиданова, Е. В. Кошелев // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 3 (74). – С. 100–102. – Текст : непосредственный.

8. Смирнова, А. С. Сравнительно-правовое исследование охраны прав граждан на свободу совести и вероисповедания / А. С. Смирнова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 5 (233). – С. 417–420. – Текст : непосредственный.

9. Хадиков, А. К. Некоторые вопросы государственно-конфессиональных отношений в рамках реализации законодательства Российской Федерации / А. К. Хадиков // Актуальные вопросы экономики : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки и образования Российской Федерации, заслуженного работника сельского хозяйства Республики Северная Осетия – Алания, д-ра экон. наук, проф. Бориса Бештауовича Басаева (г. Владикавказ, 22–23 марта 2023 г.). – Владикавказ : Горский государственный аграрный университет, 2023. – С. 187–190. – Текст : непосредственный.

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Кокоев Олег Аланович,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (профиль «Теория и практика применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства») Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: advokat@mrasskazov.ru*

Рассказов Михаил Юрьевич,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: advokat@mrasskazov.ru*

Аннотация: В данной статье выделены основные аспекты назначения наказания в виде смертной казни; подчеркивается, что принимаемые решения основываются на конституционном праве на жизнь; охарактеризованы условия применения смертной казни и сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы или смертной казни; указаны причины установленного моратория на применение смертной казни, субъекты, которым смертная казнь не назначается.

Ключевые слова: смертная казнь, назначение наказания, мораторий, компетенции суда, приговор, законодательство иностранного государства, пересмотр приговоров.

PROBLEMS OF IMPOSING DEATH PENALTY

Kokoyev Oleg Alanovich,

the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme «Theory and Pactice of Application of Criminal Law and Criminal Procedure Legislation») at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz

Rasskazov Mikhail Yurievich,

Cand. Sc. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz

Abstract: The article highlights the main aspects of imposing the death penalty; it emphasizes that the decisions are based on the

constitutional right to life; it characterizes the conditions for applying the death penalty and the statute of limitations for a person who has committed a crime punishable by imprisonment or the death penalty; it specifies the reasons for the established moratorium on the application of the death penalty, as well as the categories of persons to whom the death penalty is not imposed.

Keywords: death penalty, sentencing, moratorium, competence of the court, sentence, legislation of a foreign state, revision of sentences.

На сегодняшний день во всем мире важнейшим правом человека является право на жизнь. Это объясняется тем, что право на жизнь является исходным для всех остальных прав личности. По этой причине оно подлежит особой охране со стороны международного права и отдельно взятого государства. В соответствии с данным правом, никто не может быть умышленно лишен жизни. Между тем в ряде современных стран за совершение преступления предусмотрена смертная казнь.

Возможность применения такого вида наказания, как смертная казнь, предусмотрена положениями Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и уголовного законодательства. В частности, часть 2 статьи 20 Конституции РФ предусматривает возможность применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания за совершение лицом особо тяжкого преступления против жизни, предоставляя при этом лицу, обвиняемому в совершении такого преступления, право на рассмотрение дела судом с участием присяжных [1]. Уголовное законодательство, устанавливая данный вид наказания, предусматривает в части 1 статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) возможность его применения только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь [2].

И. А. Волошин, А. В. Чайка отмечают, что смертная казнь – это лишение человека жизни в качестве наказания, узаконенного государством и осуществляемого по вступившему в силу приговору суда или (исторически) по решению иных государственных или военных органов. Являясь актом вынужденного возмездия, смертная казнь служит вернейшей

гарантией защиты общества от рецидива со стороны социально опасного элемента. Несмотря на это, наше общество фактически расколото на два лагеря: сторонников и противников смертной казни. На современном этапе становления гражданско-правового общества в Российской Федерации институт смертной казни фактически регулируется правом судебного прецедента, а не законодательством Российской Федерации. В настоящее время смертная казнь так и не возобновила свое действие. Вместе с тем так и не принят закон и об отмене смертной казни, несмотря на то, что ее отмена является обязательным условием членства России в Совете Европы. Несмотря на прямое нормативное регулирование, институт смертной казни в России де-факто не работает, смертная казнь не назначается и не применяется в связи с общеизвестным мораторием, де-юре так и не введённым в России [5].

В соответствии с Конституцией РФ, каждый человек имеет право на жизнь. Из данной конституционной нормы в ее взаимосвязи со ст. 18 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ следует, что в этих случаях право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей выступает особой уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь (как основного, неотчуждаемого и принадлежащего каждому от рождения), прямо установленной Конституцией РФ; оно является непосредственно действующим и в качестве такового должно определять смысл, содержание и применение соответствующих положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, равно как и деятельность законодательной власти по принятию, изменению и дополнению этого законодательства, и обеспечиваться правосудием. Конституция РФ фактически перечисляет условия, при которых возможно применение смертной казни: установлена федеральным законом; только за особо тяжкие преступления; необходимость обеспечения права на рассмотрение дела судом присяжных [1].

В УК РФ перечислены случаи, когда данный вид наказания не применяется:

– к женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста (ч. 2 ст. 59 УК РФ);

– к лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором РФ или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям (ч. 2.1 ст. 59 УК РФ);

– в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 и 4 ст. 62 УК РФ);

– к лицу, признанному присяжными заседателями виновным в совершении преступления, но заслуживающему снисхождения; наказание назначается в пределах санкции, предусмотренной ст. 65 УК РФ;

– за приготовление к преступлению и покушение на преступление (ч. 4 ст. 66 УК РФ) [2].

Также имеются и иные особенности назначения наказания в виде смертной казни:

1. При назначении наказания в виде смертной казни не применяются положения ч. 1 ст. 62 УК РФ о том, что при наличии смягчающих обстоятельств и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ.

2. В соответствии с положением ч. 4 ст. 78 УК РФ, решение вопроса о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы или смертной казни, относится к исключительной компетенции суда.

3. Смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением

свободы на срок 25 лет. Помилование осуществляется на основании ст. 85 УК РФ соответствующим Указом Президента Российской Федерации.

Основаниями для исполнения наказания в виде смертной казни являются вступивший в законную силу приговор суда, а также решение Президента Российской Федерации об отклонении ходатайства осужденного о помиловании или решение Президента Российской Федерации о неприменении помилования к осужденному, отказавшемуся от обращения с ходатайством о помиловании.

Порядок исполнения наказания в виде смертной казни закреплен в главе 23 Уголовного исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ). Осужденный к смертной казни должен содержаться в одиночной камере в условиях, обеспечивающих его усиленную охрану и изоляцию (ст. 184 УИК РФ). Смертная казнь исполняется публично путем расстрела. Исполнение смертной казни в отношении нескольких осужденных производится отдельно в отношении каждого и в отсутствии остальных. При исполнении смертной казни присутствуют прокурор, представитель учреждения, в котором исполняется смертная казнь, и врач, которым констатируется наступление смерти, что находит отражение в соответствующем протоколе. Администрация учреждения, в котором исполнена смертная казнь, обязана поставить в известность об исполнении наказания суд, постановивший приговор, а также одного из близких родственников осужденного. Тело для захоронения не выдается, и о месте его захоронения не сообщается (ст. 186 УИК РФ) [3].

Таким образом, законодательство Российской Федерации содержит все необходимые положения о назначении и исполнении наказания в виде смертной казни, однако ее применение в настоящее время приостановлено.

Несмотря на установленную законодателем возможность применения смертной казни, фактически указанный вид наказания с 02 февраля 1999 года официально не применяется на основании Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 02 февраля 1999 г. № 3-П,

согласно пункту 5 резолютивной части которого, до момента появления на всей территории Российской Федерации судов с участием присяжных наказание в виде смертной казни применяться не может. С момента вступления в силу настоящего Постановления и до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может, независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей» [4].

Также Верховный суд Российской Федерации установил тот факт, что в контексте сложившихся правовых реалий не препятствует признанию его существенным элементом правового регулирования права на жизнь. Действует конкретизирующий закрепленные Конституцией РФ гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни, сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, т. е. на реализацию положения ч. 2 ст. 20 Конституции РФ.

Исследователями (Е. П. Ищенко [6], С. С. Коровин и Е. А. Романенко [7], А. И. Чучаевым [8]) отмечается, что в контексте действующего правового регулирования положения федерального законодательства о смертной казни, как в виде уголовного наказания, процедурах его назначения и исполнения в настоящее время применяться не могут, и на федерального законодателя более не возлагается обязанность обеспечивать обвиняемому в качестве гарантии су-

дебной защиты права на жизнь возможность быть судимым судом с участием присяжных заседателей.

Таким образом, в настоящее время сохраняется мораторий на применение смертной казни, установленный фактически Президентом Российской Федерации и Конституционным Судом Российской Федерации, срок которого не определен, что вместе с тем не влечет пересмотр приговоров о назначении в качестве наказания смертной казни. В 2019 году в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, предусматривающий в качестве высшей меры наказания вместо смертной казни одиночное пожизненное лишение свободы, но через 2 года он был снят с рассмотрения.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.11.2025). – Текст : электронный.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 ноября 2024 г.), принятый Государственной Думой 24 мая 1996 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.11.2025). – Текст : электронный.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ, принятый Государственной Думой 18 декабря 1996 г. (ред. от 31 июля 2025 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 14.04.2025). – Текст : электронный.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года

«О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21949/ (дата обращения: 19.10.2024). – Текст : электронный.

5. Волошин, И. А. Смертная казнь: «за» или «против» / И. А. Волошин, А. В. Чайка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 2. – С. 99–104. – Текст : непосредственный.

6. Ищенко, Е. П. Нужна ли в России смертная казнь / Е. П. Ищенко // Криминологический журнал БГУЭП. – 2009. – № 1. – С. 16–24. – Текст : непосредственный.

7. Коровин, С. С. Смертная казнь в России: формирование и её место в карательной политике / С. С. Коровин, Е. А. Романенко // Гуманитарный научный вестник. – 2024. – №1. – С. 61–64. – Текст : непосредственный.

8. Чучаев, А. И. Смертная казнь как вид наказания (оценки М. Н. Гернета) / А. И. Чучаев // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 88–100. – Текст : непосредственный.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кусаев Бек Аланович,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01
«Юриспруденция» (профиль «Гражданское право») Владикавказского
института управления, г. Владикавказ
E-mail: karaevad@mail.ru*

Бораев Заурбек Константинович,

*кандидат юридических наук доцент кафедры гражданского права
Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: karaevad@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируются особенности развития корпоративных отношений в Российской Федерации, возникновения форм корпораций, а также становление правового регулирования.

Ключевые слова: корпорация, корпоративное право, корпоративные правоотношения, реформа предпринимательского законодательства.

FEATURES OF DEVELOPMENT AND ESTABLISHMENT OF LEGAL REGULATION OF CORPORATE LEGAL RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kusayev Bek Alanovich,

*the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme
«Civil Law») at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz*

Boraev Zaurbek Konstantinovich,

*Cand. Sc. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law at the
Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz*

Abstract: The article analyses the development of corporate relations in the Russian Federation, and discusses the emergence of corporate forms and the establishment of legal regulation.

Keywords: corporation, corporate law, corporate legal relations, reform of business legislation.

С развитием в современной России рыночных отношений предпринимательское законодательство стало динамично развивающейся сферой, которая должна отражать действительное экономическое развитие общества и соответствовать современным потребностям в регулировании предпринимательских отношений. Вместе с тем предпринимательское право не всегда справляется с этим. Нормативные правовые определения, дефиниции, как важнейшие элементы правового регулирования, требуют научного исследования и нормативного закрепления.

Изучение и прослеживание появления такого явления, как «корпорация», предопределяется экономической системой государства. Истоком возникновения корпораций служил прообраз передовых компаний Рима, выделивший частные формы ведения предпринимательства. Сам термин «корпорация» произошел от латинского «*corpus ha-bere*», означающего права юридической личности. Однако следует отметить, что в римском праве не использовался термин «юридическое лицо», собственно это и не позволило наделить похожие образования правосубъектностью наряду с физическими лицами [10, с. 20].

В России история развития корпораций занимает незначительный отрезок времени в сравнении с иностранным опытом. Типичная корпоративная форма предпринимательства появляется только в XVII–XVIII вв., в это время российское законодательство унифицировалось с европейским правом. Тогда же возникают первые формы предпринимательской деятельности (артели, компании, товарищества на вере, простые товарищества). С возникновением и развитием в России рыночных отношений отечественные цивилисты все больше внимания уделяют исследованию сущности корпорации, отношений, складывающихся между ней и ее участниками, а также места корпоративных отношений в российской правовой системе.

Самостоятельные попытки создания корпораций в Российской империи начались еще при «Государе, Царе и Великом Князе» Петре I. 27 октября 1699 года им был принят указ,

которым предполагалось создание торговых компаний по зарубежному образцу. Однако, когда первый проект торговой компании был одобрен в 1739 году, обладающие исключительным привилегированным положением частные предприниматели не выразили желания участвовать в подобных компаниях, так как их свобода была чрезмерна и по существу безответственна. Смысла объединяться не было [4].

И только через более чем десятилетие в Российской империи была образована первая акционерная компания (корпорация), учрежденная 24 февраля 1757 года под названием «Российская в Константинополе торгующая компания». Ее создание инициировали венецианские купцы, которые в 1749 году обратились в сенат Российской империи с прошением разрешить торговлю между Венецией и Российской империей через Средиземное и Черное моря. В последующем было учреждено еще несколько акционерных компаний (корпораций): Компания Персидского торго (1758 г.), Акционерный эмиссионный банк (1762 г.), Российско-американская компания (1798 г.) и другие [3].

Большинство положений узаконений, регулирующих деятельность таких корпораций, заимствовались из зарубежных нормативных правовых актов (например, положение об уставном капитале, который распался на акции в равных частях). В отличие от зарубежных государств, в Российской империи управление корпорациями не регулировалось и в значительной степени отдавалось на откуп их участников [7].

Первым шагом в развитии корпоративного законодательства стало закрепление ответственности акционеров по долгам компании в размере внесенных вкладов. Так, в связи с банкротством одной акционерной компании Петербурга, занимающейся постройкой кораблей под заказ, образовалось большое количество кредиторов с весьма большой суммой требований об уплате долгов этой акционерной компании. Кредиторы предприняли многочисленные попытки взыскания с акционеров долгов, однако они не увенчались успехом. Для спасения положения в деле правового регулирования и защите акционеров в 1805 году было принято

узаконение о защите прав кредиторов, в котором было закреплено, что: «акционерная компания отвечает одним складочным капиталом, а, следовательно, ни один из акционеров при неудаче не теряет свыше положенного капитала» [4]. Этим узаконением закреплялся существенный признак корпорации – ограниченная ответственность участников по долгам корпорации.

Существенный сдвиг в развитии института корпорации пришелся на реформу гражданского законодательства, проводимую М. М. Сперанским, который в значительной степени использовал зарубежное законодательство. Это подражание повлияло на вышедшее в свет в 1836 году Положение о компаниях на акциях, которое впоследствии вошло в Свод законов Российской империи [7]. В Положении закреплялись: концессионная система учредительства; свобода выбора предмета и сферы деятельности; выпуск и обращение только именных акций (для них устанавливалась минимальная номинальная стоимость в 50 руб. и максимальная в 1000 руб.); правила проведения подписки и разверстки акций; предусматривалось два вида акций – именные и на предъявителя и др.

С середины XIX века практика все больше стала отклоняться от действующего законодательства, в этот период ведущую роль начинают занимать уставы. А. А. Кудачкин, анализируя регулирование тех лет, приходит к выводу, что закрепление в уставах отдельных положений помогало акционерам обходить неудобные для них положения закона [8].

Тем не менее свод законов Российской империи к началу XX века расширился. В него вошли Торговый устав (в 1903 г.), Свод законов гражданских (в 1900 г.), Устав промышленности (в 1913 г.), Устав кредитный (в 1914 г.) и другие законы, содержащие большое количество норм, направленных на правовое регулирование института корпорации. К 1914 году в Российской империи сформировалась определенная модель корпорации. В Своде законов Российской империи закреплялись следующие объединения: товарищества полные, товарищества на вере или по вкладам, товари-

щества по участкам или компании на акциях, товарищества трудовые (артели) [8].

Исходя из Свода законов Российской империи, товарищество на вере составлялось из двух или многих товарищей, которые решили действовать от имени всех членов, с привлечением одного или многих вкладчиков, которые доверяли первым определенные суммы своих капиталов. Компания на акциях создавалась посредством соединения определенного числа частных вкладов установленного размера, в один общий складочный капитал, которым и ограничивается круг действия и ответственности каждой из этих компаний. Организацией «Артелью трудовой» признавалось товарищество, образовавшееся для производства определенных работ или «промыслов», а также для осуществления служб и должностей, личным трудовым участием, за общий их счет и с «круговую их порукою». Обществом признавалось объединение нескольких лиц, которые, не имея цели получения прибыли от ведения какого-либо производства, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель, а союзом – соединение двух или нескольких таких обществ хотя бы через посредство их уполномоченных [12].

Таким образом, только компании на акциях соответствовали существенным признакам корпорации. Ни товарищества, ни общества, ни союзы не являлись корпорациями в силу зависимости от состава участников и отсутствия полной ответственности участников по долгам таких лиц. Компании на акциях являлись переходной формой между товариществами и теми акционерными обществами (корпорациями), которые сформировались к середине XX века в Европе и в США.

С развитием товариществ и выделением их вида – компания на акциях – корпорация трансформировалась в вид юридического лица, обладающий его признаками, так как обладала свойством выступать как единое целое не только во внешних отношениях, но и во внутренних.

Корпоративное имущество компании на акциях (корпорации) не являлось общим имуществом их членов. Имущество

принадлежало самой корпорации как субъекту права. При выходе одного из членов корпорации корпорация продолжала существовать. Воля корпорации выражалась особым, специфическим органом, представляющим ее в отношениях со всем возможным кругом лиц (в соответствии с уставом). Правовая категория «воля общего собрания членов корпорации (акционеров)» еще не получила развитие в те дни в законодательстве, а как элемент системы управления – общее собрание акционеров – получило развитие позднее. Удивительно, но после прекращения существования корпорации ее имущество признавалось выморочным и поступало в государственную казну. Статус корпорации получали такие виды объединений, как церковные, сельские и городские общины [7].

Декретом ВЦИК 14 декабря 1917 года банковское дело в советской России было объявлено государственной монополией, произошла крупнейшая национализация. В конце декабря 1917 года Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ), учрежденным Декретом СНК РСФСР от 5 декабря 1917 года, был подготовлен проект Декрета об экономических преобразованиях, в первом разделе декрета приводились нормы, посвященные национализации акционерных компаний [2].

А. А. Морковкина отмечает, что после 1917 года развитие корпоративных форм замедлилось, а впоследствии всеобщая национализация акционерных компаний надолго исключила из гражданского оборота корпоративные формы объединений. Начинаясь период государственно-плановой экономики с присущими ей формами ведения хозяйственной деятельности. Возвращение к использованию организационно-правовых форм дореволюционной экономики произошло под сильным влиянием политических и экономических преобразований конца 80-х гг. из-за отсутствия в законодательстве частно-правовых форм хозяйствования. Они включают три периода:

Первый период развития корпоративного законодательства – период зарождения. Он начался с конца 80-х гг. и ха-

рактикуется отказом от государственной монополии на средства производства.

Второй период развития корпоративного законодательства – этап становления (конец 1990 г. – конец 1994 г.). Он характеризовался тем, что постепенно основную роль начали играть не трудовые коллективы, а собственники предприятия.

Третий период развития корпоративного законодательства начался с принятия нового Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в 1994 году и продолжается до настоящего времени. В рамках этого периода было упорядочено множество организационно-правовых форм юридических лиц, установлены отношения собственности, где юридическое лицо является единственным собственником своего имущества (за исключением государственных предприятий и учреждений). В ходе реформирования отношений собственности в переходный период были созданы частные компании, которые стали основой всех преобразований [9].

Важным источником правового регулирования корпоративных правоотношений является ГК РФ, включающий в свою структуру понятие корпорации, положения о корпоративном договоре и т. д. В 2014 году ГК РФ введено понятие «корпорация» и деление юридических лиц на корпоративные и унитарные. Ю. В. Гараджа, М. Н. Придворова отмечают, что на сегодняшний день развитие корпоративного права в России достигло высокого уровня. Было принято множество законодательных и подзаконных актов, установлены постановления и распоряжения Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг, накоплен большой объем судебной практики. Однако некоторые проблемы требуют решения не только на уровне законов, так как их решение выходит за рамки правового поля. Участникам корпоративных отношений в России, а также во многих других странах, становится все более очевидно, что развитие в этой сфере не может обойтись без доверия, соблюдения этических норм, разумности и добросовестности [5].

В соответствии со ст. 65.1 ГК РФ корпорациями в России признаются: «хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации» [1].

Как отмечают М. Н. Придворова и О. С. Чулкова, термин «корпорация» воспринимается юристами неоднозначно и имеет несколько толкований. Например, в Швейцарии корпорации, наряду с учреждениями, являются одним из основных типов юридических лиц. В Англии корпорации отождествляются с юридическими лицами, т. к. юридические лица по действующему законодательству делятся на корпорации, состоящие из совокупности лиц (*corporation aggregate*), и корпорации единоличные (*corporation sole*). В США корпорациями могут называть самые разные организации [11].

Специфика корпоративных правоотношений состоит в том, что возникновение и осуществление гражданских прав, корпоративных прав строится на основе реализации частных интересов. Субъекты достигают поставленной перед собой цели, в качестве которой выступает занятие предпринимательской деятельностью для извлечения прибыли, что диктуется социально-экономическими условиями жизни общества. Подобная цель будет достижима при осуществлении права на занятие предпринимательской деятельностью, что санкционировано законодательством. Несмотря на то, что цели, ради которых осуществляется то или иное субъективное право, определяются волей управомоченного субъекта, они не могут выходить за рамки целей, вытекающих из закона. Поэтому когда при осуществлении корпоративных прав как разновидности субъективного гражданского права преследуются цели, санкционированные законом, говорят

об осуществлении права в соответствии с его социальным назначением [7].

Анализ современных тенденций корпоративных правоотношений показывает, что в одних государствах преобладает корпоративное саморегулирование деятельности организаций-корпораций, а в других – государственное. В первом случае не существует кодифицированного корпоративного законодательства, государственное регулирование носит фрагментарный характер. В других же государствах корпоративное саморегулирование дополняет законодательство, но оно не является основным источником корпоративного права.

Р. Р. Гильфанова отмечает, что в последние годы российское корпоративное законодательство было подвергнуто значительным изменениям и доработкам, однако все еще остаются незатронутыми некоторые аспекты, которые требуют дальнейшего развития, т. е. работа в данной сфере еще не окончена, т. к. необходимо привести все нормативные правовые акты, регулирующие корпоративное право, в соответствие с изменениями законодательства, что позволит исключить ошибки при правоприменении данных норм. Современная фаза реформ и тенденции развития корпоративного законодательства переживают период необходимости преобразований. Очевидно, что заложенная в ГК РФ система корпоративного законодательства несовершенна: между ГК РФ и специальными законами, а также между самими специальными законами существует множество противоречий, дублирующих положений, пробелов [6].

Таким образом, в России длительное время акционерные общества (корпорации) учреждались, исходя из концессиональной системы, выработанной государством. Даже когда в Европе сосредоточились на иных подходах и отказались от концессиональной системы, в России она продолжила действовать, поскольку это позволяло осуществлять контроль в сферах: 1) проникновения иностранного капитала в важные торговые и промышленные корпорации; 2) регулирования доступа к рынкам сбыта (а также препятствовать образова-

нию или сохранять монополии в экономике государства и некоторых отраслей экономики); 3) ограничивать спекулятивную деятельность и создание мошеннических корпораций.

Так, рассмотрев основные особенности развития корпорации в Российской Федерации, представляется возможным сделать выводы о заимствовании в нормативно правовом регулировании корпоративных правоотношений части конструкций из законодательства европейских стран, что способствовало продвижению России по европейской модели развития института корпорации, однако, исходя из смены экономического курса, перехода к командно-административному методу регулирования, после Февральской революции 1917 года преемственность в развитии института корпорации была утеряна. Возрождение развития института корпорации произошло лишь с принятием действующего Гражданского кодекса Российской Федерации и в настоящее время (с развитием рыночных отношений) находится на стадии становления.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, принятый Государственной Думой 21 октября 1994 г. (ред. 11 марта 2024 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

2. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 27 (14) декабря 1917 г. «О национализации банков». – URL: <https://base.garant.ru/70264460/> (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

3. Аристова, Е. А. Институт ответственности трансграничных корпоративных групп в международном частном праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право ; предпринимательское право ; семейное право ; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Аристова Екатерина Анатольевна ;

Российская академия правосудия. – Москва, 2013. – 209 с. – Текст : непосредственный.

4. Галузо, В. Н. Систематизация законодательства в России (1649–1913) : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / В. Н. Галузо. – Москва : ЮНИТИ ; Закон и право, 2007. – 105 с. – Текст : непосредственный.

5. Гараджа, Ю. В. История становления и развития корпоративного законодательства в России / Ю. В. Гараджа, М. Н. Придворова // Молодой ученый. – 2019. – № 2 (240). – С. 122–124. – Текст : непосредственный.

6. Гильфанова, Р. Р. История становления и развития законодательства о корпорациях в Российской Федерации / Р. Р. Гильфанова // Вестник науки. – 2023. – Т. 4. – № 11 (68). – С. 125–133. – Текст : непосредственный.

7. Данельян, А.А. Корпорация и корпоративные конфликты : специальность 12.00.03 «Гражданское право ; предпринимательское право ; семейное право ; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Данельян Андрей Андреевич ; Российский государственный институт интеллектуальной собственности. – Москва, 2006. – 160 с. – Текст : непосредственный.

8. Кудачкин, А. А. Корпорация в США и акционерное общество в России как субъекты акционерного правоотношения : сравнительно-правовой анализ : специальность 12.00.03 «Гражданское право ; предпринимательское право ; семейное право ; международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кудачкин Антон Алексеевич ; Московский институт экономики, политики и права. – Москва, 2007. – 186 с. – Текст : непосредственный.

9. Морковкина, А. А. Становление и развитие корпоративной формы юридического лица в России / А. А. Морковкина // Вестник науки. – 2023. – Т. 4. – № 11 (68). – С. 196–200. – Текст : непосредственный.

10. Полякова, А. Е. Место корпоративных отношений в системе гражданско-правовых отношений / А. Е. Полякова // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 9 (23). – С. 20–23. – Текст : непосредственный.

11. Придворова, М. Н. Особенности корпоративных отношений и механизм правового регулирования / М. Н. Придворова, О. С. Чулкова // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. – 2016. – № 2 (6). – С. 48–54. – Текст : непосредственный.

12. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный (1876–1917 гг.) : в 15-ти томах. – Санкт-Петербург, 1900. – Т. 10 : Свод законов гражданских и межевых. – Ч. 1. Законы гражданские. – 417 с. – Текст : непосредственный.

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ НАРТОВ

Миндзаев Марат Айдарукович,

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории
государства и права Владикавказского института управления,
г. Владикавказ
E-mail: maratmindzaev@gmail.com*

Аннотация: Представления о добре и зле, о должном и запретном, описанные в Нартских сказаниях, являются отражением аксиологических воззрений осетин в древности. Они расходятся с многими современными представлениями, но характерны для многих народов в давние времена.

Ключевые слова: Нартский эпос, Осетия, ценностная ориентация, аксиология, дикость, варварство, цивилизация, сказания, фольклор.

WHAT WAS THE VALUE SYSTEM OF THE NARTS

Mindzaev Marat Aidarukovich,

*Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of the State and Law Theory
Department at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz*

Abstract: The ideas about good and evil, about what is proper and what is forbidden, described in Nart tales, are a reflection of the axiological views of Ossetians in ancient times. They are at odds with many modern ideas, but were characteristic of many peoples in ancient times.

Keywords: Nart epic, Ossetia, value system, axiology, savagery, barbarism, civilization, legends, folklore.

Тема настоящей статьи выглядит, на первый взгляд, вызывающей и не вполне корректной. Ведь Нарты – это не этнос, не предки северо-кавказцев, а литературные образы, персонажи сказок, мифы. Как можно говорить об их представлениях? Оказывается, можно, ибо их поступки, мысли, устремления являются не фантазией десятков поколений безвестных сказителей, а отражением общественных отно-

шений той эпохи, реальной жизни населения стран, бывших носителями нартовских преданий, нартского образа жизни, хранителями нартского духа, нартовских ценностей.

Другими словами, получается, что мы говорим о жизненных ценностях наших предков, которых в исторических источниках именовали аланами, ас-дигорами, а ранее – сарматами, скифами, киммерийцами... Только правильно ли будет представлять их однолинейно, как бытие одного народа, неоднократно сменявшего свое название за последние две с половиной тысячи лет, но сохранившего свою сущность, свой вектор общественного развития?

Не думаю. Во-первых, Нарты – достояние многих народов, обитающих по соседству с осетинами, – адыгов, абхазов, карачаево-балкарцев, ингушей и чеченцев. Во-вторых, не следует забывать, что аланы, чьими прямыми потомками считают себя осетины, пришли на Кавказ и смешались с местными аборигенными племенами, чьих имен мы не знаем и чьих языков мы не слышали. Что от них осталось – это изделия из металлов, керамики, извлеченные из раскопок у современных осетинских сел Кобан и Лезгор. Высказано предположение, что население, жившее во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. (и ранее) на северных склонах Большого Кавказа от Дагестана до верховьев Лабы и Зеленчука до прихода аланов, никуда не исчезло. Смешавшись с аланскими племенами, оно породило осетинский этнос, а на территории современных Ингушетии и Чечни обитает до сих пор. Другими словами, аланские ветви выросли на корнях кавказского древа и породили осетин; после дополнения к ним тюркских ветвей западнее современной Осетии образовалась карачаево-балкарская общность, а восточнее Осетии корни сохранились в почти неизменном виде и образовали нахско-дагестанскую общность.

Это предположение подкрепляется генетическими и языковыми исследованиями. В этимологическом словаре осетинского языка профессора В. И. Абаева достаточно большое число осетинских слов имеет кавказские корни, что говорит не только о возможных заимствованиях, но и о гене-

тической близости северо-кавказского населения. Генетическая же наука, бурно развивающаяся в последнее время, хотя не дает однозначных ответов в силу небольшого материала для исследований, но всё же показывает достаточно большой разброс генов среди современных осетин [1].

Из сказанного следует, что наш эпос – это не одноцветная стрела, летящая в одном направлении, а, скорее, разноцветная мозаика, раскрашенная как разными эпохами, так и различными племенами, вливавшимися в то, что сегодня называется «осетинским народом». Анализ осетинских Нартовских сказаний, как будет показано ниже, это подтверждает.

С какого именно сказания следует начать – тоже большой вопрос. Самое полное научное издание осетинских Нартов содержит более тысячи задокументированных текстов, записанных во многих селах Северной и Южной Осетии с середины 19 по середину 20 века. Разумеется, многие сюжеты многократно повторяются в разных версиях, но можно утверждать, что более ста отдельных сюжетов осетинских Нартов точно существует. Они обычно подразделяются на 8 циклов, расположенных в какой-то степени в хронологическом порядке (начинается все с рождения прародителей основной семерки Нартов и завершается гибелью Нартов). Известно, что все сказания не могли возникнуть одновременно, возможно, временной разрыв между ранними и поздними сказаниями составляет сотни лет. В то же время однозначно утверждать, что самыми древними являются повествования об Ахсаре и Ахсартаге, а самыми поздними – об Ацамазе, нельзя. Правильнее будет проанализировать содержание каждого сказания, действия героев, их реакцию на природные явления, характер их взаимоотношений, описываемые предметы быта.

Еще одно предварительное замечание. Каждое сказание, каждый сюжет, кроме коротких историй о Сырдоне, больше напоминающих истории про Ходжу Насреддина, обычно состоит из нескольких картин, сцен или актов, примерно, как спектакль или театральная постановка. И эти микросюжеты

иногда дрейфуют от одного сказания к другому. Это же касается отдельных повторяющихся речевых оборотов. Так вот, сказание в целом может быть датировано одной эпохой, но включать в себя сценки или обороты речи из другой.

Итак, начнем с «Яблока Нартов». Проводить параллели с древнеиудейской историей, в которой первая женщина изменила (даже – начала!) историю, посягнув на яблоко, мы не станем. Не будем мы также параллелить нартовскую близнечную пару «Ахсар-Ахсартаг» с римской «Ромул-Рем» – пусть это сделают профессиональные мифологи. А лучше обратим внимание на две коротенькие бытовые сценки. Когда Уархаг отправляет сыновей стеречь сад, он произносит такие слова:

«– Идите, солнышки мои, постерегите золотое яблоко. Вся моя надежда на вас. Если не устережете, то знайте – все три нартских рода соберутся сюда. По одному человеку от каждого дома пришлют они и одному из вас отрубят голову, другому отсекут руку и, на позор мне, наденут их на колья» [9, с. 5–6].

Согласимся, что такое исключительное по жесткости наказание, к тому же при неосторожной форме вины, характерно для эпохи дикости, по Ф. Энгельсу, и совершенно нехарактерно для нашей эпохи [10]. Далее отец разъясняет последствия: *«– Один останусь я на старости лет, без защитников и кормильцев»* [9, с. 6].

Когда же сыновья пошли по следам голубки и долго не возвращались в селение, так и произошло: *«Но радовались нартские юноши тому, что не возвращаются Ахсар и Ахсартаг, везде и во всем превосходившие их. Стали они насмехаться над седидами Уархага и назло приставили его бесшленно пасти скот. Рассердился Уархаг. В отместку не раз угонял нартские стада и топил их в море или бросал с вершины крутой скалы. И с тех пор не показывался Уархаг в селении нартов: так горевал он по своим сыновьям, что его не тянуло туда»* [9, с. 11].

Отец, конечно, переживает за сыновей. Но еще больше ему не по себе из-за того, что, лишившись сыновей-защит-

ников, он остается вне рода, становится изгоем, что тоже характерно для отношений на заре человечества.

Как мы сегодня относимся к такой ситуации? Разумеется, отрицательно. Но мы должны понимать, что для тех далеких времен, возможно на большой территории мира, подобное было нормой.

С такой же жестокостью мы сталкиваемся еще в нескольких сказаниях, где герой объявляет поход или состязания, где должны присутствовать по одному мужчине от каждого дома, и заявляет, что не подчинившаяся семья отвечает очень серьезно:

«Вернулся Сослан домой, позвал глашатая и сказал ему:

– Пройди повсюду и прокричи громко нартам: «Сегодня пятница, а в следующую пятницу идем мы в поход на крепость Хиза! И тот дом, который не вышлет нам воина, тот дом навеки отдаст мне в рабство юношу!» [9, с. 117].

Уклонение от призыва по мобилизации и сегодня считается тяжким преступлением, но канули в Лету времена, когда ответственность возлагалась на домочадцев.

От сказания «Последний поход Урызмага» тоже веет глубиной стариной. Тогда было принято избавляться от стариков, становившихся обузой для рода, вот и уважаемого когда-то Урызмага посадили в деревянный ящик и пустили по волнам. Он спасся и благодаря находчивости с прибытком вернулся к Нартам. С этого времени люди перестали избавляться от стариков – вполне четкая веха в истории развития человечества, когда изменилась ценностная ориентация и дикость перешла в варварство.

Еще парочка эпизодов, где положительный герой демонстрирует свойства, противоположные современному менталитету.

Вроде ни с того, ни с сего славный герой Сослан атакует богатыря Елтагана, хотя тот ничего плохого ему не сделал, и срезает с него скальп для украшения своей шубы [7, с. 74–76].

Явно немотивированная агрессия, да еще с элементами издевательства над поверженным врагом. Но с позиций того времени все логично и правильно: Сослану нужно ут-

вердиться как воину, и нет у него другого пути, как проявить воинскую доблесть. А для этого надо одолеть явного фаворита, коим, вероятно, был Елтаган. Внешним проявлением доблести воина или, точнее, индикатором, были скальпы противников. Такое практиковали и наши вероятные пращур-ы скифы, и индейцы Америки, а в недалеком прошлом – и вполне себе цивилизованные белые люди, сражавшиеся с теми же индейцами. Ордена и медали сегодня – это своего рода индикаторы победы над множеством врагов, равно как скальпы пару тысячелетий назад; форма изменилась, но суть – ничуть.

В этом же эпизоде мы усматриваем еще один «маячок», указывающий на глубокую древность сказания: Сослан не бился оружием с Елтаганом, а одолел его колдовством.

«Тут уж Елтаган сам вышел и говорит:

– Что тебе нужно, Сослан? Зачем ищешь меня?

– Давай поиграем ... – ответил Сослан. – Если выиграешь ты, то руби мне голову, если же выиграю я, то я отрублю тебе голову. ...

– Ты вызвал меня на поединок, ты и начинай первым, – сказал Елтаган.

Сослан бросил кости и оттуда высыпалось море проса и рассыпалось по сторонам по зернышку.

– Нужно собрать это просо! – сказал Сослан.

Бросил теперь кости сын Куцука Елтаган: вылетели откуда куры с цыплятами. Стали они клевать просо и не хватило им даже по зернышку» [7, с. 75].

По словам В. И. Абаева, это была эпоха, когда жрец был сильнее воина [1, с. 154]. Выходит, древние слушатели Нартов (а тогда, естественно, были не читатели, а слушатели) не возмущались действиями Сослана, а восхищались ими!

В другом сказании Сослан совершает еще одно немотивированное убийство: поражает стрелой сына Сырдона и тем самым кладет начало вражде с последним. Сырдон поставил своего сына в качестве мишени и объявил, что если Нарты не попадут в него, то дают ему быка. Нарты целый день пытались поразить мальчика, но безрезультатно. Затем

выстрелил Сослан и насмерть поразил сына Сырдона. Вражда перешла в новую стадию и завершилась позднее гибелью Сослана.

В другой версии этого сказания, записанном Дзагуровым Губади в селении Задалеск 30 июня 1910 г. от Калицева Омара, уточняется, что Сырдон выставил сына, а сам спрятал его душу в тень. Потому-то Нарты, хотя и попадали в него, но не могли убить. *«Тогда Сослан пошел к Ахсине (Шатане), спросил, а та ему ответила:*

– Целься в его тень, и тогда посмотришь, умрет он или нет!

Сослан прицелился и попал в его душу, находившуюся в тени, и парень упал» [8, с. 163].

Выходит, и здесь мы видим не смерть в сражении, а состязание в колдовстве, и Шатана оказывается более искусной колдуньей, чем Сырдон. Смерть же его сына – не цель, к которой стремился Сослан, а лишь показатель мастерства Шатаны. Не случайно даже имя мальчика нигде не упоминается, т. е. он в данном случае не личность, его смерть – не самоцель, а лишь индикатор соотношения сил. Жестоко, с нашей колокольни, но разве в современных рассказах про войну, в детективных и приключенческих фильмах (о фэнтэзи я просто умолчу) мало проливается крови?

Сказание «Рождение Урызмага и Хамыца» хорошо иллюстрирует половозрастное деление нартового (читай – древнего осетинского) общества. Когда мать красавицы Дзерассы узнала, что ее дочь в положении, то не задумываясь отправила ее в селение Нартов, чтобы она там разрешилась от бремени, что дало бы шанс ее потомству считаться Нартами:

«– Иди, дочка, в Страну Нартов. Кто не родится на их земле и кого они не примут из чрева матери в свои руки, того они никогда своим не признают» [9, с. 16]. Получается, в нартской среде, как сказали бы сейчас, для установления гражданства принцип крови дополнялся принципом почвы.

Интересно посмотреть, как общались нарты с незнакомой женщиной. Они не задают ей прямых вопросов и даже

не вступают с ней в контакт, а обращаются через цепочку посредников: *«И старшие нарты сказали младшим: Пойдите к женщинам нашим и скажите им, пусть узнают, кто она такая, эта женщина-гостья?»*.

Но и женщинам было не просто получить ответ от незнакомки:

«Окружили молодые женщины Дзерассу и стали спрашивать ее:

– Скажи нам, кто ты такая?

Ничего не ответила им Дзерасса и подумала про себя: «Я сказала бы им, кто я такая, но тогда старшие не услышат моего ответа от меня самой».

И старшие женщины, видя, что она ничего не ответила младшим невесткам, подошли к ней, спросили ее:

– Скажи нам, кем ты доводишься нартам?

И ответила им Дзерасса:

– Не спрашивайте меня все сразу. Если хотите узнать, кто я такая, пусть спросит меня одна из вас, и я отвечу ей» [9, с. 17].

Такие вот «китайские церемонии» были обязательны в древнем обществе. В современном осетинском это обозначается термином «уайсадын / уайсадун». Молодая невестка (сноха) некоторое время после свадьбы избегает общения с отцом мужа и его братьями. Те, по возможности, тоже не обращаются к ней напрямую. Через день, неделю, месяц, год глава семьи в торжественной обстановке одаривает молодую и снимает с нее бремя молчания.

Михал Гарданов (1870–1962) оставил такие заметки по этому поводу, относящиеся к концу 19 века: *«Ностæлтæ се 'фсийни рази ма бадæнтæ, сæ дзурд дæр уой рази уайсадгæ уæд»*. / «Снохам не следует сидеть в присутствии свекрови и болтать при ней». И далее: *«Ностæбæл еу анз ку рацæуа, уæд æ киндздзон ходæ исесæд, хæдзарæмæ æ теути размæ цæун райдайæд, фал уайсадæд уонæмæ»*. / «Когда пройдет год, пусть сноха снимет свадебный головной убор невесты, пусть появляется в комнатах в присутствии братьев мужа, но продолжает придерживаться правил «уайсадун»» [2, с. 40].

В сказании «Безымянный сын Урызмага» показано, как были регламентированы отношения старших и младших в походе: *«И сказал тогда мальчик:*

– Я поеду вперед – пусть с сегодняшнего дня не будет позором, если младший поедет впереди старшего» [9, с. 44].

М. Гарданов пишет о схожей ситуации следующее: *«Бæхгинтæ будури ку рафестæг уонцæ, уæд сæ рабадун кæнун кæстæрбæл æй. Хестæр бæхгинтæн еци уæлбæхæй сæ кæстæртæн балæггадæ кæнун æмбæлуй (æгъдинцойнæбæл фæххуæцун). Кæстæрти рабадуни уæнгæ хестæртæ дæр ма 'нкъусæнтæ».* / «Если всадники спешили на равнине, то обязанность посадить лежит на младшем. Младшим прилично помочь старшим всадникам (поддержать стремя). Старшие же пусть не начинают движение, покуда младшие не окажутся в седлах» [2, с. 50].

В наши дни весьма популярным в Осетии и далеко за ее пределами стало ношение бороды юношами. В ходе ожесточенных дискуссий высказываются крайние суждения, апеллирующие к старым обычаям. А вот что сказано по этому поводу в «Безымянном сыне Урызмага»:

«Сражаются, не щадя друг друга, железный жеребец и конь юноши – Аласа. От искр их булатных подков такой огонь разгорелся, что вспыхнула земля. Не сдержал Урызмаг любопытства, выглянул из ямы, и запылала длинная его борода.

Мальчик ловко потушил ее и сказал:

– С этого времени да будет новый обычай: носить бороды такой длины, какой она стала сейчас у тебя» [9, с. 45].

Интересна следующая сцена, где старший благоразумно предлагает воспользоваться ситуацией и угнать скот, но младший возражает:

«– Эй, Урызмаг, скорее гони прочь стада терк-турков, а я должен известить хозяев о том, что угнаны их стада.

– Пока никто не преследует нас, лучше бы нам отправиться своей дорогой, – сказал Урызмаг.

– Честь не позволяет мне без погони, украдкой угнать такую большую добычу» [9, с. 46–47].

То есть открытое похищение имущества (грабеж) предпочтительней кражи, т. к. демонстрируется превосходство грабителя над потерпевшим и этим вопрос закрывается. Кража же дает моральное право потерпевшей стороне позорить вора и длительное время предпринимать попытки по возвращению утраченного.

Конец этой истории описывает еще один обычай: признание себя сыном посторонней женщины. Прикрывая отступление Урызмага, его безымянный сын подвергся нападению преследователей. Но перед этим его остановила одна старуха и слезно умоляла не убивать ее сына, который вот-вот здесь появится во главе погони. Шестеро старших сыновей старухи полегли в боях, и чтобы сохранить жизнь младшему, она упросила Безымянного стать ее молочным сыном, что автоматически означало, что он не станет причинять вреда ее сыну.

«– И в знак этого стань мне молочным сыном, а ему молочным братом – возьми в рот грудь мою.

Соскочил мальчик с железного жеребца, взял в рот грудь старой вдовы и дал ей слово – крепкое слово нартского человека, что не причинит он зла ее единственному сыну» [9, с. 48].

В конце 19 века нередки были случаи, когда для прекращения кровной мести стороны все еще прибегали к подобной процедуре. Великий Махарбек Туганов запечатлел на полотне «Примирение кровников» такую сцену. В то же время М. Гарданов, подтверждая этот обычай, уже не упоминает о необходимости прикасаться губами к груди матери убитого: *«Марæгæн æмбæлуи, ке рамардта, уой мадæн фурт зæгъун, мадæ ин ку нæ уа, уæдта æ уосæй хуæрæ зæгъун»*. / «Убийце следует назваться сыном матери убитого, а при отсутствии матери – назвать вдову убитого своей сестрой» [2, с. 59].

Сказание «Чем небожители одарили Сослана» нам представляется относительно поздним. В нем упоминаются дары небожителей людям: злаки, орудия для их выращивания, водяные мельницы. И здесь мы сталкиваемся с этическими требованиями, вложенными в уста небожителей:

«– Я согласен, – ответил властитель благородных зверей. – Часть скота своего, что ходит в лесах и на равнинах, уделю я нартам, но и от них я потребую дара: пусть охотник, собираясь на охоту, захватит с собой из дому три лепешки; на перевале пусть он ими помянет меня. А потом, когда на Черной горе будет ему удача и убьет он зверя, пусть правую лодыжку побережет он и отдаст ее тому, кого первого встретит» [9, с. 79].

Не слишком похоже на наши представления: нарты, добывая скот, совершают грабеж, что для нас преступно, и одновременно делятся охотничьей добычей с первым встречным, что тоже не характерно для 21 века. Но мы продолжаем восхищаться нартами! Почему? Да потому, что мы понимаем, что на их месте мы вели бы себя точно также. В тех природных, тех исторических условиях было правильно делиться с первым встречным, которому меньше повезло на охоте; зато в зеркально противоположной ситуации ты мог рассчитывать на подобную помощь. Что же касается грабежей, то цивилизованные европейцы по историческим меркам еще совсем недавно содержали армии наемников, целью жизни которых был грабеж на суше. А на море «благородные» каперы отличались от пиратов лишь одним листиком бумаги с подписью и печатью Короны, даровавшей им право грабить, с условием передавать часть добычи государству. Ничто не ново под луной!

Нартам было присуще благородство и чувство справедливости (соразмерности, зеркальности). Возьмем сказание «Как Батрадз отомстил за смерть отца». Поразив убийцу отца Сайнаг-алдара, Батрадз отрубил ему правую руку, как доказательство победы над ним. Но мать сказала ему:

«– Но грешно и не подобает тебе такого человека, как Сайнаг-алдар, послать в Страну мертвых с обрубленной рукой. Он ведь тоже отправил твоего отца в Страну мертвых, но не надругался над телом его». И Шатана протянула Батрадзу завернутую в шелковую ткань руку Сайнаг-алдара.

Ни слова не возразил Батрадз, взял сверток, сел на своего коня и поехал в страну Сайнаг-алдара...

Вошел Батрадз, отдал почести, подобающие покойнику, а отрубленную руку его положил ему на грудь и сказал:

– Да возрадуется земля праху твоему! Ты убил отца моего, я отомстил за него, – возмездие совершилось. Вот тебе рука твоя» [9, с. 326].

Напрашиваются параллели с известной максимой из Евангелия: *«Итак, во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [4, гл. 7, стих 12],* или из «Левиафана» Томаса Гоббса. Там перечисляются 19 законов естественного права, седьмой из которых гласит, что *«при отмщении (т. е. воздаянии злом за зло) люди должны соотносываться не с размерами совершённого зла, а с размерами того блага, которое последует за отмщением».* Несоблюдение этого закона порождает жестокость [3, с. 108].

Множество параллелей с европейскими этическими ценностями объясняются, разумеется, не плагиатом одной из сторон, а тем, что ментальность индоевропейцев сформировалась очень давно. И хотя языки разошлись значительно, также и внешний облик, но общечеловеческие ценности, вероятно, сохранились, и если не в каждодневном поведении, то хотя бы в эпосе.

Пожалуй, одно из заметных отличий эпоса от современных фантазий состоит в том, что в последних экшен (движение) превалирует над мыслью, идеей, поучением, а в эпосе всегда доминирует идея.

Как видно, почти все сказания имеют не только сюжет – последовательность действий, картин, но и этические нормы, нанизанные как бусины на нить событий. Настоящим кладезем жизненных правил являются два сказания «Сослан в стране мёртвых» и «Батрадз и чаша Нартов Уацамонга». В моих статьях «Некоторые этические представления в осетинском нартском эпосе» [5] и «О правовых параллелях осетинского нартского эпоса» [6], опубликованных в «Бюллетене Владикавказского института управления», дается довольно подробный анализ содержащихся в них положений, поэтому повторяться не станем.

Но вот что важно понимать: чрезмерное увлечение молодежью фэнтэзи в мультиках, фильмах, книгах, сувенирах, одежде – это путь в никуда. Разумеется, никто не отменяет сказки, фантастические романы, фильмы. Но каждый автор фантастических историй, пусть он будет хоть семи пядей во лбу, предлагает свой, персональный набор ценностей, никак не связанный ни с нашей жизнью, ни с нашим прошлым, ни с нашими устремлениями. Он не может заменить коллективную многовековую мудрость предшествующих поколений, а может лишь дополнить ее. Фэнтэзи, подменяющее собой эпос, – это продукт другого общества, со своей моралью, своими обычаями. Если наша молодежь не начнет познавать свой эпос, а лидеры Осетии не приложат определенные усилия для его внедрения в школы и другие учебные заведения, это может привести к стремительному растворению, гибели осетинского этноса.

Нужно также отдавать себе отчет в том, что современное буржуазное общество – общество потребления – имеет чрезвычайно мощные рычаги воздействия на сознание населения. Огромные суммы тратятся на то, чтобы сформировать в общественном мнении доминанту: покупай и потребляй! При этом все способы воздействия на сознание работают консолидировано: реклама, школьное образование, фильмы, мультяшки, телевидение, социальные сети, графика, изобразительное искусство, индустрия развлечений, сувениры – все работает исключительно на извлечение прибыли, в ущерб прежним ценностям. Чтобы представить себе наглядно противостояние традиционных ценностей и современных, можно сравнить нарта Батрадза, исповедовавшего воздержанность в еде в такой же степени, как мужество в бою, с телевизионной рекламой многоэтажных бургеров, пожираемых чавкающими субъектами неопределенного пола.

Чтобы Нарты не были сметены и забыты, чтобы осетинский язык не разделил судьбу латыни, санскрита, авестийского, коптского языков, нужны усилия государства. 2023 год был объявлен в Осетии годом Нартиады. Было сделано

немало для популяризации эпоса. Активное участие в этом принимали школы республики; в них было проведено много интересных мероприятий. Вместе с тем, нам не хватает единой продуманной программы для системного изучения Нартского эпоса на всем протяжении школьного обучения. Это можно было бы реализовать как на уроках осетинского языка, так и в преподавании других предметов.

Библиографический список

1. Абаев, В. И. Нартовский эпос осетин / В. И. Абаев // Избранные труды ; в 4 томах. – 2-е изд. – Владикавказ : Изд-во «Ир», 1990. – Т. 1. Религия, фольклор, литература. – 638 с. – Текст : непосредственный.

2. Гарданти, М. Уадзимистæ : киунугæ исаразта Скъодтати Эльбрус / М. Гарданти. – Владикавказ : Ир, 2007. – 415 с. – Текст : непосредственный.

3. Гоббс, Т. Левиафан. / Т. Гоббс. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 23.10.2025). – Текст : электронный.

4. Евангелие от Матфея. – URL: <https://www.pravoslavnaya-biblioteka.ru/bibliya/noviy-zavet/evangelie-ot-matfeya.html> (дата обращения: 23.10.2025). – Текст : электронный.

5. Миндзаев, М. А. Некоторые этические представления в осетинском нартском эпосе / М. А. Миндзаев // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2023 – № 66. – С. 5–16. – Текст : непосредственный.

6. Миндзаев, М. А. О правовых параллелях осетинского Нартского эпоса / М. А. Миндзаев // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2024. – № 68. – С. 14–28. – Текст : непосредственный.

7. Нарты кадджытæ / Сост. В. И. Абаев, Н. К. Багаев, И. В. Джанаев, Б. Т. Боциев, Т. А. Епхийев ; под ред. И. В. Джанаева. – 2-е изд. – Орджоникидзе : Изд-во «Ир», 1975. – 368 с. – Текст : непосредственный.

8. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос / Сост. Т. А. Хамицаева, Ш. Ф. Джигкаев ; в 7 томах. – Владикавказ : Издатель-

ско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2007. – Т. 4. – 518 с. – Текст : непосредственный.

9. Сказания о нартах : осетинский эпос / Перевод Ю. Либединского ; с вводной статьей В. И. Абаева. Изд. перераб. и доп. – Москва : Изд-во «Советская Россия», 1978. – 512 с. – Текст : непосредственный.

10. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства : в связи с исследованиями Люиса Г. Моргана / Ф. Энгельс. – Москва : Политиздат, 1989. – 222 с. – Текст : непосредственный.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ У АЛАН (ПО КНИГЕ АГУСТИ АЛЕМАНЯ «АЛАНЫ В ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ») (ЧАСТЬ 3)

Миндзаев Марат Айдарукович,

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории
государства и права Владикавказского института управления,
г. Владикавказ*

E-mail: maratmindzaev@gmail.com

Аннотация: В статье на основе исторических хроник, собранных в большом количестве в монографии А. Алеманя, и с использованием других источников, анализируются исторические условия, препятствовавшие формированию полноценного государства западных (I–V века) и восточных (VI–XIV века) алан. Затрагиваются параллели аланской истории и осетинского нартского эпоса. Если в первой и второй частях статьи, опубликованных в Бюллетене Владикавказского института управления, в основном перечислялись события, описанные в древних и средневековых хрониках, то здесь упор делается на причинно-следственные связи, приведшие к печальным результатам.

Ключевые слова: государство, право, история, аланы, Осетия, Кавказ, летописи, средние века, Агусты Алемань.

NATION BUILDING AMONG THE ALANS (BASED ON THE BOOK BY AGUSTI ALEMAN «THE ALANS IN ANCIENT AND MEDIEVAL SOURCES») (PART 3)

Mindzaev Marat Aidarukovich,

*Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Head of the State and Law Theory
Department at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz*

Abstract: The article, based on historical chronicles collected in large quantities in the monograph by A. Aleman and using other sources, analyzes the historical conditions that prevented the formation of a full-fledged state of the Western (1st–5th centuries) and Eastern (6th–14th centuries) Alans. Parallels are drawn between Alan history and the Ossetian Nart epic. While the first and second parts of the article,

published in the Bulletin of the Vladikavkaz Institute of Management, mostly listed events described in ancient and medieval chronicles, the present article emphasizes the cause-and-effect relationships that led to sad results.

Keywords: state, law, history, Alans, Ossetia, Caucasus, chronicles, Middle Ages, Agusti Aleman.

Почему не стало Аланской державы?

Тема эта весьма щекотлива. Для одних – государство у алан вообще не было создано, для других – перед монгольским нашествием на Северном Кавказе существовала сильная Аланская держава [9], третьи вообще ставят под сомнение существование аланского этноса, полагая, что под именем алан в эпоху поздней античности и раннего средневековья по Евразии маневрировали многие народы, так или иначе связанные с основным ираноязычным аланским ядром. Так, в конце 80 – начале 90-х годов прошлого столетия на Северном Кавказе развернулась настоящая «война» за аланское наследство.

Этнически близкие к осетинам карачаево-балкарцы (их вполне можно считать единым этносом, во всяком случае в начале XX века такое мнение было доминирующим) заявили о своих претензиях на имя алан, исходя не только из того, что в их языке это слово является обращением к мужчине и имеет широкое хождение, но также из того, что столица Алании, город Магас, а также несколько сохранившихся с X века христианских аланских храмов находятся на территории обитания карачаево-балкарского этноса, «принявшего в себя» аланскую кровь.

Еще дальше пошли восточные соседи осетин – ингуши, меньшая часть древнего вайнахского племени, просто соорудившие ворота перед въездом в новый населенный пункт, названный незатейливо – Магас, а ворота назвали Аланскими. Ну кто теперь станет спорить с тем, что потомками аланов являются именно ингуши? Пусть теперь осетины и балкарцы нервно курят в сторонке.

Сказать, что претензии тюрок, карачаево-балкарцев и вайнахов-ингушей на принадлежность к аланам абсолютно

безосновательны, нельзя. Наверняка генетический анализ покажет некоторый процент аланской крови в их жилах. И это здорово, ведь появляется еще один аргумент в пользу дружбы народов и добрососедства. Но вряд ли такой ответ удовлетворит ярых сторонников «аланства» из Осетии, Ингушетии, Карачая или Балкарии, желающих признания именно их первичности, первородности в этом вопросе.

Мы будем исходить из того, что более корректный ответ на поставленный вопрос может быть сделан в конце статьи, после того, как мы пройдемся по событиям, замедлившим возникновение государственности у алан. При этом ограничимся, как и в первых двух статьях по этой тематике [16; 17], анализом в основном одной монографии Агусти Алеманя [5], содержащей в свою очередь ссылки на сотни древних рукописей, где упомянуты деяния аланов в I–XV вв., и несколькими подтверждающими нашу точку зрения ссылками на другие авторитетные источники.

Согласно римским и византийским источникам, аланы появились в Европе примерно в I веке до н. э. под именем аорсов и регулярно «отмечались» по нарастающей на территориях современных Румынии, Венгрии, Австрии, Швейцарии, южной и северо-западной Франции, северной Италии, Испании, Северной Африки [5, с. 558–565].

Пять веков непрерывных войн, то на стороне Рима против гуннов, то против империи, привели к тому, что к V веку им удалось захватить какие-то земли в Арморике и в северной Италии, изменить образ жизни, зажить дружно с соседями – готами, галлами, вандалами, лонгобардами и – и! исчезнуть из поля зрения летописцев после 500 года, так и не создав собственного государства. Мирная жизнь в окружении более многочисленных соседей, как варваров, так и римских граждан с более продолжительной цивилизационной историей, привела к ассимиляции и полной утрате если не этнических черт, то объединяющего начала: языка, обычаев, осознания себя отдельным народом. Слабым утешением может быть информация о большом числе аланских топонимов и личных имен, сохранившихся в тех областях по сей день.

Американский историк Бернард Стэнли Бахрах в книге «Аланы на Западе (от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья)» пишет: «В небольшом районе северо-запада Швейцарии, недалеко от Женевского озера и деп. Эн, далее – к западу, во Франции сохранились некоторые названия, указывающие на бывшие аланские поселения. Около 25 миль к северо-востоку от Лиона находилась группа из трех небольших городков – Ален, Алэнс, Аланьер. Около 25 миль к востоку, северо-востоку в окрестностях Бурга находится город Аллень. За швейцарской границей около 30 миль к востоку и в окрестностях Женевы протекает река, ранее называвшаяся Аландон, а далее к северу и к востоку, около 5 миль к северу от Лозанны, находится город Алленс. Археологические материалы в некоторой степени подтверждают возможность существования в данных местах раннесредневековых аланских поселений ... Захоронения в данном регионе относятся к середине V века и распространены исключительно в районах с аланской топонимикой» [8 с. 85].

Далее он пишет: «Уже к концу V в. источники не содержат упоминания об аланах в Галлии как об определенной этнической группе... пребывание аланов на территории Галлии в течение жизни более чем трех поколений не могло пройти и не прошло бесследно. Аланскую топонимику... можно сравнить с подобной же топонимикой вестготских поселений в Аквитании. Хотя готы и были более многочисленны, чем аланы, и их поселения в Аквитании просуществовали около столетия, они оказали гораздо меньше влияния на местную топонимику, чем аланы. Об этом ясно свидетельствует сохранение и широкое распространение аланских собственных имен. Так, к примеру, имена Ален и его вариации Аллен, Алан и Аллан, происходящие от латинского *Alanus*, до сих пор распространены как собственные и фамильные имена. В Аквитании и области к северу от Луары также часто употребляется аланское имя Гоар» [8, с. 90–91].

Что еще? Еще можно порадоваться тому, что западные аланы приняли христианство на 5 веков раньше восточных.

Прочитируем Бахраха: «Аланские поселения в Южной Галлии не были такими удачными, как в Арморике. После разрыва с вестготами в 414 г. эти аланы поселились в районе между Тулузой и Средиземным морем. Несколько лет спустя, однако, бывшие союзники аланов вестготы вернулись из Испании и в качестве союзников империи начали претендовать на юго-запад Галлии. Вестготы были арианами, аланы же, проживавшие среди них в меньшинстве, были в основном язычниками, пока не приняли ортодоксальное христианство во второй половине V в.» [8, с. 108].

Далее Бахрах сообщает: «Начало процесса ассимиляции аланов связано с их первым поселением на территории Римской империи, когда они отказались от своего кочевого образа жизни и перешли к оседлому землевладению, которое было господствующей формой хозяйства в Риме. Вторым этапом их ассимиляции явилось принятие христианства, в особенности в его ортодоксальной форме. Так, если еще в середине V в. аланы Галлии были язычниками, то к концу века уже переняли христианство. В первой половине VI в. все уже считали аланов христианами» [8, с. 91].

Так что переход к единобожию сыграл с аланами злую шутку: сделав шаг вперед от варварства к цивилизации, они обнулились как этнос, передав европейским народам свой генофонд. Растратив за первые века нашей эры пассионарность, аланы перешли на стадию обскурации, угасания, полностью растворившись в других народах [12, с. 388]. Можно утверждать, что западные аланы исчезли потому, что не создали своего государства.

Что касается кавказских алан, то кривая их развития была несколько другой. Согласно источникам, приведенным в книге А. Алеманя, в VI веке аланы успешно сражались с аварами и с мисимианами (юго-западная Грузия), в VII веке противостояли арабской экспансии на Кавказе, в VIII веке взаимодействовали с хазарами. С IX по XIII века аланы все больше воюют в Грузии, то разоряя ее, то выступая в качестве ее союзника в борьбе в Закавказье. Военные успехи алан все менее значимы; они все чаще нанимают-

ся на службу к византийским или к грузинским правителям [5, с. 566–572].

Аланы перестали быть народом-войском; они перешли от кочевого образа жизни к оседлому. Занимая обширные территории Северного Кавказа, они проживали, взаимодействуя с другими народами – адыгами, тюрками, народами нахской языковой группы. Можно предположить, что влияние алан на жителей горных областей восточного Предкавказья (современные Дагестан, Чечня и Ингушетия) было минимальным, а на равнинные западные области (современные Адыгея, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария) заметно большим, свидетельством чего остаются христианские Шоанинский, Сентинский и Зеленчукские храмы X века, а также развалины аланского Магаса.

Сделаем отступление и затронем Нартский эпос, увязав его с этнической историей. Сама по себе нартовская тематика весьма объемна и вызывает те же споры, что и поставленный в начале статьи вопрос: чьи аланы, чьи нарты? В. И. Абаев много лет назад постарался дипломатично ответить на этот вопрос так: нартовский эпос принадлежит тому народу, среди которого он бытует [1, с. 321]. Казалось бы, давайте признаем, что есть абхазские, адыгские, балкарские, осетинские, вайнахские нарты, – и дело с концом. Но нет. И здесь каждая сторона пытается доказать, что «их» нарты – старше и главнее. 10 глав и 2 приложения мощной монографии профессора Л. А. Чибирова «Осетинская Нартиада» на русском и английском языках не только раскрывают мифологические истоки и ареальные связи осетинских Нартов, но и с упорством Марка Порция Катона Старшего («*Ceterum censeo Cartaginem delendam esse*» /«Впрочем, полагаю, что Карфаген должен быть уничтожен!») вколачивают мысль о первородстве именно осетинских Нартов (впрочем, абхазские нартоведы не менее агрессивны в этой дискуссии) [22].

Разделяя точку зрения Людвигу Алексеевича и понимая, чем она вызвана, я полагаю, что Осетии скоро придется отказаться от своих притязаний именно потому, что происходит быстрое забывание Нартов. Студенты вузов Осетии знают о

нартах лишь понаслышке, не читают «Нарты кадджытæ» не только на родном, но даже и на русском языке. Т. е. все может произойти по В. И. Абаеву, но с противоположным знаком: Нарты не будут принадлежать тому народу, который не передает их из поколения в поколение. Не знаю, как обстоят дела с этим в Кабарде и в Абхазии, но в Осетии тенденция угрожающе приближается к необратимой.

Но мы немного забежали вперед; вернемся к вопросу об аланской государственности. Непременным условием зарождения государства являются климат и экономический фактор. Необходимости в государстве нет в том обществе, которое не создает прибавочный продукт в достаточном количестве, чтобы возник слой людей (класс), присваивающий его себе и легитимирующий это присвоение посредством права. В свою очередь это происходит только там, где есть подходящий климат и ландшафт. В Якутии и на Чукотке вряд ли возникнет государственность, она может быть туда только привнесена, а вокруг Средиземного моря, в устье Нила, по берегам Тигра и Евфрата – возникает, причем, давно, много веков назад.

Казалось бы, северокавказские равнины и предгорья, где нет недостатка в солнце, воде, лесах и почве, могли бы стать колыбелью для цивилизации, но почему-то ими не стали. Может быть, пару тысячелетий назад климат там был иным (не такое уж фантастическое допущение: на моей памяти всего-то лет за 50 Караугомский ледник в Дигории, один из крупнейших на Северном Кавказе, отступил чуть ли не на километр), но знаний юриста здесь явно недостаточно.

Очевидно, что серьезной экономики на Северном Кавказе создано не было. Аланы и обитавшие в том ареале адыги, а позднее – тюрки и другие народы обитали там в условиях девственно чистой природы, дающей достаточно пропитания для жизни, но недостаточно товара для интенсивного сельскохозяйственного производства. Правда, истории известны случаи, когда государства возникали и без серьезного материального базиса, например, Монгольская держава, буквально в одно историческое мгновение выпрыгнувшая из

степей, как черт из шкатулки, – прекрасная иллюстрация теории насилия Карла Каутского.

Или быстрое появление многочисленных варварских королевств в период между падением Западной Римской империи и образованием империи Карла Великого. Или Хазарский каганат, практически ничего не оставивший после себя археологам. Можно привести и другие примеры, но все это образцы недолговечных государственных образований. Кратковременная империя Великого хромца Тимура (Тамерлана) держалась на остриях копий его непобедимых воинов. Воевать непрерывно его понуждала необходимость постоянно платить войску, а собственной экономики для этого не хватало. Так что согласимся с тезисом, что без достаточной экономической базы государство не возникает. Это можно считать первой серьезной причиной неразвитости аланского протогосударства.

Обратной стороной развития экономики является превращение прежнего родового общества в классовое. Воинам, дружинникам государства не нужно, им вполне хватает вождей, военных царей, которые безболезненно сменяются более молодыми, сильными, умелыми, к удовольствию всего народа. Государство становится необходимым народу, распавшемуся на собственников, для которых страх потерять нажитое превосходит опасность утери родственных, племенных связей. А многочисленные собственники возникают, когда население перестает быть однородной массой одних только воинов, и появляется город.

Для полноценного государства нужен город, населенный людьми десятков профессий, нужны окрестные села, ежедневно поставляющие продукты к столу горожан, нужны купцы и ремесленники, учителя и врачи, уборщики улиц и могильщики, городская стража и войско, нужны содержатели едален: столовых, ресторанов, трактиров, трапезных, кабаков и т. д. При этом должно пройти немало времени, чтобы вычленился и осознал свою силу господствующий класс, чтобы он сформулировал и закрепил свою волю в каких-то источниках права, сформировал государственный механизм.

Что в этом плане в Алании Восточной? Здесь уже есть город, есть крепости (источники указывают на взятие трех крепостей в стране аланов Мерваном бен Мухаммадом (это арабский халиф, правивший в Дамаске; годы жизни 688–750 гг.) в 735–736 годах [5, с. 567]. Аланы стали «народом писания», по терминологии Корана, т. е. присоединились к единобожцам в X веке, а западные аланы – еще в V веке! Разумеется, развивались ремесла (раскопки в Кобанском и Дигорском ущельях Осетии обнаружили там железоплавильные печи IV-I веков до н. э. [19]. До театра аланам было еще далеко, но сказители нартского эпоса уже продолжали дело, начатое Гомером в далекой Элладе. Но всего этого оказалось недостаточно для быстрого формирования государства.

Также недостаточной была слабая дифференцированность населения. Представление о том, что, когда дружина провозглашает своего военачальника князем, он начинает сам судить-рядить, его слуги регулярно собирают с населения дань, а народ представлен одними крестьянами и это уже государство является упрощенным. Такое состояние общества можно назвать протогосударством или предгосударством. Что-то подобное мы наблюдаем в IX–X веках в северо-западной Руси, в VII–X веке – в Хазарии, в VI–XIII веках – у алан. И что с того, что в Алании в середине X века уже был эксусиократор [5, с. 569], т. е. властодержец, признаваемый Византией самовластным другом империи? Красивый титул сам по себе не эквивалентен государству.

Итак, слабая классовая дифференцированность населения Алании была еще одним препятствием формирования государственного аппарата.

Взглянем теперь на проблему с другой стороны. Государство возникает также там, где *цивилизационный индекс* (используем такое понятие) достаточно высок. То есть народ умеет писать и считать, торговать и транспортировать товар, может строить и организованно воевать, знаком с механизмами, делающими труд высокопроизводительным. В обществе развивается искусство пения, танца, появляется театр,

возникают школы, развивается медицина и зарождается научная мысль. Античная история от Шумера, Аккада, Вавилона, Ниневии, Ассирии, Египта до Рима дает яркую иллюстрацию этого тезиса.

К сожалению, не была у алан в почете учеба и грамотность, во всяком случае об этом нет упоминания в устном народном творчестве. Но аланы, разумеется, не были чужды пению и танцу: свирель нарта Ацамаза именуется не иначе как «волшебная», а фæндыр (лира), подаренная Сырдоном нартам – почиталась за сокровище. Танцы же описаны во многих сказаниях и часто они воспринимались как вид состязания [14].

Кому-то может показаться этот показатель несущественным для появления государства, во всяком случае в учебниках по теории государства и права об этом не говорится. Но если мы вспомним, что при раскопках Римских Помпей, а это был совсем небольшой городишко, обнаружили целых два амфитеатра (т. е. их культурный уровень был таким, что одного им не хватало), и сравним их с единичными музыкальными инструментами наших предков, то становится понятным, что и в этом они «не дотягивали» до государственного уровня.

С третьей стороны, в психологическом плане необходимо, чтобы в обществе большинство людей умели подчинять и были готовы подчиняться. Для аланского социума вторая часть требования оказалась непреодолимой. Ценностная ориентация оставалась прежней: воинская доблесть определяет положение человека, а не имущественный статус [6].

Имущественные отношения, предположительно, не были развиты достаточно, торговля была непрестижным делом. В нартских сказаниях мы часто видим «добычу», «сокровища», но почти никогда «деньги». А без денег, как известно, имущественные отношения остаются в зачаточном состоянии и не нуждаются в государстве. Да и ремесло оставалось на уровне «для собственных нужд», товарное производство практически отсутствовало. Т. е. общественное мнение не было ориентировано ни на производительный труд, ни на

получение прибыли от торговли. Только в нескольких сказаниях упоминается обработка земли. Даже на современном осетинском флаге на первом (верхнем) месте – святость, дух, религия, на втором – воинская доблесть и лишь на третьем – труд и материальное изобилие (имеются в виду три цвета – белый, красный и желтый, как символы духовности, доблести и благосостояния). В тех условиях сельскохозяйственный труд был объективно непроизводителен, урожайность – низкая, посему нормальный свободный человек становился воином, а не землепашцем.

Нельзя сказать, что землепашество отсутствовало у алан вообще; в сказаниях о гибели нартов говорится о том, как они выходили из положения, когда неурожай подвел их к гибели. Вот и случилось так, что, когда нарты (читай: аланы) перешли с набеговой системы на земледельческую, случился голод, приведший к гибели общества.

Поведенческие стереотипы алан тоже отрицательно повлияли на процесс государствообразования. Если сравнить условно правовые воззрения наших предков и народов, создавших государство, то обнаружим заметные расхождения. Помощь нам здесь окажет замечательное сказание «Сослан в Стране мертвых» [20]. Подробно оно проанализировано в нашей статье «О правовых параллелях осетинского нартского эпоса» [15]. Здесь отметим лишь одно, но существенное расхождение, бросающееся в глаза: кража постыдна (не всегда преступна), а грабеж может считаться воинской доблестью (сказание «Безымянный сын Урызмага») [7], хотя присваивание чужого – это грех, наказываемый адскими муками. А в государственном обществе частная собственность всегда священна и ее похищение всегда преступно. Попутно заметим, что для нартов преступным было то, что ни при каких условиях не является таковым в государстве: скупость, нелюдность, нежелание трудиться.

Мы видим, таким образом, что отставание алан от других этносов, успешно сформировавших государства в раннем Средневековье и раньше, закономерно. Хотя, кто знает, появившись на свет группа пассионариев, осознающая полезность

государства для сохранения этноса, возможно, история покати́лась бы по другой колее. Но это, на наш взгляд, скорее могло произойти в V веке в Европе, где на развалинах Рима возникли варварские королевства, чем на Северном Кавказе, где возник единственно Хазарский каганат, да и то, усилиями иудейских торговцев и финансистов, всего-то на триста лет, которых оказалось недостаточно для ментального восприятия идеи государства основной массой туземного населения [11].

А, может, дело не только в пассионариях, а больше в связях с народами, давно живущими в условиях государства?

Действительно, венгры, пришедшие в Европу позднее аланов, имеющие язык, совершенно не похожий ни на латынь, ни на германский, ни на славянский, сумели во враждебном окружении создать государство еще до монгольского нашествия, и даже потерпев от последних ряд поражений, смогли восстановиться. Для аланов же поражения, нанесенные монголами, а через полтора века Тамерланом, оказались фатальными. Что сделало венгров столь резистентными? Полагаю, христианство, но не само по себе, а как плотная связь с папством, увидевшем в них надежных, перспективных католиков.

Напротив, адыги, имевшие значительную численность и достаточный ареал, противопоставили себя христианской России, оказались под влиянием мусульманской Порты, были быстро отсечены от нее территориально и даже не попытались создать государство. А обитатели Восточного Предкавказья в XIX веке организовали имамат (протогосударство), позволивший им длительное время эффективно противостоять напору России.

В заключении еще несколько слов о Нартах. Хотя в самом эпосе сказано, что нарты не оставили после себя потомства, а лишь добрую память о себе [10], т. е. осетины – не потомки нартов, но о связи нартского эпоса с историей предков осетин – алан написано достаточно много.

Вряд ли стоит пересказывать все уже описанные в литературе параллели между историей аланского этноса и осе-

тинскими нартскими сказаниями, о них достаточно писали В. И. Абаев [2; 3; 4], Ж. Дюмезиль [13], Т. Хейердал [21] и многие другие исследователи. Никаких подобных параллелей между реальной историей адыгов, абхазов и их нартским эпосом, насколько мне известно, в литературе не описано. Что до претензий вайнахов на аланское наследие, то в науке не описаны никакие их контакты с народами Евразии за пределами их сегодняшнего обитания, что, на мой взгляд, не хорошо и не плохо. Это историческая данность и ее следует воспринимать нейтрально положительно. Ведь никому не приходит в голову переживать из-за того, что, скажем, пророк Мухаммад был рожден в Аравии, говорил на арабском, а не на кабардинском или на аварском, а Иисус Христос был вовсе не итальянцем и не эллином. Здорово то, что у нас есть на кого равняться, ведь как герои эпоса кабардинские нарты ничем не уступают осетинским или ингушским, либо осетинские – абхазским. Плохо другое, а именно то, что мы, кавказцы, постепенно теряем свои языки, свою историческую память. Энергию стоит направить не на бесплодные споры, а на сбережение доставшегося нам наследия, его популяризацию среди молодежи.

Библиографический список

1. Абаев, В. И. Блеск и нищета золотого тиснения (по поводу книги : М. А. Кумахов, З. Ю.Кумахова. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М. 1985) / В. И. Абаев // Избранные труды ; в 4-х томах. – 2-е изд. – Владикавказ : Изд-во «Ир», 1990. – Т. 1. – 638 с. – Текст : непосредственный.
2. Абаев, В. И. Нартовский эпос осетин / В. И. Абаев // Избранные труды ; в 4 томах. – 2-е изд. – Владикавказ : Изд-во «Ир», 1990. – Т. 1. Религия, фольклор, литература. – 638 с. – Текст : непосредственный.
3. Абаев, В. И. Проблемы нартовского эпоса / В. И. Абаев // Избранные труды ; в 4 томах. – 2-е изд. – Владикавказ : Изд-во «Ир», 1990. – Т. 1. – 638 с. – Текст : непосредственный.
4. Абаев, В. И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартовского эпоса / В. И. Абаев // Избранные труды ;

в 4 томах. – 2-е изд. – Владикавказ : Изд-во «Ир», 1990. – Т. 1. – 638 с. – Текст : непосредственный.

5. Алемань, А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках / А. Алемань ; науч. ред. пер. К. К. Кочиев (главы 1–8, 10, 12–16), Д. Н. Медоев (главы 9, 11). – Москва : Изд-во «Менеджер», 2003. – 608 с. – Текст : непосредственный.

6. Батрадз и алдар : Нартовский эпос осетин. – URL: <https://ironau.ru/narty78-baldar.html> (дата обращения: 23.10.2025). – Текст : электронный.

7. Безымянный сын Урызмага : Нартовский эпос осетин. – URL: <https://ironau.ru/narty78-ananom.html> (дата обращения: 23.10.2025). – Текст : электронный.

8. Бернард, С. Бахрах Аланы на Западе (от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья) : монография / С. Бахрах Бернард. – Москва : Ард, 1993. – 191 с. – Текст : непосредственный.

9. Блиев, М. М. История Осетии : учебник для старших классов средней школы / М. М. Блиев, Р. С. Бзаров. – Владикавказ : Изд-во «Ир», 2000. – 351 с. – Текст : непосредственный.

10. Гибель Нартов : Нартовский эпос осетин. – URL: <https://ironau.ru/narty78-saft.html> (дата обращения: 26.10.2025). – Текст : электронный.

11. Гумилев, Л. Н. Открытие Хазарии / Л. Н. Гумилев. – Москва : Айрис Пресс; Рольф, 2001. – 416 с. – Текст : непосредственный.

12. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Санкт-Петербург : Издательский дом «Кристалл», 2001. – 495 с. – Текст : непосредственный.

13. Дюмезиль, Ж. Осетинский эпос и мифология / Ж. Дюмезиль. – Москва : Наука, 1976. – 276 с. – Текст : непосредственный.

14. Как Сослан женился на Ведухе : Нартовский эпос осетин. – URL: <https://ironau.ru/narty78-s-veduxa.html> (дата обращения: 25.10.2025). – Текст : электронный.

15. Миндзаев, М. А. О правовых параллелях осетинского Нартского эпоса / М. А. Миндзаев // Бюллетень Владикав-

казского института управления. – 2024. – № 68. – С. 14–28. – Текст : непосредственный.

16. Миндзаев, М. А. Становление государственности у алан (по книге Агусти Алеманя «Аланы в древних и средневековых письменных источниках») / М. А. Миндзаев // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2024. – № 69. – С. 180–214. – Текст : непосредственный.

17. Миндзаев, М. А. Становление государственности у алан (по книге Агусти Алеманя «Аланы в древних и средневековых письменных источниках») (часть 2) / М. А. Миндзаев // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2025. – № 70. – С. 124–146 – Текст : непосредственный.

18. Мост в ад : Нартовский эпос осетин. – URL: <https://www.nartosetia.ru/13-%D0%B4%D0%BD-%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%B8-%D1%85%D0%B5%D0%B4-2/> (дата обращения: 22.10.2025). – Текст : электронный.

19. Мошинский, А. П. Древности Горной Дигории VII–IV вв. до н. э. : систематизация и хронология : монография / А. П. Мошинский. – Москва : Государственный исторический музей, 2006. – 208 с. – Текст : непосредственный.

20. Сослан в стране мертвых : Нартовский эпос осетин. – URL: <https://www.nartosetia.ru/797-2/> (дата обращения: 23.10.2025). – Текст : электронный.

21. Хейердал, Т. В погоне за Одином : по следам нашего прошлого / Т. Хейердал, П. Лиллиестрем ; пер. с норвеж. С. Карпушиной и С. Хоркиной. – Москва : Менеджер, 2008. – 429 с. – Текст : непосредственный.

22. Чибиров, Л. А. Осетинская Нартиада : мифологические истоки и ареальные связи / Л. А. Чибиров. – Владикавказ : Изд-во «Ир», 2021. – 418 с. – Текст : непосредственный.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И СОХРАНЕНИЕ ПРИРОДНОГО БАЛАНСА В РЕГИОНАХ СЕВЕРО- КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА КАК ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ногаева Карина Аслановна,

*студент 3 курса направления подготовки 38.03.01 «Экономика»
(профиль «Финансы и кредит») Владикавказского филиала
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации, г. Владикавказ
E-mail: knogaeva@mail.ru*

Каллагов Борис Рамазанович,

*кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и
кредита Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: vizit-den@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу экологической устойчивости и сохранения природного баланса в Северо-Кавказском федеральном округе как ключевых факторов устойчивого социально-экономического развития региона. Рассматриваются природные, демографические и ресурсные особенности Северо-Кавказского федерального округа, его потенциал в сфере сельского хозяйства, рекреации и туризма, а также основные экологические риски, связанные с деградацией земель, загрязнением водных ресурсов и антропогенной нагрузкой на экосистемы. Особое внимание уделяется роли особо охраняемых природных территорий и современным государственным программам, реализуемым в регионе, включая программу «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» и проекты Единого института развития Кавказ.РФ. Авторы отмечают, что при грамотном сочетании экономического роста, инвестиционной политики и экологической ответственности Северо-Кавказский федеральный округ может стать примером устойчивого развития, обеспечивающего сохранение природного потенциала и повышение качества жизни населения.

Ключевые слова: экологическая устойчивость, устойчивое развитие, природный баланс, Северо-Кавказский федеральный округ, особо охраняемые природные территории, туризм, инвестиции, природные ресурсы, региональное развитие, биоразнообразие.

ENVIRONMENTAL SUSTAINABILITY AND PRESERVATION OF THE NATURAL BALANCE IN THE REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT AS FACTORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Nogaeva Karina Aslanovna,

the 3rd year student of 38.03.01 «Economics» (training programme «Finance and credit») at the Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz

Kallagov Boris Ramzanovich,

Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Banking and Finance Department at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz

Abstract: The article analyzes environmental sustainability and the preservation of natural balance in the North Caucasus Federal District as key factors of sustainable socio-economic development of the region. It examines the natural, demographic, and resource characteristics of the district, along with its potential in agriculture, recreation, and tourism as well as the main environmental risks associated with land degradation, water pollution, and anthropogenic pressure on ecosystems. Special attention is paid to the role of specially protected natural areas and contemporary state programs implemented in the region, including the “Development of the North Caucasus Federal District” program and projects carried out by the development institution Kavkaz.RF. The authors note that with a balanced combination of economic growth, investment policy, and environmental responsibility the North Caucasus Federal District can become a model of sustainable development, ensuring both preservation of natural resources and improvement of quality of life.

Keywords: environmental sustainability, sustainable development, natural balance, North Caucasus Federal District, protected areas, tourism, investments, natural resources, regional development, biodiversity.

Северо-Кавказский федеральный округ (далее – СКФО) – один из наиболее своеобразных и одновременно уязвимых регионов России [3]. Его природа – это заснеженные вершины Кавказского хребта, предгорья и равнины, многочисленные

реки, родники, минеральные и термальные источники. Общая площадь СКФО составляет около 170 400 км², а численность населения — около 10–10,2 млн человек, при соотношении городского и сельского населения примерно 50/50 [3].

Природно-климатические и демографические особенности формируют значительный потенциал региона – для курортного лечения, сельского хозяйства, туризма и рационального использования водных и минеральных ресурсов [2; 3]. Однако высокая чувствительность горных и предгорных экосистем делает регион уязвимым к антропогенному воздействию. В этих условиях экологическая устойчивость становится необходимым условием социально-экономического развития.

Природный потенциал СКФО заключается в разнообразии ресурсов. Данный округ представляет собой сложную природно-социальную систему, в которой сочетаются различные климатические зоны – от степей до высокогорья с альпийским климатом [3].

Регион обладает значительными водными ресурсами, включая реки, родники, минеральные и термальные источники, что создаёт основу для питьевого водоснабжения, сельского хозяйства и рекреационных услуг [5]. Земельные ресурсы (пашни, пастбища, лесные массивы) обеспечивают возможности развития аграрного сектора.

По данным аналитических материалов по устойчивому развитию регионов Российской Федерации, СКФО относится к числу федеральных округов с относительно умеренной антропогенной нагрузкой по ряду показателей [3]. Это создаёт предпосылки для формирования устойчивой модели развития при условии рационального природопользования.

Несмотря на высокий природный потенциал, регион сталкивается с рядом экологических угроз:

- загрязнение и ухудшение качества водных ресурсов;
- деградация земель, эрозионные процессы, оползни и селевые явления в горных зонах;
- рост антропогенной нагрузки на биоразнообразие и особо охраняемые природные территории [1; 5].

В докладах по экологическому состоянию субъектов СКФО подчёркивается, что сохранение водных и земельных ресурсов требует комплексной природоохранной политики и мониторинга [5].

В СКФО действует разветвлённая система особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) – заповедники, национальные парки, заказники и памятники природы [1].

ООПТ выполняют следующие функции:

- сохранение биоразнообразия, включая редкие и эндемичные виды Кавказа;
- поддержание экологического каркаса региона и устойчивости ландшафтов;
- развитие экологического туризма при соблюдении природоохранных норм;
- проведение научных исследований и экологического мониторинга [1; 4].

Согласно материалам по вопросам функционирования ООПТ Российской Федерации, такие территории являются ключевым элементом экологической безопасности страны [1].

Практическая реализация принципов устойчивого развития в регионе осуществляется через государственные программы и проекты развития СКФО.

Ключевым инструментом выступает государственная программа «Развитие Северо-Кавказского федерального округа», бюджет которой на 2025 год составляет около 13,8 млрд рублей. Программа направлена на развитие инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, транспортной системы, а также туристско-рекреационного комплекса [2].

В 2025–2027 гг. на развитие туристско-курортной и горнолыжной инфраструктуры предусмотрено около 12 млрд рублей [2; 4]. Проекты включают строительство канатных дорог, трасс и инженерных сооружений.

Значимую роль играет деятельность института развития Кавказ.РФ, реализующего проекты по формированию туристско-рекреационных зон и развитию устойчивого туризма [4].

Согласно данным инвестиционной статистики, в 2025 году объём инвестиций в основной капитал СКФО увеличился на 16,3% по сравнению с предыдущим годом, что создаёт возможности для модернизации инфраструктуры и внедрения экологически ориентированных решений [3].

Комплексное сочетание модернизации инфраструктуры, инвестиционной активности и экологической ответственности позволяет сформировать устойчивую модель развития региона [3].

Такой подход способствует:

- развитию устойчивого сельского хозяйства;
- формированию экологичного туризма;
- сохранению биоразнообразия и природных ресурсов;
- повышению качества жизни населения;
- росту инвестиционной привлекательности региона [1].

Стратегия интеграции природоохранных и экономических задач соответствует положениям Стратегии устойчивого развития регионов Российской Федерации [3].

Таким образом, Северо-Кавказский федеральный округ обладает значительным природным, социальным и экономическим потенциалом. Его природные ресурсы могут стать основой устойчивого развития, однако только при условии соблюдения баланса между экономическим ростом и экологической ответственностью.

Действующие государственные программы, инвестиционные проекты и развитие туристской инфраструктуры создают реальные предпосылки для гармоничного развития региона [2; 3; 4]. Экологическая устойчивость выступает стратегическим фактором, определяющим долгосрочное благополучие СКФО.

Библиографический список

1. Федеральный закон Российской Федерации от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (ред. действующая). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения: 06.02.2025). – Текст : электронный.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 309 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» (ред. от 01 декабря 2025 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162127/ (дата обращения: 06.02.2026). – Текст : электронный.

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 30 сентября 2022 г.). – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html> (дата обращения: 06.02.2025). – Текст : электронный.

4. Кавказ.РФ : официальный сайт института развития Северо-Кавказского федерального округа. – Москва, 2014. – URL: <https://кавказ.рф> (дата обращения: 28.01.2026).

5. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году : государственный доклад. – Москва : Минприроды России ; ФГБУ «ВНИИ Экология», 2025. – 721 с. – Текст : непосредственный.

КРЕПКАЯ СЕМЬЯ КАК ТРАДИЦИОННАЯ НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

Погосова Каринэ Львовна,

*старший преподаватель кафедры общественных наук, директор
библиотеки Горского государственного аграрного университета,
г. Владикавказ*

E-mail: pogosova.cari@yandex.ru

Наниев Нодар Роландович,

*студент 1 курса направления подготовки 35.03.04 «Агрономия»
(профиль «Селекция и генетика сельскохозяйственных культур»)
Горского государственного аграрного университета, г. Владикавказ*

E-mail: pogosova.cari@yandex.ru

Дзгоева Эрэна Эльбрусовна,

*студент 1 курса направления подготовки 35.03.05 «Садоводство»
(профиль «Селекция и генетика садовых культур») Горского
государственного аграрного университета, г. Владикавказ*

E-mail: pogosova.cari@yandex.ru

Аннотация: В данной статье рассмотрены теоретико-правовые основы закрепления крепкой семьи как одной из фундаментальных традиционных для российской государственности духовно-нравственных ценностей. Особое внимание уделяется опыту преподавания первого мировоззренческого курса в высшем образовании – «Основы российской государственности». Кроме того, проанализированы ключевые направления государственной политики по сохранению и укреплению института семьи.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, семейные ценности, крепкая семья.

A STRONG FAMILY AS A TRADITIONAL MORAL VALUE IN THE CONTEXT OF TEACHING THE DISCIPLINE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD»

Pogosova Karine Lvovna,

*Senior Lecturer at the Department of Social Sciences, Director of the Library
at the Mountain State Agrarian University, Vladikavkaz*

Naniev Nodar Rolandovich,

the 1st year student of 35.03.04 «Agronomy» (training programme «Breeding and Genetics of Agricultural Crops») at the Mountain State Agrarian University, Vladikavkaz

Dzgoeva Erena Elbrusovna,

the 1st year student of 35.03.05 «Gardening» (training programme «Breeding and Genetics of Garden Crops») at the Mountain State Agrarian University, Vladikavkaz

Abstract: The article examines the theoretical and legal foundations of establishing a strong family as one of the fundamental traditional Russian spiritual and moral values. Special attention is paid to the experience of teaching the first worldview course in higher education – «Fundamentals of Russian Statehood». In addition, the key directions of the state policy for the preservation and strengthening of the institution of the family are analyzed.

Keywords: traditional Russian spiritual and moral values, family values, strong family.

Вопросы сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей, безусловно, являются очень значимыми для российской государственности, отражают ее самобытность, передаются из поколения в поколение и приобретают в последнее время конкретное нормативное закрепление.

Тот факт, что в рамках изучения вузовской дисциплины «Основы российской государственности» студенческое сообщество имеет возможность больше узнать о традиционных для России нравственных ориентирах, способствует воспитанию цельной гармонично развитой и социально ответственной личности.

Первичным институтом воспитания, конечно же, является семья. Она выступает значимой конституционной ценностью [14, с. 231]. Ценностно-мировоззренческий ряд семьи неразрывно связан с теологическим контекстом, поскольку традиционные религии России сыграли значительную роль в формировании представлений о браке, родительстве и родстве. Человек с его мировоззренческим горизонтом воспро-

изводится именно в семье, а кризис семьи разрушительно влияет на всю социальную структуру общества.

В контексте преподавания курса «Основы российской государственности» (далее – ОРГ) следует уделять достаточное внимание социальной значимости института семьи, так как первоначально именно семья доминирует в процессе социализации и становлении личности. В 21 веке, с учетом современных реалий, при наличии различных вызовов и угроз, институт семьи для большинства населения России обладает мощной объединяющей силой и занимает высокие позиции [9, с. 472].

Семья действительно важнейший элемент социального строительства. Неоднократно в своих выступлениях глава российского государства В. В. Путин подчеркивает фундаментальную роль семьи для многонациональной России. «Россия – это действительно огромная семья, можно сказать, семья семей. Ведь здесь столетиями в мире и согласии живут люди разных национальностей, а многообразие их культур, языков, обычаев не разделяет, нет, а напротив, объединяет Россию. Потому что у нас общие ценности большой дружной семьи» [12].

Нельзя не согласиться с мнением коллектива авторов фундаментального научного исследования о традиционных ценностях касаясь того, что ценностный потенциал института крепкой семьи охватывает и иные компоненты, весьма важные и взаимосвязанные. Речь идет о преемственности поколений, уважении к старшим, продолжении рода и тем самым увеличении численности населения российских граждан [7, с. 112].

Отметим, что и в нашей стране встречаются случаи отложенного деторождения, нейтрального отношения к альтернативным формам партнерства (сожителству), а также восприятию родительства как «дорогостоящего проекта», требующего значительных ресурсов. Данные тенденции не означают отказа от ценности семьи как таковой, но демонстрируют ее адаптацию к реалиям постиндустриального общества.

Конституционная реформа 2020 года усилила обеспечительные механизмы защиты института семьи, материнства, отцовства и детства [13, с. 255]. Так, в п. 4 ст. 67. 1 Конституции Российской Федерации регламентировано, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. Кроме того, положения п. Ж ст. 72 предписывают, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся защита семьи, материнства, отцовства и детства [1].

В Семейном кодексе Российской Федерации в п. 3 ст. 1 установлено, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии [2].

В этой связи мы в полной мере разделяем позицию авторов одного из пособий по дисциплине «Основы российской государственности» докторов исторических наук В. Э. Багдасарян и Ю. Ю. Иерусалимского: «Иных семей быть не может, легализованные на Западе «однополые семьи» с позиции традиционных ценностей семьями не являются. Современные тенденции представляют собой в этом отношении ярчайший признак цивилизационного кризиса. Могут, конечно, возразить, что и в природе бывают девиации. Есть люди, рождающиеся с отклонениями» [6, с. 65]. Однако важно уточнять, что ориентиром для массовой пропаганды не могут быть подобные девиации. В ходе преподавания курса ОРГ у преподавательского сообщества есть возможность акцентировать на этом внимание и укреплять истинные ориентиры среди студенчества.

Положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации подчеркивают, что одним из приоритетных аспектов демографической политики российского государства выступает институт крепкой семьи в качестве традиционной ценности [3]. При этом задача государства предполагает реализацию мер по сохранению и поддержке данного особо значимого для стабильности страны института.

Анализируя в контексте настоящего исследования роль крепкой традиционной семьи в развитии российской государственности, принципиально важным документом являются Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [4]. Традиционными ценностями являются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России. И среди таковых обозначена крепкая семья.

Согласно Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации, данное направление представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, улучшение условий и повышение качества жизни семей [5].

Исследуя концептуальные основы русской семьи, выделим такие ценности, как вера, духовная связь, незыблемость брачных уз, родительская любовь, долг по отношению к старшему поколению, материнство, отцовство, терпение, послушание, доверие, трудолюбие и верность. Именно эти смыслы составляют ядро того, что мы называем «крепкой семьей». Семейные традиции выступают механизмом трансляции этих ценностей. Они могут быть светскими, профессиональными, национальными или сугубо индивидуальными, но их главная функция – обеспечение связи поколений и сохранение культурной индивидуальности. Исследования показывают, что большинство молодых людей осознают особую роль семейных традиций в нравственном воспитании.

Неподдельный интерес у студентов вызывает тенденция, сложившаяся за последние годы и направленная на стимулирование студенческих семей. Помимо этого, особо подчеркивается ценность многодетности и прочного брачного союза. Отрадно заметить, что в этой связи было возрождено звание «Мать-героиня» (высшая государственная награда для женщин, родивших и воспитавших 10 и более детей, граждан Российской Федерации) [8; 10].

Весьма важно, реализуя вузовский курс по основам российской государственности, доносить до студентов информацию (с учетом современных реалий) касаясь того, каким образом государство реализует политику по сохранению и укреплению института семьи. При этом среди мер поддержки необходимо конкретизировать:

1) социально-экономические меры (внедрение различных механизмов, целью которых является стимулирование рождаемости, увеличение благосостояния российских семей с расширением федерального и регионального компонента материальной поддержки, послабление в налоговом законодательстве в отношении многодетных семей;

2) меры идеологического содержания (в данном случае студентам следует аргументированно иллюстрировать государственную политику в аспекте усиления значимости традиционной крепкой семьи, в которой родители передают свой положительный опыт и знания детям, тем самым сохраняется преемственность поколений). При этом, укрепляя традиции бережного отношения к членам семьи, домашнему очагу, мы прививаем любовь к своему отечеству и заинтересованность в его поступательном развитии с сохранением сложившихся в стране духовно-нравственных ориентиров.

Безусловно, в процессе преподавания междисциплинарного курса «Основы российской государственности» наибольший отклик у студенческой аудитории получает информация, которая отражает конкретные практические результаты многоаспектной государственной политики по сохранению и укреплению института традиционной крепкой семьи [11]. В этой связи отметим важность Федерального

проекта «Крепкая семья» в России (2006–2026 гг.), который направлен на поддержку института семьи, материнства и детства, пропаганду традиционных ценностей и увеличение числа многодетных семей. Среди основных достижений следует выделить: проведение Года семьи (2024), развитие сети семейных многофункциональных центров, ремонт женских консультаций и внедрение программ «Школа грамотного родителя».

Крепкая семья как традиционная ценность представляет собой сложный и многогранный феномен, занимающий центральное место в системе духовно-нравственных координат российского общества. Ее нормативное закрепление на уровне государственной политики отражает запрос на сохранение цивилизационной идентичности. Однако анализ современных социологических данных свидетельствует о неизбежной трансформации семейно-брачных отношений. Сохранение традиционного ядра (верность, взаимопомощь, уважение к старшим, детоцентризм) происходит параллельно с адаптацией внешних форм семейной жизни к социально-экономическим реалиям.

Дальнейшее укрепление института семьи видится на пути диалога традиции и современности, где государственная поддержка сочетается с гибкостью социальной политики, учитывающей реальные запросы и ценности молодого поколения, а ресурс традиционных религиозных и общественных институтов используется для воспитания ответственного отношения к созданию семьи.

В результате проведенного исследования можно с уверенностью утверждать, что включение традиционных для России ценностей (в данном случае ценности крепкой семьи) видится вполне оправданным. Необходим комплексный подход к сохранению и укреплению института семьи, сочетающего государственную поддержку с адаптацией традиционных ценностей к реалиям современности. Берем смелость утверждать, что во все пять разделов междисциплинарного курса «Основы российской государственности» традиционные ценности должны быть уместно интегрирова-

ны (как в лекционный материал, так и в рамки практических занятий).

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.01.2026). – Текст : электронный.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ, принятый Государственной Думой 08 декабря 1995 г. (ред. от 23 ноября 2024 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 19.01.2026). – Текст : электронный.

3. Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 06.02.2026). – Текст : электронный.

4. Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <https://base.garant.ru/405679061/> (дата обращения: 06.02.2026). – Текст : электронный.

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <https://base.garant.ru/70727660/> (дата обращения: 06.02.2026). – Текст : электронный.

6. Багдасарян, В. Э. Ценности российской цивилизации : методическое пособие для вузов / В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский. – Ярославль : ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2023. – 80 с. – Текст : непосредственный.

7. Багдасарян, В. Э. Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России : монография / В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский ; науч. ред. С. Н. Рябухин. – Ярославль : Изд-во «Шукаева и семья», 2024. – 296 с. – Текст : непосредственный.

8. Гогаева, А. Л. Крепкая семья как традиционная Российская духовно-нравственная ценность : конституционно-правовой аспект / А. Л. Гогаева // Цифровизация сельского хозяйства : актуальные проблемы внедрения современных технологий в АПК горных и предгорных территорий РСО-Алания : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Владикавказ, 15 марта 2024 г.). – Владикавказ : Горский государственный аграрный университет, 2024. – С. 301–304. – Текст : непосредственный.

9. Краюшина, Ю. Р. Семья и её место в системе ценностей россиян: социологический анализ / Ю. Р. Краюшина // Глобальные социальные процессы 6.0 : социальные коммуникации и устойчивое экономическое развитие : сборник статей Шестой социологической конференции молодых ученых (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета и 35-летию социологического образования в СПбГУ) (г. Санкт-Петербург, 20 декабря 2024 г.). – Санкт-Петербург : ООО «Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. – С. 467–472. – Текст : непосредственный.

10. Марасанова, В. М. Основы российской государственности : учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – 212 с. – Текст : непосредственный.

11. Погосова, К. Л. Библиотечная деятельность и курс «Основы российской государственности» в формировании у студентов традиционных российских ценностей (на примере ФГБОУ ВО Горский ГАУ) / К. Л. Погосова // Материалы международной научно-практической конференции, посвящен-

ной 65-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Осетия – Алания и Республики Южная Осетия, д-ра с.-х. наук, проф. С. С. Басиева (г. Владикавказ, 12 декабря 2024 г.). – Владикавказ : Горский государственный аграрный университет, 2024. – С. 169–172. – Текст : непосредственный.

12. Путин назвал Россию огромной семьей с общими ценностями, которые делают ее сильной : сайт ведущего государственного информационного агентства России. – Москва, 1999. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19796587> (дата обращения: 05.02.2026). – Текст : электронный.

13. Рыбакова, О. С. Конституционное обеспечение защиты семьи и традиционных семейных ценностей российского общества / О. С. Рыбакова // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 255–269. – Текст : непосредственный.

14. Шашкова, Я. А. Конституционное закрепление семьи как духовно-нравственной ценности российского общества / Я. А. Шашкова, Н. В. Дородонова // Приоритеты конституционного развития России и стран Содружества Независимых Государств : сборник научных трудов, к 30-летию Конституции Российской Федерации. – Москва : Изд-во «Саратовский источник», 2023. – С. 231–235. – Текст : непосредственный.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

Рубаев Дмитрий Русланович,

*студент 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция»
(профиль «Публичное право») Московского государственного
юридического университета им. О. Е. Кутафина, г. Москва
E-mail: dima.rubayev@bk.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменений использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, анализируются преимущества и риски их внедрения, а также вопросы совершенствования их применения.

Ключевые слова: цифровые технологии, риски, преимущества, уголовное судопроизводство, электронный документ, искусственный интеллект, видео-конференц-связь.

DIGITAL TECHNOLOGIES AND CRIMINAL PROCEDURE: ADVANTAGES AND RISKS

Rubaev Dmitry Ruslanovich,

*the 3rd year student of 40.03.01 «Law» (training programme «Public law»
at the O. E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow*

Abstract: The article examines the issues of introducing amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the use of digital technologies in criminal proceedings, analyzes the advantages and risks of their implementation, as well as questions of improving their application.

Keywords: digital technologies, risks, advantages, criminal proceedings, electronic document, artificial intelligence, video conferencing.

В современных условиях цифровой реальности нарастает объем внедрения цифровых технологий, позволяющих создавать, хранить, обрабатывать и распространять данные в электронном виде с помощью компьютеров, электронных устройств.

Цифровизация помогает существенно увеличить объем информации, предоставляет к ней доступ, осуществляет мгновенный обмен информацией между людьми, предоставляет удобный формат ее получения.

Уголовный процесс менее других видов судопроизводства расположен к информационной модернизации. Под уголовным судопроизводством мы понимаем деятельность уполномоченных лиц, урегулированную уголовно-процессуальным законодательством и связанную с раскрытием, расследованием преступлений и рассмотрением дел в суде, а также систему правоотношений, в которые вступают уполномоченные субъекты друг с другом и другими субъектами, вовлекаемыми в производство по уголовному делу.

Следует отметить, что это сравнительно новая сфера исследования, вплоть до недавнего времени лишь немногие исследователи занимались этой сферой, ее проблематикой.

По справедливому утверждению А. В. Шушеначева, «определенный прогресс в процессе цифровизации уголовного законодательства и ее легализации в Российской Федерации связан с введением:

- системы ГАС «Правосудие»;
- техники видеонаблюдения;
- практики организации видеоконференций для получения показаний в процессе разбирательства в судах различных инстанций, а также с применением СМС-повесток в ходе процессуальных действий, вменением в обязанность потерпевшему сведений по адресу электронной почты [8, с. 218–219].

Практика внедрения цифровых технологий усилилась в период 2014–2016 гг. Шагом в процессе легализации электронного документооборота в уголовном процессе являются введение в 2016 году понятия «электронный документ» и регламентация его применения.

Процесс цифровизации уголовных судов начался с 2017 года, появилась норма Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регулируются порядок использования цифровых документов в 2021 году, а

затем – статья об особенностях проведения допроса, очной ставки и иных следственных действий посредством видеоконференц-связи. В 2023 году в статью 222 УПК РФ внесено дополнение, позволяющее вручать копию обвинительного заключения в форме электронного документа на техническом устройстве для чтения электронных книг [1].

Цифровизации уголовного законодательства способствовала и реализуемая Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы [3].

Возрос уровень надежности сети Интернет, расширились возможности обеспечения гласности судебных разбирательств, упростилась процедура доступа к правосудию и для лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Активнее стали внедряться в уголовное законодательство такие цифровые технологии, как фото, видео-, аудио-материалы; расширились возможности осуществления взаимодействия между различными службами и органами; созданы электронные базы, необходимые в расследовании преступлений; имеется возможность использовать справочно-правовую систему (например, СПС «Консультант Плюс», «Гарант», «Право.ру» и др.), обращаться к судебной практике (ГАС «Правосудие»), проводить видеоконференц-связь в судебных инстанциях, являющуюся в настоящее время ведущей технологией дистанционного участия, позволяющую обеспечивать права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что Т. Ю. Вилкова и др., давая оценку применению цифровых технологий, предлагают активно использовать систему видеоконференц-связи в отношении всех защитников, в том числе имеющих статус адвоката. По ее мнению, необходимо распространять возможность дистанционных свиданий защитника и находящегося на сроке [4].

Представляет интерес исследование Е. Ю. Мироновой, которая посредством анкетирования выявила отношение граждан, представителей судебных и правоохранительных органов и адвокатского сообщества к цифровым преобразованиям сферы уголовного судопроизводства. Анализ

результатов опроса свидетельствует о схожести мнений гражданского и профессионального сообществ к рискам, которые несет в себе цифровизация (отмечаются риски технические):

- обращения в правоохранительные органы посредством электронных сервисов не пользуются популярностью (традиционный способ обращения наиболее предпочтителен);

- неудовлетворительно оценивается и доступность информации по уголовному делу, поддерживается традиционный формат уголовного дела на бумажном носителе (при наличии электронного дубликата);

- высказывается положительное отношение к созданию электронного сервиса относительно цифровизации стадии возбуждения уголовного дела (внедрение цифровых технологий на досудебной стадии);

- удобными способами оповещения респондентами называются телефонная связь, электронная почта, СМС, мессенджеры, неудобными – почтовая связь, курьерная доставка, социальные сети, портал Госуслуги;

- большинство участников опроса сошлись во мнении о вспомогательном характере применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в уголовном судопроизводстве [7].

В уголовном судопроизводстве человек может быть привлечен к самой строгой форме ответственности – уголовно-юридической.

С последним утверждением нельзя не согласиться: цифровые технологии никогда не заменят вдумчивого, принципиального следователя, который, изучив материалы уголовного дела, применяет закон, совесть, справедливость и милосердие.

При использовании ИИ не учитывается человеческая составляющая, ИИ на современном этапе развития не имеет эмоциональной компетентности, поэтому не способен принимать взвешенные решения. Есть опасность человеческой ошибки, некорректной алгоритмизации, субъективизма на уровне сбора данных. «Оценка доказательств в уголовном процессе далеко не всегда может быть алгоритмизуема.

Кроме того, состязательность сторон при недостаточности и неоднозначности имеющейся в распоряжении суда информации не дает возможность задействовать ИИ в решении такого рода задач» [8, с. 223].

Компьютерные технологии, как справедливо отмечает Э. Ф. Лугинец, не смогут стать законным и полноценным доказательствами по уголовному делу, ориентирами для правоприменителя [6, с. 389]. Машина действует на принципах упрощения, формализации, дает однозначный вариант решения, что может приводить к судебным и следственным ошибкам, несправедливости разрешения дела, нарушения прав человека. Любая внедренная технология должна быть использована под контролем человека.

Следует учитывать и возможность риска и потери электронных доказательств, а также установления процедуры безопасного изъятия и сбора электронных доказательств [5, с. 94]. Это связано с отсутствием надежных систем защиты данных для предотвращения фальсификации документов и несанкционированного доступа к личным данным.

Таким образом, цифровые технологии, ставшие в настоящее время новыми процессуальными средствами, вводятся в уголовное судопроизводство поэтапно, расширяются пределы и способы их применения. Они используются при производстве отдельных уголовно-процессуальных действий и принятии процессуальных решений как в судебных, так и досудебных стадиях.

К несомненным преимуществам цифровизации уголовного законодательства относятся:

1) сокращение расходов, связанных с бумажной работой, экономия финансовых средств, возможность более эффективно обрабатывать большие объемы данных, разгрузка переполненных бумажных архивов, упрощение работы сотрудников правоохранительных органов;

2) возможность более оперативного принятия решений посредством электронного обмена;

3) предотвращение влияния субъективного фактора, обеспечение прозрачности судебных процессов;

4) улучшение доступности, отсутствие необходимости физического присутствия;

5) обеспечение сохранности информации, неприкосновенности юридически значимых документов.

Несмотря на отмеченные выше положительные аспекты цифровой трансформации, следует отметить, что все более нарастающее внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство связано не только с преимуществами, но и с определенными рисками, которые недостаточно изучены:

– высока цена ошибки, что может привести к незаконному ограничению прав и свобод человека;

– оставляет желать лучшего безопасность данных (необходимы информационная безопасность и сохранение данных, нарушение цифровых прав граждан, незаконное распространение персональных данных, вторжение в частную жизнь, манипуляции информацией и коммуникациями);

– может быть нарушена непрерывность работы из-за нестабильности цифровых систем;

– необходимы повышение цифровой грамотности и подготовка участников процесса (правовые вопросы не всегда можно решить, доказательства требуют доработки), имеется недостаток квалифицированного персонала;

– затруднено соблюдение принципа непосредственности и устности судебного разбирательства в дистанционном формате, использование системы видеоконференции может ограничивать возможности суда по непосредственному восприятию показаний участников процесса.

Следует иметь в виду, что цифровой процесс совершенствует и инструменты для совершения преступлений, необходима модернизация уголовного права в целях его адаптации к новому цифровому миру, когда цифровой способ совершения преступлений станет таким же традиционным явлением, как и физический.

При этом важно противодействовать преступлениям, совершенным с использованием цифровых технологий, регламентируя уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации (статьи 274.3–274.5

УК РФ). Отсутствует единая цифровая платформа и совместимость с программным обеспечением технического сбоя, неравномерность цифрового развития регионов и финансирования.

Внедрение цифровых технологий в уголовное законодательство требует наличия технической инфраструктуры единой информационной системы для хранения материалов уголовных дел и личных дел лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения.

К одним из самых высоких рисков цифровизации ученые справедливо относят отсутствие плановости, системности. Сначала в любой области необходимо выстроить процессы и только потом понимать, какие будут цифровизироваться, а какие нет.

В столь значимой сфере, как уголовно-правовое регулирование, внедрение цифровых технологий не должно носить нерегулируемый и безграничный характер. Необходимы дифференцированный подход к их использованию в различных видах судопроизводства, с использованием традиционных процессуальных средств, переводить на цифровую технологию не уголовный процесс, а его составляющие (например, компьютер как вспомогательное средство и т. д.).

Необходима единая система, позволяющая осуществлять правосудие в электронной форме на всех его стадиях. Не впадая в крайности, важно иметь в виду опыт использования цифровых технологий (в том числе и зарубежный, недостаточно осмысленный и освоенный российском законодательством), проводить анализ сложившейся практики применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, активно внедрять полученный опыт в сфере уголовного судопроизводства, например, в пилотном режиме провести эксперимент по рассмотрению определенных категорий дел в формате видеоконференций.

Как отмечалось выше, оценивать технологии необходимо с позиций прав человека, вовлеченного в уголовный процесс, именно поэтому важно выработать принципы и границы применения ИИ. Рассматривая возможности осуществ-

вления ИИ и человеческого усмотрения в процессе принятия решений о квалификации преступлений.

К основным законодательным изменениям последних десятилетий относятся:

1) введение электронного документооборота в судебное и досудебное производство;

2) использование видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства;

3) установление возможности вручения обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления;

4) внесение изменений и введение новых направлений статей в УК РФ за преступления в сфере компьютерной информации.

Таким образом, в настоящее время, когда человечество переживает беспрецедентную по своему масштабу и глубине информационную революцию, внедрение цифровых технологий в уголовное законодательство – многоаспектный процесс, который затрагивает правовые, технические, организационные и социальные аспекты.

Применение ИИ в уголовном законодательстве сопряжено и с рядом этических и правовых проблем. Связанные с цифровой трансформацией риски требуют осмысления и научно-практического решения, поскольку цифровизация открывает новые возможности для повышения эффективности расследования и рассмотрения уголовных дел, оптимизации работы правоохранительных органов и судов, обеспечения доступа к правосудию.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 ноября 2024 г.), принятый Государственной Думой 24 мая 1996 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.02.2026). – Текст : электронный.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, принятый Государствен-

ной Думой 22 ноября 2001 г. (ред. от 31 июля 2025 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 14.02.2026). – Текст : электронный.

3. Указ Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 06.05.2025). – Текст : электронный.

4. Вилкова, Т. Ю. Перспективы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства / Т. Ю. Вилкова, Т. Ю. Максимова, А. А. Ничипоренко // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 12 (169). – С. 132–141. – Текст : непосредственный.

5. Воскобитова, Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л. А. Воскобитова // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 5 (150). – С. 91–104. – Текст : непосредственный.

6. Лугинец, Э. Ф. Влияние процесса цифровизации на уголовное судопроизводство России / Э. Ф. Лугинец // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Москва, 21 мая 2021 г.) / Под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. – Москва : Изд-во Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 386–391. – Текст : непосредственный.

7. Миронова, Е. Ю. Современное состояние, тенденции и перспективы цифровизации уголовного судопроизводства через призму общественного мнения / Е. Ю. Миронова // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18. – № 4. – С. 421–438. – Текст : непосредственный.

8. Шушеначев, А. В. Цифровые технологии в уголовном процессе : проблемы и риски / А. В. Шушеначев // Вестник Российской правовой академии. – 2024. – № 1. – С. 214–229. – Текст : непосредственный.

ВОПРОСЫ ПРАВА ПОСТОЯННОГО (БЕССРОЧНОГО) ПОЛЬЗОВАНИЯ И ПОЖИЗНЕННО НАСЛЕДУЕМОГО ВЛАДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ

Сатцаев Арсен Альбертович,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01
«Юриспруденция» (профиль «Гражданское право») Северо-Осетинского
государственного университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: ma.dzhioev@nosu.ru*

Джигоев Максим Артурович,

*старший преподаватель кафедры публично-правовых дисциплин
юридического факультета Северо-Осетинского государственного
университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: ma.dzhioev@nosu.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются изменения и дополнения, внесенные в федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171 в право постоянного (бессрочного) пользования и пожизненно наследуемого владения, а также субъекты, которым в настоящее время предоставляются земельные участки на праве постоянного (бессрочного) пользования. Анализируется ряд изменений в ст. 35 Земельного кодекса Российской Федерации, касающиеся невозможности отчуждения земельного участка отдельно от находящихся на нем построек (недвижимости).

Ключевые слова: право постоянного (бессрочного) пользования, пожизненно наследуемого владения, вещные права на землю, право собственности на земельные участки, безвозмездный характер, право государственной и муниципальной собственности на землю.

ISSUES OF THE RIGHT OF PERMANENT (UNLIMITED) USE AND LIFELONG INHERITABLE POSSESSION IN THE SYSTEM OF PROPERTY RIGHTS

Satsaev Arsen Albertovich,

the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme «Civil Law») at the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz

Dzhioev Maxim Arturovich,

Senior Lecturer of the Department of Public Law Disciplines at the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz

Abstract: The article examines the amendments and additions introduced by Federal Law № 171 of June 23, 2014, to the right of permanent (unlimited) use and lifelong inheritable possession, as well as the entities currently granted land plots on a permanent (unlimited) basis. It also analyzes a number of amendments to Article 35 of the Land Code of the Russian Federation regarding the impossibility of alienating a land plot separately from the buildings (real estate) located on it.

Keywords: rights of permanent (unlimited) use, lifelong inheritable possession, property rights to land, ownership of land plots, gratuitous nature, right of state and municipal ownership of land.

Право постоянного (бессрочного) пользования и право пожизненно наследуемого владения занимают в системе вещных прав особое место, поскольку принадлежат к числу ограниченных вещных прав на чужую недвижимую вещь, но по своему содержанию и историческому назначению заметно отличаются как от права собственности, так и от сервитута. В этом состоит их теоретическая проблема: каждое из указанных прав предполагает длительное, устойчивое и непосредственное господство над земельным участком, однако не совпадает с полнотою правомочий собственника и не может быть сведено к обычной обязательственной связи. Поэтому вопрос о месте этих титулов в системе вещных прав неизбежно связан с проблемой их современного назначения в российском земельном и гражданском праве [1; 2].

В научной литературе, посвященной развитию земельных правомочий после признания частной собственности на землю, устойчиво проводится мысль о переходном характере рассматриваемых институтов. Это особенно заметно в отношении права пожизненно наследуемого владения, которое было призвано обеспечить гражданину прочную связь с земельным участком в условиях, когда передача земли в частную собственность либо не допускалась, либо ограничивалась. Тем не менее само существование переходного

титула еще не означает его ненужности: в правопорядке он продолжает служить формой юридической преемственности, а потому не может быть устранен без учета сложившихся имущественных отношений и судебной практики.

В статье З. И. Яшкиной отмечено, что землевладелец и землепользователь по объему фактического господства над участком во многом сближаются, поскольку оба могут владеть и пользоваться землей по ее целевому назначению, возводить на ней здания и сооружения и передавать возникшие правомочия в установленных законом пределах; различие же между ними, «не беря во внимание право передавать участок по наследству», нередко оказывается минимальным, особенно когда на участке уже создан объект недвижимости [7]. Из этого наблюдения вытекает важный вывод: разграничение двух титулов должно строиться не на бытовом восприятии сходных возможностей пользователя и владельца, а на точном определении юридической судьбы участка, прежде всего, в части наследования, распоряжения и переоформления права.

С точки зрения классической конструкции вещного права право постоянного (бессрочного) пользования представляет собою правомочие бессрочного и, как правило, безвозмездного пользования чужим земельным участком, находящимся в государственной или муниципальной собственности, тогда как право пожизненно наследуемого владения сочетает владение и пользование с возможностью перехода соответствующего титула по наследству. Уже это различие показывает, что второе право в большей мере ориентировано на личную и семейную хозяйственную связь гражданина с землей, а первое — на обеспечение стабильной деятельности публичных образований и учреждений. Не случайно Земельный кодекс Российской Федерации связывает бессрочное пользование преимущественно с государственными и муниципальными учреждениями, федеральными казенными предприятиями, органами государственной власти и местного самоуправления [2].

В этом отношении заслуживает внимания позиция И. А. Иконицкой, приведенная в исследовании З. И. Яшки-

ной, согласно которой следует «ограничить применение этого права и закрепить в федеральном законе правило о том, что на праве пожизненного наследуемого владения земельные участки передаются гражданам в тех случаях, если правовыми актами субъектов Федерации земельные участки для определенных видов деятельности в собственность не предоставляются» [4, с. 112]. Эта мысль представляется нам убедительной, поскольку она не требует немедленного упразднения института, но возвращает ему исключительный, а не общий характер. Иными словами, право пожизненно наследуемого владения должно существовать не как скрытая альтернатива собственности, а как специальный титул для тех случаев, когда законодатель сознательно не допускает передачи земли в частную собственность.

Сходная логика применима и к праву постоянного (бессрочного) пользования. По своей природе оно ближе к публично-правовому режиму закрепления земли за организациями, исполняющими государственные либо муниципальные функции, чем к частноправовой модели свободного оборота недвижимости. Когда соответствующий участок находится у учреждения, казенного предприятия или органа публичной власти, бессрочное пользование действительно выполняет функцию организационного обеспечения постоянной деятельности. Когда же такой титул сохраняется за иными субъектами, особенно в течение длительного времени без переоформления в собственность или аренду, он начинает порождать неопределенность и осложняет оборот земельных участков.

Эта неопределенность проявляется прежде всего в вопросе о распоряжении землей. Гражданское законодательство традиционно исходит из того, что ни землепользователь, ни землевладелец не располагают правом полного распоряжения участком, поскольку собственником остается публичное образование. Однако в пределах, прямо установленных законом, им предоставляются отдельные распорядительные возможности. Так, статья 267 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает передачу участка,

принадлежащего на праве пожизненно наследуемого владения, в аренду или срочное безвозмездное пользование, а статья 270 Кодекса допускает передачу участка, находящегося в постоянном пользовании, в аренду или срочное безвозмездное пользование при наличии согласия собственника [1]. Здесь и возникает одна из главных коллизий: насколько допустимо расширительное толкование этих норм и не скрываются ли за такими сделками отношения, фактически тождественные аренде.

В научном обороте уже давно обращается внимание на то, что бессрочное пользование, если оно наполняется возмездностью либо допускает устойчивое вторичное предоставление участка иным лицам, начинает утрачивать собственную специфику. В присланной статье это выражено предельно ясно: «при платности указанной сделки по сути дела данный вид права на земельный участок будет мало чем отличаться от долгосрочной аренды» [5]. С данным замечанием трудно не согласиться. Если фактическая модель пользования землей совпадает с арендной, то сохранение особого вещного титула перестает служить целям юридической определенности и, напротив, создает почву для споров о пределах полномочий землепользователя и способах защиты его интересов.

По этой причине нам ближе та часть научной дискуссии, которая исходит не из формального сохранения исторически сложившихся титулов, а из необходимости их строгой функциональной специализации. Для публичных учреждений бессрочное пользование остается оправданным, поскольку выражает устойчивую связь между публичным собственником и созданной им организацией. Для граждан и большинства частноправовых организаций более последовательной представляется модель собственности, если закон допускает отчуждение земли, либо аренды, если собственник намерен сохранить участок в своем имущественном фонде. Пожизненно наследуемое владение в этой схеме сохраняет ограниченное, специальное значение как титул преемственности, а не как всеобщее средство землепользования.

Особую трудность составляет наследственный элемент права пожизненно наследуемого владения. Именно здесь обнаруживается отличие этого права от бессрочного пользования и одновременно его близость к праву собственности. Землевладелец не вправе свободно продавать, дарить или иным образом отчуждать участок как собственник, но вправе передать его по наследству. Такое сочетание ограниченного распоряжения при наличии наследственного правопреемства долгое время рассматривалось как компромисс между публичной собственностью на землю и необходимостью обеспечить хозяйственную устойчивость семьи или крестьянского хозяйства. Однако в современных условиях подобная конструкция требует более точного законодательного описания, поскольку общих норм о наследовании имущества недостаточно для разрешения всех возникающих на практике вопросов [1; 2].

З. И. Яшкина справедливо указывает, что существующая редакция гражданского законодательства не всегда дает достаточно точный ответ относительно объема прав, переходящих к наследникам, и порядка такого перехода [7]. Мы разделяем этот подход. Норма о том, что имущество умершего переходит к наследникам по закону или завещанию, сама по себе не раскрывает особенностей перехода ограниченного вещного права на государственную или муниципальную землю. Здесь необходимо прямое указание закона на сохранение целевого назначения участка, на пределы правомочий наследника и на соотношение наследственного титула с последующим переоформлением участка в собственность или аренду, если такое переоформление допускается действующим законодательством.

Судебная практика внесла существенную ясность. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 октября 2012 г. № 18-КГ12-53 было признано, что право пожизненного наследуемого владения частью участка, занятой объектом недвижимости и необходимой для его использования, переходит к приобретателю недвижимости в порядке право-

преемства одновременно с переходом права собственности на объект [6]. Для нас значим сам вектор рассуждения: суд исходит из функциональной необходимости использования земли для содержания и эксплуатации объекта, тем самым обеспечивая согласование вещных режимов и предотвращая паралич оборота недвижимости. При этом сохраняется общий запрет на произвольное распоряжение участком как таковым, что подтверждает двойственную природу титула: он вещный по способам защиты и устойчивости, но ограниченный по распоряжению ввиду публичной принадлежности земли.

Отсюда следует, что обе рассматриваемые конструкции должны оцениваться в свете общего учения о вещных правах. Их вещно-правовая природа выражается в непосредственном господстве над индивидуально-определенным участком, в противопоставимости права третьим лицам и в особых вещно-правовых способах защиты. Но по объему господства они уступают собственности, а по своей устойчивости превосходят обязательственные формы пользования. Именно промежуточный характер делает их юридически сложными. Он же объясняет, почему после признания и развития частной собственности на землю эти титулы стали восприниматься как остаточные формы, подлежащие осторожному сокращению, но не механическому уничтожению.

В этом контексте обращение к работам И. А. Иконичкой имеет не только историческое, но и методологическое значение. В ее исследованиях земельное право рассматривается не как простая совокупность разрозненных режимов, а как стройная система, в которой каждое правомочие должно отвечать определенному хозяйственному и юридическому назначению [4; 5]. Именно такая системная оптика позволяет избежать крайностей. Ошибочно и полное растворение рассматриваемых титулов в аренде, и их искусственное сохранение там, где они уже не отвечают реальным потребностям оборота. Более убедительной представляется модель, при которой бессрочное пользование концентрируется в пу-

бличной сфере, а пожизненно наследуемое владение сохраняется как специальный наследственный титул, применяемый в строго ограниченных законом случаях.

Итак, вопросы права постоянного (бессрочного) пользования и пожизненно наследуемого владения в системе вещных прав сводятся не только к классификации правомочий, но и к определению их современного нормативного смысла. Оба титула являются ограниченными вещными правами на земельные участки, находящиеся в публичной собственности, однако различаются по субъектному составу, по наследуемости и по сфере допустимого применения. Наиболее последовательным представляется такой подход, при котором право постоянного (бессрочного) пользования рассматривается как преимущественно публично-служебный титул, а право пожизненно наследуемого владения – как исключительная форма длительной и наследуемой связи гражданина с землей, не подменяющая собою право собственности. При таком понимании система вещных прав сохраняет внутреннюю логику, а законодатель получает ясные ориентиры для дальнейшего уточнения правового режима земли.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. 01 августа 2025 г.), принятый Государственной Думой 21 октября 1994 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 23.10.2025). – Текст : электронный.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 20 марта 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20 марта 2025 г.), принятый Государственной Думой 28 сентября 2001 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773. (дата обращения: 22.09.2025). – Текст : электронный.

3. Дождев, Д. В. Римское частное право : учебник для вузов / Д. В. Дождев ; под общ. ред. В.С. Нерсисянц. – 5-е изд. – Москва : Норма, 2022. – 784 с. – Текст : непосредственный.

4. Иконицкая, И. А. Предпринимательская деятельность в сельском хозяйстве России. Правовые вопросы : монография / И. А. Иконицкая, Н. И. Краснов [и др.]. – Москва : Институт государства и права РАН, 1998. – 168 с. – Текст : непосредственный.

5. Иконицкая, И. А. Земельное право Российской Федерации : теория и тенденции развития / И. А. Иконицкая. – Москва : Институт государства и права РАН, 1999. – 127 с. – Текст : непосредственный.

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 октября 2012 г. № 18-КГ12-5. – URL: <https://www.vsrif.ru/files/14149/> (дата обращения: 22.09.2025). – Текст : электронный.

7. Яшкина, З. И. Право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком: некоторые проблемы реализации / З. И. Яшкина // Меридиан. – 2021. – № 5 (58). – С. 192–194. – Текст : непосредственный.

СДЕЛКИ И ЦИФРОВЫЕ ПОДПИСИ: ПРОБЛЕМЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Томаева Милана Рауфовна,

*студент 3 курса направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция»
(профиль «Юриспруденция») Владикавказского института
управления, г. Владикавказ
E-mail: olga_vladik@mail.ru*

Владычкина Ольга Александровна,

*старший преподаватель кафедры гражданского права
Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: olga_vladik@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются сделки, заключенные с помощью цифровой подписи, основные виды электронных цифровых подписей, проблемы их недействительности, а также их решение. Выделены преимущества и риски применения электронных цифровых подписей, причины, по которым сделки могут признать недействительными.

Ключевые слова: электронная цифровая подпись, сделка, проблемы недействительности.

TRANSACTIONS AND DIGITAL SIGNATURES: PROBLEMS OF INVALIDITY

Tomaeva Milana Raufovna,

*the 3rd year student of 40.04.01 «Law» (training programme «Law»
at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz*

Vladychkina Olga Alexandrovna,

*Senior Lecturer, Department of Civil Law at the Vladikavkaz Institute of
Management, Vladikavkaz*

Abstract: This article examines transactions concluded using a digital signature, the main types of electronic digital signatures, issues of their invalidity, as well as their solutions. The authors highlight the advantages and risks of using electronic digital signatures, and the reasons why transactions may be declared invalid.

Keywords: electronic digital signature, transaction, issues of invalidity.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий в целом и сети Интернет в частности стало причиной настоящей революции в области организации и ведения коммерческой деятельности. Технические средства позволяют заключать сделки дистанционно, что в свою очередь способствует увеличению объема и количества заключаемых трансграничных сделок, выстраиванию отношений удаленно, ускоряет бизнес-процессы и делает их удобнее.

Ю. С. Савина отмечает, что, несмотря на то, что обмен юридически значимыми документами в бумажном виде по-прежнему занимает важное место в документообороте коммерческих организаций, в настоящее время все большее число людей отдает предпочтение электронному взаимодействию. Применение современных технологий при подписании и обмене документами помогает решать различные задачи – от ускорения и упрощения процесса заключения сделок до повышения уровня доверия к содержанию подписываемых и передаваемых документов. Электронный документ равнозначен документу, подписанному собственноручной подписью. Это электронное сообщение, подписанное электронной цифровой подписью или иным аналогом собственноручной подписи [4].

Процесс обмена электронными документами значительно отличается от обмена документами на бумажных носителях, так как существует проблема подтверждения подлинности содержащейся в них информации и ее соответствия смыслу волеизъявления человека, которая решается с помощью использования электронных средств визирования документа [7, с. 11].

Отсюда можно сделать вывод, что основным реквизитом электронного документа, придающим ему юридическую силу и подтверждающим его подлинность, является электронная цифровая подпись либо иной аналог собственноручной подписи.

По мнению Ю. С. Савиной, электронная цифровая подпись (далее – ЭЦП) – последовательность символов, полученная в результате криптографического преобразования электронных данных. ЭЦП позволяет подтвердить авторство электронного документа. Изготовленная цифровая подпись выдается обладателю по акту приема-передачи, на котором получатель ставит собственноручную подпись. Срок хранения таких актов – в течение всего срока действия удостоверяющего центра. С правилами использования цифровой подписи её получатель тоже должен быть ознакомлен под роспись [4].

Юридическое значение электронной подписи определяется п. 2 ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), из которого следует, что использование при совершении сделок факсимильного воспроизведения подписи с помощью средств механического или иного копирования либо иного аналога собственноручной подписи допускается в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон [1].

До 2019 года в соответствии с п. 2 ст. 160 ГК РФ, использование электронной подписи при совершении сделок допускалось только в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон. После 2019 года письменная форма электронной сделки считается соблюденной и при использовании простой и/или неквалифицированной электронных подписей. Согласно п. 1 ст. 160 ГК РФ, «сделка, заключённая электронным способом, будет считаться выполненной, если возможно её воспроизведение на материальном носителе и возможна достоверная идентификация лица, выразившего волю на её заключение» [1].

Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. №63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее – ФЗ № 63) предусматривает возможность оформления любых документов с помощью электронной подписи, в нем указаны правовые условия электронной подписи в электронных документах. Исключения из установленного правила могут предусматриваться только на

уровне федерального закона. В данном нормативном акте обозначены следующие определения:

- электронная подпись (далее – ЭП) – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию;

- сертификат ключа проверки электронной подписи – электронный документ или документ на бумажном носителе, выданные удостоверяющим центром либо доверенным лицом удостоверяющего центра и подтверждающие принадлежность ключа проверки электронной подписи владельцу сертификата ключа проверки электронной подписи;

- ключ электронной подписи – уникальная последовательность символов, предназначенная для создания электронной подписи;

- ключ проверки электронной подписи – уникальная последовательность символов, однозначно связанная с ключом электронной подписи и предназначенная для проверки подлинности электронной подписи;

- средства электронной подписи – шифровальные (криптографические) средства, используемые для реализации хотя бы одной из следующих функций – создание электронной подписи, проверка электронной подписи, создание ключа электронной подписи и ключа проверки электронной подписи [2].

В статье 4 ФЗ № 63 также отражены принципы использования электронной подписи:

- 1) право участников электронного взаимодействия использовать электронную подпись любого вида по своему усмотрению, если требование об использовании конкретного вида электронной подписи в соответствии с целями ее использования не предусмотрено федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами либо соглашением между участниками электронного взаимодействия;

2) возможность использования участниками электронного взаимодействия по своему усмотрению любой информационной технологии и (или) технических средств, позволяющих выполнить требования настоящего Федерального закона применительно к использованию конкретных видов электронных подписей;

3) недопустимость признания электронной подписи и (или) подписанного ею электронного документа не имеющими юридической силы только на основании того, что такая электронная подпись создана не собственноручно, а с использованием средств электронной подписи для автоматического создания и (или) автоматической проверки электронных подписей в информационной системе [2].

Е. Г. Стрельцова, М. В. Самсонова, А. В. Чайкина выделяют следующие основные виды ЭП:

1. Простая электронная подпись (ПЭП) – это комбинация цифровых данных, с помощью которых можно идентифицировать личность (логин, пароль и смс-код).

2. Усиленная неквалифицированная электронная подпись (УНЭП) – это электронная подпись, полученная в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи. Она более сложная, поэтому надёжнее защищает от подделки. УНЭП может храниться на смарт-ключе (USB-токене), мобильном устройстве или иных носителях (диске, флэш-карте и т. д.).

3. Квалифицированная электронная подпись (КЭП) – это ключ, сформированный с помощью сертифицированных криптографических средств, который записывается на USB-носитель. Данный ключ электронной подписи указан в сертификате, который выдаёт удостоверяющий центр, аккредитованный в Мин.Цифры. Эта подпись способна обеспечить надёжную защиту информации от посторонних лиц, а степень конфиденциальности данных владелец устанавливает собственноручно [5].

Квалифицированная электронная подпись не только полноценно заменяет подпись от руки и обладает такой же юри-

дической силой, но и имеет преимущества перед обычной подписью, главные из которых:

1. Надёжность. Электронный документ, подписанный ЭП, можно передавать по защищённым каналам связи. Для установления подлинности документа, подписанного ЭП, не нужен физический носитель – подпись присоединена к электронному документу, её всегда можно проверить, независимо от того, каким образом и сколько раз передавался документ. В то время как для проверки подписи на бумаге необходим оригинал документа.

2. Невозможность подделки. Усиленная электронная подпись создаётся с применением криптографических методов защиты информации, поэтому подделать её невозможно. Подпись от руки нередко подделывают, установить факт подделки в ходе экспертизы удаётся не всегда.

3. Гарантия неизменности документа после подписания. Любые изменения, внесённые в документ после его подписания электронной подписью, сделают подпись недействительной. Документ, подписанный от руки, никак не защищён от дальнейших изменений.

4. Более широкая сфера применения. В некоторых ситуациях подписание от руки попросту невозможно, что делает использование ЭП обязательным. Участие в электронных торгах, сдача определенных видов отчётности в госорганы, работа в государственных информационных системах – для этого понадобится именно электронная подпись [3].

Таким образом, отталкиваясь от законодательства, можно понять, что электронные документы, подписанные ЭП, считаются равными документам на бумажном носителе, с собственноручной подписью.

Несмотря на весомые преимущества в плане безопасности, применение технологии электронной подписи по-прежнему сопряжено с опасениями и заблуждениями. Применение квалифицированной электронной подписи в государственных и иных информационных системах, а также в системах юридически значимого электронного документоо-

борота, сопровождаются в том числе следующими рисками: 1) финансовые убытки (в том числе штрафы и т. п.); 2) репутационные риски; 3) нарушение сроков оказания государственных и муниципальных услуг; 4) нарушение правильного функционирования информационных систем.

Риски, связанные с применением квалифицированной электронной подписи, возникают вследствие возможности признания недействительности сделок, совершенных с использованием квалифицированной электронной подписи, недействительности документов, подписанных квалифицированной электронной подписью при несанкционированном получении злоумышленником ключа электронной подписи или несанкционированного использования рабочего места пользователя, на котором осуществляется выработка квалифицированной электронной подписи.

В современном российском законодательстве отсутствуют нормы, регулирующие процедуру совершения сделок посредством информационно-телекоммуникационных средств, в частности сети Интернет. Существует обширная судебная практика по спорам, возникающим при совершении сделок в сети Интернет. На основании статьи 167 ГК РФ «Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. Лицо, которое знало или должно было знать об основаниях недействительности оспоримой сделки, после признания этой сделки недействительной не считается действовавшим добросовестно» [1].

При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом [1].

Что касается проблем недействительности сделок, совершенных путём ЭП, то Н. А. Храмцовская, С. В. Киришкин,

Е. Л. Ермина выделяют несколько причин, по которым сделку могут признать недействительной:

1. *Незаконное использование.* Мошенники могут незаконно выпустить или украсть цифровую подпись и провести сделку от имени собственника. Такие дела рассматриваются в суде, и судья может признать сделку недействительной.

2. *Выдача подписи по поддельным документам.* Для этого злоумышленники часто используют базу данных, содержащую сканированные образы документов и просто подделывают их.

3. *Использование подписи с нарушением конфиденциальности ключа.* Если владелец подписи халатно относился к вопросу её хранения и безопасного использования, то ответственность за нарушение конфиденциальности лежит именно на нём.

4. *Заключение сделки под давлением.* Снизить такой риск поможет нотариальное удостоверение договора, так как нотариус устанавливает личность, проверяет дееспособность обратившихся людей, законность представленных документов, разъясняет сторонам юридические и правовые последствия заключаемой сделки, выясняет и фиксирует действительные намерения сторон [6].

В последнее время злоумышленники осваивают мир высоких технологий и принаровились использовать для недобросовестных действий и сделок электронную цифровую подпись, которая по юридической силе равнозначна подписи, нанесённой рукой на бумажный носитель. Поэтому перед тем, как оспаривать сделки, совершенные с использованием подложной цифровой подписи, следует оспорить сам факт действительности электронной подписи.

Для признания недействительной электронной подписи необходимо решение суда. До вступления такого решения в силу электронная подпись считается действительной. Доказательствами недействительности оформленной электронной подписи будут 1) сам квалифицированный сертификат (в удостоверяющем центре); 2) подписи получившего элек-

тронную подпись лица; 3) регистрационное дело в удостоверяющем центре.

Однако особый порядок или процедура оспаривания действительности электронной подписи действующим процессуальным законодательством не установлен. Поэтому в случае, если на Вас оформили подложную электронную подпись, необходимо подать самостоятельный иск о признании недействительной электронной цифровой подписи.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что целями использования ЭЦП являются: защита документа от подделки, идентификация владельца ключа подписи (отправителя документа) и установление отсутствия искажений в документе. Многие считают, что подлинность электронной подписи сложно доказать, хотя на самом деле она является не только эффективным способом визирования электронных документов, но и их обязательным элементом. Также следует отметить, что электронный документооборот стремительно распространяется, поэтому важно сделать акцент в правовом регулировании этого процесса, в первую очередь на защите ЭЦП и содержания документов. Поэтому необходимо в общих положениях о сделках в ГК РФ выделить такую форму сделок, как сделки, осуществляемые посредством информационно-телекоммуникационных средств, и закрепить данное положение в ГК РФ, а также внести поправки в законодательство, которые позволят в ускоренном порядке устанавливать недействительность электронной цифровой подписи.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, принятый Государственной Думой 21 октября 1994 г. (ред. от 08 августа 2024 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

2. Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 28 декабря 2024 г.). – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

3. Никитина, О. Электронная подпись : безопасное использование и предотвращение рисков / О. Никитина. – URL: <https://iitrust.ru/articles/elektronnaya-podpis-bezopasnoe-ispolzovanie-i-predotvrashhenie-riskov> (дата обращения: 21.02.2026). – Текст : электронный.

4. Савина, Ю. С. Правовое регулирование электронной подписи : общие положения и проблемные аспекты / Ю. С. Савина // Документ в современном обществе : на пути к междисциплинарному изучению : материалы XV Всероссийской студенческой научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 08–09 апреля 2022 г.). – Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, – 2022. С. 86–89. – Текст : непосредственный.

5. Стрельцова, Е. Г. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы : монография / Е. Г. Стрельцова, М. В. Самсонова, А. В. Чайкина ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. – Москва : «Инфотропик Медиа», 2022. – 332 с. – Текст : непосредственный.

6. Храмцовская, Н. А. Электронные подписи и машиночитаемые доверенности в вопросах и ответах / Н. А. Храмцовская, С. В. Кирышкин, Е. Л. Ермина // Юридический справочник руководителя. – 2024. – № 5. – URL: <https://delopress.ru/journals/law/vzaimootnosheniya-s-gosudarstvennymi-organami/66427-elektronnnye-podpisi-i-mashinochitaemye-doverennosti-v-voprosakh-i-otvetakh/> (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.

7. Шibaев, Д. В. Правовое регулирование электронного документооборота : учебное пособие / Д. В. Шibaев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Вологда : Фонд развития филиала МГЮА им. О. Е. Кутафина в г. Вологде, 2019. – 81 с. – Текст : непосредственный.

РОМАН АЛАНА ЧЕРЧЕСОВА «ВИЛЛА БЕЛЬ-ЛЕТРА» В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Тотиева Антонина Николаевна,

*кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры управления,
информационных технологий и гуманитарных дисциплин
Владикавказского института управления, г. Владикавказ,
E-mail: a_totieva10@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается роман современного осетинского писателя Алана Черчесова в контексте постмодернизма, анализируются смысловые доминанты и жанровые особенности текста.

Ключевые слова: сюжет, проблематика, интеллектуальный детектив, метафоричность, символизм, постмодерн.

ALAN CHERCHESOV'S NOVEL «VILLA BELLE LETRA» IN THE CONTEXT OF POSTMODERNISM

Totieva Antonina Nikolaevna,

*Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Management, Information Technology and Humanities at
the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz*

Abstract: The article examines the novel of the modern Ossetian writer Alan Cherchesov in the context of postmodernism, analyzes the semantic dominants and genre features of the text.

Keywords: plot, problems, intellectual detective story, metaphorical, symbolism, postmodern.

Современный осетинский писатель Алан Черчесов, автор романов «Реквием по живущему», «Венок на могилу ветра», «Дон-Иван», повести «Клад», рассказов «Другая нога», «Случайный снимок», «Палец в ране», «Экзамен» и др., широко известен как в нашей стране, так и за рубежом. Произведения писателя посвящены самым различным проблемам современной жизни. В них нашли отражение нравственные, философские, социальные проблемы.

Роман Алана Черчесова «Вилла Бель-Летра», финалист премии «Русский букер», был опубликован в 2006 году в Москве, в издательстве «Время». По проблематике и художественному решению он в корне отличается от предыдущих произведений писателя. По жанру это интеллектуальный роман-детектив, адресованный «культурному» читателю, способному понять сложную гамму различных эпох, культур, языков, ментальностей, исходя из чего изначально предполагается разнообразие интерпретаций, что и обусловило неоднозначные оценки его со стороны критиков. Однако исследователи его творчества отмечают большую эрудицию и мастерство писателя. «Место Черчесова в литературной систематике определить можно с большой точностью: он то, что сегодня условно можно назвать «изошрщенный стилист набоковской школы» [1].

Обратимся к сюжету романа, цикличного по своему строению и с четко обозначенными хронологическими рамками (июнь прошлого XX века, затем июнь нынешнего XXI века). Сюжет отвечает формальным требованиям детективного жанра: при загадочных обстоятельствах летом 1901 года исчезает из своего имения – Виллы Бель-Летра – известная в литературных кругах графиня Лира фон Реттау, незадолго перед тем пригласившая на виллу своих «ближайших сподвижников и друзей», именитых литераторов Гектора Фабьена (Франция), Мартина Пентроуза (Англия) и Василия Горчакова (Россия), которым «в качестве своеобразной дани за три месяца блаженного отдыха на берегу озера Вальдзее изобильной Баварии, предлагалось написать по небольшой новелле, чей сюжет был бы навеян впечатлениями от виллы и окружающего её роскошного альпийского пейзажа» [5, с. 27].

Графиня исчезла неожиданно и бесследно, не оставив никаких свидетельств своего похищения, бегства или убийства. Унизительные допросы в полиции писателей, на которых пало подозрение в убийстве хозяйки виллы, ни к чему не привели: тайна осталась нераскрытой. А когда некоторое время спустя появились в печати новеллы, дело еще более оказалось запутанным: каждый из трёх авторов утверждал,

что последнюю ночь хозяйка виллы провела именно с ним. Ровно через сто лет «Общество друзей Леры фон Реттау» приняло решение отметить вековую печальную дату приглашением на виллу Белль-Летра на тех же условиях трёх современных литераторов: француза Жан-Марка Расьоля, англичанина Оскара Дарси и русского Георгия Суворова. Через три месяца каждый из писателей должен предложить свою версию событий, произошедших сто лет назад, в художественных текстах.

Соблюдая законы детектива, автор, словно намеренно усиливая атмосферу загадочности, должен был бы в конце повести либо раскрыть причину странного исчезновения графини – «которой уже сто лет, как тридцать», либо обнаружить тело и назвать виновного. Однако дальше читаем другое: «Несомненно одно: биография Леры фон Реттау являет собой заманчивый символ эпохи, своего рода отпечаток пальца с младенческой кисти новейшего времени, по которому так соблазнительно будет восстановить искомый образ самого страшного века и понять, чего же в нём было больше – наивности жертвы или коварства преступника...» [5, с. 33]. Это уже более сложная головоломка. И это далеко не предел. От первого до последнего слова роман буквально пропитан загадками, символами, аллегориями, включая размышления о муках создания произведения, о «грустной диалектике судьбы писателя». «Стоило ему (Суворову) оторвать взгляд от, казалось бы, ладно и стройно растущей страницы и посмотреть за окно, как мир наяву являлся взору совсем не таким, каким ощущался в минуты созидającego его за пишущей машинкой труда, отчего результат этого труда представлялся Суворову-демиургу досадно-никчёмным. Так было почти всегда. Научиться с этим мириться, никогда до конца не смиряясь, и значило стать литератором» [5, с. 60]. Понять замысел автора во всём многослойном разнообразии – задача непростая. Здесь предлагается иная художественная этика, иные принципы восприятия, отличные от тех, что были в прежних работах писателя, где шла речь об экзистенциальных поисках.

Роман удивляет очевидной эрудицией автора, глубоким знанием мировой литературы. Сам факт, что главный герой – одновременно и писатель, и литературовед, сразу указывает на глубокие знания в сфере мировой культуры. В тексте – множество цитат, эпиграфов, пародий, отсылок к классике мирового искусства. Среди тех, к кому обращается Лира фон Реттау, – Лев Толстой, Ибсен, Пуанкаре, Малер, Чехов, Ницше, Скрябин, Маларме, и другие. В интеллектуальных диалогах, внутренних монологах персонажей звучат громкие имена – Эдгар По, Кафка, Борхес, Рембо, Камю, Стайн, Ролан Барт и многие другие.

«В романе А. Черчесова «Вилла Бель-Летра», вместившем в себя коды массовой и элитарной литературы, обнаружены [Данилкин, 2008] следующие набоковские находки: превращение писателей в персонажей, жизни – в литературу и череда мнимых развязок» [2]. Основные герои сталкиваются с актуальными вызовами: господство постмодернизма в современной литературе и искусстве, его проявление в повседневной жизни – клонирование, ставшее знаковым явлением для нашего времени; стремительность, пришедшая вместе с переменой веков, сменившими медленную, благостную, но требовательную к сердцу неспешность; интернет, замещающий действительность цифровым пространством; постоянная угроза терроризма. «Георгий Суворов – творческий псевдоним одного из ключевых персонажей романа. Доказывать, что за этим персонажем прячется сам автор – всё равно что стучаться в открытые двери. Георгий – имя отца Алана Черчесова; Суворова – фамилия матери. И хотя о явном тождестве между автором романа и Георгием Суворовым говорить не приходится (слишком много несовпадений, в том числе и биографического свойства), несомненно одно: всё сокровенное и выстраданное писатель вложил в уста Суворова» [4].

В пылу полемики язвительный Расьоль бросает Суворову: «Вы зависли между реализмом Толстого и модернистскими штучками Фолкнера, Стайн и Камю, разбавляя этот сироп хрестоматийной кислятиной из раннего Хемингуэя.

Ваш стиль – это страх перед всякой ошибкой... Всё у вас гордо, красиво, как в театре Корнеля... Хотя – с удовольствием отдам вам должное – явленный вами талант несомненен. Пара страниц меня по-настоящему взволновала, что, поверьте, немало: среди нынешних борзописцев не всякий способен вымучить сильную фразу» [5, с. 120]. Язвительная тирада француза в романе не случайна: упрёки в адрес неординарного писателя имели место и раньше (по поводу романов «Реквием по живущему» и «Венок на могилу ветра»). Его упрекали также в отсутствии иронии, что совершенно беспочвенно: роман Черчесова, пронизанный чувством спасительной иронии, оказывает на читателя сильное эмоциональное воздействие. «Текст, насыщенный метафорами и символами, афористичен и весь, как и в предшествующих романах, просится в цитаты: «Мы принадлежим нашей жизни больше, чем наша жизнь принадлежит нам», «Плохое всегда достоверней хорошего», «Счастье – это когда тебе хорошо, и ты знаешь, что это по праву», «Одиночество – это всегда ожидание» [3, с. 89].

Следует отметить, что в романе имеется и слегка завуалированная оценка автором собственного текста. «Несмотря на недостатки (перегруженность символикой, чрезмерный пафос, медлительность фабулы, длинные абзацы, полное отсутствие диалогов, подробность деталей, которые тоже – символы), книга получилась в целом такой, как и добивался Суворов...» [5, с. 149], – читаем в тексте романа. Пластичность повествования, исповедальный тон, усиливающийся благодаря отсутствию внешних проявлений эмоций – ни одного вздоха, ни одной слезы, – изобилие метафор и художественных образов, а также продуманная стилистическая выверенность оказались способны преодолеть множество недостатков, о чём и говорит цитата из романа. Нельзя ничего добавить, ведь самый суровый критик – это сам автор. Однако остаётся вопрос: кто именно, спустя более века, убил главную героиню романа – личность, воплотившую в себе Беттину фон Арним, Жорж Санд, Лу Андреас Саломе, Коллетт, Магерит Дюрас, английскую Коллонтай и Симону

де Бовуар? И куда исчезла графиня Лира фон Реттау – то есть Литература, Тайна, Метафора, которая «никогда не попадает в сети, лишь соблазняет ускользящим ароматом, наказывает близостью, притягивает невозможностью, тает, как снежинка, в ладонях и придаёт смысл каждому мигу, месту и событию?» [4]. В финале романа читатель понимает: Лира фон Реттау – это метафора вечно живого творчества, и зовут её – Литература.

Библиографический список

1. Бабицкая, В. Алан Черчесов. Дон Иван / В. Бабицкая. – URL: <https://os.colta.ru/literature/events/details/33892> (дата обращения: 26.02.2026). – Текст : электронный.
2. Назаренко, О. В. Набоковское стилевое влияние в русской прозе рубежа XX–XXI веков : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Назаренко Оксана Вячеславовна ; Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2009. – 189 с. – Текст : непосредственный.
3. Тотиева, А. Н. Современная осетинская проза в контексте основных тенденций развития литературы: монография / А. Н. Тотиева. – Владикавказ : Изд-во СОГПИ, 2019. – 139 с. – Текст : непосредственный.
4. Царахова, Р. Игра или гибель всерьез? – URL: <https://litrossia.ru/item/1569-oldarchive/> (дата обращения: 24.02.2026). – Текст : электронный.
5. Черчесов, А. Г. Вилла Бель-Летра / А. Г. Черчесов. – Москва : Время, 2007. – 656 с. – Текст : непосредственный.

РОЛЬ МАЛОГО БИЗНЕСА В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Фарниева Рената Таймуразовна,

*студент 3 курса направления подготовки 38.03.01 «Экономика»
(профиль «Финансы и кредит») Владикавказского филиала
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации, г. Владикавказ
E-mail: farnrenata@.com*

Каллагов Борис Рамазанович,

*кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
финансов и кредита Владикавказского института управления,
г. Владикавказ
E-mail: vizit-den@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается роль малого бизнеса предпринимательства как важнейшего фактора развития регионов Северо-Кавказского федерального округа. Выявлено, что, несмотря на рост зарегистрированных субъектов и увеличение объёмов государственной финансовой поддержки, в регионе сохраняется структурная диспропорция. Отмечено смещение интереса предпринимателей в непроизводственной сфере при недостаточном развитии местного сельского хозяйства, что приводит к зависимости от импорта продукции. Особое внимание уделяется проблемам малого бизнеса: высокому уровню безработицы в регионе, развитию «теневое» сектора экономики и недоступности кредитных ресурсов для субъектов малого и среднего предпринимательства. Обоснована необходимость совершенствования механизмов регулирования для обеспечения устойчивого экономического роста и социальной стабильности в регионах Северо-Кавказского федерального округа.

Ключевые слова: малое предпринимательство, Северо-Кавказский федеральный округ, агропромышленный комплекс, Северная Осетия – Алания, государственная поддержка, безработица, регионы, социально-экономическое развитие, экономическое состояние.

THE ROLE OF SMALL BUSINESS IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE NORTH CAUCASUS REGIONS

Farnieva Renata Taimurazovna,

the 3rd year student of 38.03.01 «Economics» (training programme «Finance and credit») at the Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz

Kallagov Boris Ramazanovich,

Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Banking and Finance Department at the Vladikavkaz Institute of Management, Vladikavkaz

Abstract: The article examines the role of small business entrepreneurship as a crucial factor in the development of the regions of the North Caucasus Federal District. It has been revealed that, despite the growth of registered entities and an increase in government financial support, a structural imbalance persists in the region. There has been a shift in the interest of entrepreneurs in the non-manufacturing sector with insufficient development of local agriculture, which leads to dependence on imported products. Special attention is paid to the problems of small business: high unemployment in the region, the development of the «shadow» sector of the economy and the inaccessibility of credit resources for small and medium-sized businesses. The necessity of improving regulatory mechanisms to ensure sustainable economic growth and social stability in the regions of the North Caucasus Federal District is substantiated.

Keywords: small business, North Caucasus Federal District, agro-industrial complex, North Ossetia – Alania, government support, unemployment, regions, socio-economic development, economic condition.

На сегодняшний день малый бизнес занимает значительное место в экономике России, особенно в таких отраслях, как торговля розничной продукцией и сфера услуг. В Северо-Кавказском федеральном округе (далее – СКФО) на начало 2026 года функционируют 253 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства. Значительная их часть

осуществляет свою деятельность в следующих отраслевых сегментах:

1. Агропромышленный комплекс – приоритетными направлениями являются растениеводство (садоводство, овощеводство, производство зерна, бахчеводство и виноградарство) и животноводство (овцеводство, птицеводство и т. д.).

2. Туристско-рекреационный комплекс, развитие гостиничного бизнеса, горного, морского и экологического туризма.

Если же обратить внимание на социально-экономическое состояние Северо-Кавказского федерального округа в общем и в разрезе образующих его субъектов, то можно сказать о том, что они располагают необходимыми условиями для развития сельскохозяйственного производства, санаторно-курортной сферы, туризма, промышленной и электроэнергетической сфер. Однако имеющиеся преимущества представленных секторов региональной экономики остаются в настоящее время недостаточно развитыми и реализованными. Большинство ключевых социально-экономических показателей республик в составе СКФО в течение длительного времени занимают аутсайдерскую позицию среди других субъектов Российской Федерации [1; 2; 5; 7].

К основным проблемам социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа относятся: добровольная или вынужденная миграция населения; низкий уровень развития системы здравоохранения; пониженный уровень жилья и качества жилищных условий; низкая конкурентоспособность на рынке продукции и слабое развитие факторов внешней экономики; повышенный, слабо уменьшающийся уровень безработицы.

Особая роль в решении указанных проблем принадлежит именно малому предпринимательству, самому динамично развивающемуся сектору экономики, способному по своей сущности пластично и плавно реагировать на потребности и спрос рынка товаров, быстро и эффективно наполнять его

продукцией и услугами высокого качества. Для малого предпринимательства характерны такие свойства, как: гибкость в освоении новых видов деятельности; технологий; высокая оборачиваемость капитала, управляемость; высокая степень ротации, обеспечивающей самозанятость населения; увеличение ресурсного потенциала и емкости рынка потребительских товаров; обеспечение стабильных налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

Именно эти свойства дают малому бизнесу ключевую роль экономического роста отраслей экономики, определяющего дальнейшее развитие государства по пути экономического и социального прогресса [8].

Развитие малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) способствует решению не только социальных проблем, но и служит основой для экономического развития Республики Северная Осетия – Алания. Малое предпринимательство, по определению, способствует формированию рыночной структуры экономики и конкурентной среды, увеличению налогооблагаемой базы для бюджетов всех уровней. Путем создания новых кадров и рабочих мест малое предпринимательство снижает безработицу, обеспечивает занятость населения и помогает пополнять рынок разнообразными товарами и услугами. Нельзя не сказать, что за последний год в республике наблюдается тенденция роста числа малых предприятий и предпринимателей без получения статуса юридического лица. Управлением РСО-Алания по поддержке и развитию малого предпринимательства проводится работа как с начинающими, так и функционирующими предпринимателями по вопросам создания бизнеса; обучения и юридической помощи по вопросам предпринимательского права; финансово-кредитных отношений, связанных с бизнесом; налогообложением и страхованием хозяйственной деятельности. Но достигнутых результатов недостаточно для перспективного развития малого бизнеса в республике [3]. За последний год отраслевая структура малых предприятий претерпела определенные изменения:

непроизводственная сфера деятельности, прежде всего торговля и общественное питание, стала более привлекательной, чем производственная.

Необходимо также отметить, что в МСП до сих пор наблюдаются моменты ухода в «теневой» сектор экономики. Значительная часть зарегистрированных предприятий так и не приступает к своей деятельности из-за недоступности финансовых ресурсов. Несмотря на то, что по данным налоговых служб возросла численность субъектов МСП, налоговые поступления в бюджеты от субъектов малых предприятий сравнительно уменьшились. Экономическое состояние республики в определенной степени зависит от работы агропромышленных сельскохозяйственных комплексов. В настоящее время сельскохозяйственный сектор не способен полностью обеспечивать республику своей продукцией. Ежегодно в республику ввозятся из соседних и дальних регионов десятки тысяч тонн овощей и фруктов. В 2024 году был проконтролирован ввоз порядка 28 тыс. растениеводческой продукции. Такое положение совершенно недопустимо, если учесть почвенно-климатические условия республики плюс избыток трудовых ресурсов.

Республика обладает значительными возможностями для развития малого предпринимательства в сфере овощеводства: низкий уровень занятости населения, богатые плантации для развития овощеводства, огромный нереализованный потенциал плодородной пашни, представленной черноземами. Развитие специализированных фермерских хозяйств и малых предприятий решит проблемы занятости, роста благосостояния населения, увеличения производства сельскохозяйственной и прежде всего овощной продукции. Проблема безработицы становится с каждым днем острее. При возрастающей напряженности на рынке труда малый бизнес остается основной возможностью для создания новых рабочих мест. Такой бизнес, как известно, довольствуется небольшими кредитами, аккумулирует рабочую силу, ищет платежеспособные рынки, наращивает производственный оборот.

Сегодня можно выделить основные причины, препятствующие созданию и развитию предпринимательских структур: ныне функционирующая система налогообложения (повышение НДС до 22% с 1 января 2026 года); высокая цена кредитов, аренды помещений и оборудования; нестабильность законодательных актов; крайняя недостаточность финансирования республиканских программ для поддержания и развития малых форм бизнеса [4]. Эффективное развитие малого предпринимательства в республике требует решения следующих задач:

1) предотвращение ухода малых предприятий в «теневую экономику», придача большей законности деятельности малых и средних предприятий;

2) ускорение доступа малого предпринимательства к финансовым (кредитным), информационным, производственным и другим ресурсам;

3) создание общей системы базы данных для субъектов малого бизнеса.

Следует отметить, что развитие малого предпринимательства в разрезе районов республики происходит в зависимости от разных факторов:

– сильные разрушения и большой материальный ущерб, причиненный субъектам малого предпринимательства в отдельных районах республики;

– нестабильная обстановка в горных районах республики;

– слаборазвитая инфраструктура, используемая для поддержки малого предпринимательства;

– чрезмерный контроль над некоторыми видами малого и среднего предпринимательства со стороны региональных органов управления.

По сообщению пресс-служба Корпорации МСП, оператора системы, малые и средние предприятия Северо-Кавказского федерального округа за год привлекли 25% средств с государственной поддержкой, общая сумма полученного по итогам девяти месяцев 2025 года составила 31,1 миллиарда рублей.

В прошлом году сумма составляла 25 млрд рублей. Генеральный директор Корпорации МСП А. И. Исаевич отметил, что, «по итогам первых трех кварталов 2025 года, мы видим, что в СКФО наибольший прирост привлеченных в рамках Национальной гарантийной системы средств приходится на малый бизнес – + 44% по сравнению с аналогичными данными за прошлый год. Примерно на 20% увеличился объем полученного финансирования предприятиями среднего и микробизнеса».

Он также подчеркнул, что среди регионов Северного Кавказа наибольший прирост объемов привлеченного с государственной поддержкой финансирования за год показали Республика Ингушетия и Республика Дагестан – более чем в два раза к аналогичным прошлогодним показателям. За девять месяцев текущего года местные МСП получили 2,85 миллиарда и 5,23 миллиарда рублей соответственно.

Следом идут Карачаево-Черкесская Республика и Кабардино-Балкарская Республика с приростом объемов поддержки на 48% и 25% – до 3 миллиардов и 2,79 миллиарда рублей соответственно. Замыкает топ-5 регионов СКФО Ставропольский край с увеличением объемов привлеченного финансирования на 13% – до 12,1 миллиарда рублей.

Также среди отраслей, в которых МСП Северо-Кавказского федерального округа привлекали средства в рамках государственной поддержки, наибольший прирост за год показала научно-техническая деятельность, где было зафиксировано увеличение объемов в семь раз [6].

Однако, несмотря на предпринятые шаги помощи в развитии и поддержке малого предпринимательства со стороны государственных органов Российской Федерации нельзя не отметить, что сфера малого предпринимательства в регионах Северного Кавказа развивается стабильно. Увеличение или уменьшение экономической значимости МСП зависит от состояния экономики и от программ и мер, предпринимаемых государственными органами [8]. Таким образом, можно сделать вывод о преобладании в системе факторов внешней

среды, субъектом формирования которых является именно государство и его институты. Исследования отечественных ученых и специалистов показывают, что малое предпринимательство имеет широкую правовую и нормативную основу для регулирования его, но в данной экономической ситуации она является недостаточной и неэффективной. Государство старается производить поддержку малого бизнеса, но делает это без анализа факторов, влияющих на экономический рост данной отрасли экономики. Также проблема правовой системы состоит в ее ограниченности и слабой реализации. На данном этапе развития малого предпринимательства среди множества проблем и государству необходимы более жесткие меры для его эффективного развития.

Библиографический список

1. Агоева, З. И. Мониторинг проблем социально-экономического развития региона / З. И. Агоева, Ф. М-Г. Топсаханова // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 9-3. – С. 621–624. – Текст : непосредственный.

2. Видяпин, В. И. Региональная экономика : учебник / В. И. Видяпин, М. В. Степанов. – Москва : ИНФРА-М, 2009. – 666 с. – Текст : непосредственный.

3. Гаджиев, М. М. К вопросу управления эффективностью инновационной деятельности / М. М. Гаджиев, Е. А Яковлева // *Инновации*. – 2013. – № 2 (172). – С. 107–116. – Текст : непосредственный.

4. Дзобелова, В. Б. Экономический потенциал региональных хозяйственных систем Юга России / В. Б. Дзобелова // *Вестник Владикавказского научного центра*. – 2011. – Т. 11. – № 1. – С. 35–40. – Текст : непосредственный.

5. Морозова, Т. Г. Региональная экономика : учебник для вузов / Т. Г. Морозова, Г. Б. Победина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Банки и биржи ; ЮНИТИ, 1998. – 472 с. – Текст : непосредственный.

6. МСП Северного Кавказа получили более 31 млрд рублей с господдержкой : сайт РИА Новости. – Москва, 2003. –

URL: <https://ria.ru/20251125/msp-2057343639.html> (дата обращения: 06.02.2026). – Текст : электронный.

7. Петросянц, В. З. Стратегическое регулирование развития проблемных регионов в составе Северо-Кавказского федерального округа / В. З. Петросянц // Региональная экономика : теория и практика. – 2014. – № 2 (329). – С. 2–11. – Текст : непосредственный.

8. Пушная, Д. В. Развитие малого бизнеса как фактор повышения эффективности и экономического потенциала сферы услуг : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством : экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами (сфера услуг)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Пушная Диана Валериевна ; Кисловодский институт экономики и права. – Кисловодск, 2014. – 177 с. – Текст : непосредственный.

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ДЕТЕРМИНАНТА ФИНАНСОВЫХ ОЖИДАНИЙ РОССИЯН

Хугаева Алла Ахмедовна,

*кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры финансов
и кредита Владикавказского института управления, г. Владикавказ
E-mail: alladgam@mail.ru*

Аннотация: В данной статье рассматривается социальное неравенство с точки зрения его воздействия на финансовое поведение и финансовые ожидания населения. Основные векторы самого социального неравенства задаются такими экономическими детерминантами, как неравномерное распределение доходов, неравный доступ к благам и ресурсам и др. Но и социальное неравенство определяет экономическое, в том числе финансовое поведение человека.

Ключевые слова: социальное неравенство, социально-экономическое неравенство, респондент, опрос, финансы, доход.

SOCIAL INEQUALITY AS A DETERMINANT OF FINANCIAL EXPECTATIONS OF RUSSIANS

Khugaeva Alla Akhmedovna,

*Cand. Sc. (Sociological), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Finance and Credit at the Vladikavkaz Institute
of Management, Vladikavkaz*

Abstract: This article examines social inequality from the point of view of its impact on the financial behavior and financial expectations of the population. The main vectors of social inequality itself are determined by such economic determinants as uneven distribution of income, unequal access to benefits and resources, etc. But social inequality also determines economic, including financial, behavior of a person.

Keywords: social inequality, socio-economic inequality, respondent, survey, finance, income.

Социальное неравенство – это форма социальной стратификации, при которой люди разных слоев общества находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерар-

хии, имея неодинаковый доступ к ресурсам и благам для удовлетворения своих потребностей.

В древние времена социальное неравенство было обусловлено в основном такими факторами, как владение землей, богатством, властью, а также полом и родословной человека. Основой общественного устройства служили рабовладельческие, феодальные системы, в которых неравенство было закреплено законами и социальными нормами. Уже в средние века социальное неравенство достигло своего пика: владение землей и крестьянами, а также родовые связи стали основой образа жизни аристократии. Эта система неравенства привела к конфликтам, которые, в свою очередь, привели к изменениям в обществе, общественным переворотам и революциям. В 19 веке с развитием капитализма появился рабочий класс, который начал бороться за свои права и социальную справедливость.

В 20 веке произошли значительные изменения в структуре общества, такие как расширение социальных прав и свобод, усиление роли женщин и меньшинств, создание социального обеспечения и системы социальной защиты. Однако, несмотря на значительные усилия в борьбе за социальное равенство, социальное неравенство остается актуальной проблемой и в современном обществе.

Социально неравенство может быть вызвано различными факторами социальной стратификации, такими как доход, власть, доступ к образованию, социальный статус, расовая и этническая принадлежность, пол, возраст, профессия и другие [1]. Оно может выражаться в доступе к жизненным благам, к которым можно причислить доступ к медицинским услугам и первой помощи, доступ к жилью, возможность карьерного роста и улучшение квалификации, неравное распределение возможностей и др. Все вышеперечисленные факторы имеют неразрывную связь с обстановкой в обществе, в котором наблюдается разрыв в благосостоянии разных слоев общества. Социально-экономическое неравенство есть одна из важнейших форм социального неравен-

ства, важный фактор уровня жизни граждан, оно отражает различия в доходах, богатстве, доступе к ресурсам [2].

В условиях социально-экономической и политической нестабильности и неопределенности качество жизни населения падает из-за роста рисков. Население меняет свое привычное потребительское и финансовое поведение, так как ему становится сложнее прогнозировать будущее и планировать свою жизнь [4].

Финансы являются неотъемлемой основой существования общества в целом и каждого его члена, в частности. Они не только позволяют нам удовлетворять базовые потребности существования, но и жить с комфортом, развиваться, путешествовать, помогать другим. Хорошее и устойчивое финансовое положение – залог стабильности, уверенности в завтрашнем дне и источник реализации жизненных планов.

Опрос жителей Российской Федерации, проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения по проблеме формирования финансовых ожиданий в январе 2024 года [3], разделил общество на оптимистов (28,3%), пессимистов (23,5%) и людей, не ждущих никаких перемен в ближайший год (42,8%) (Рисунок 1).

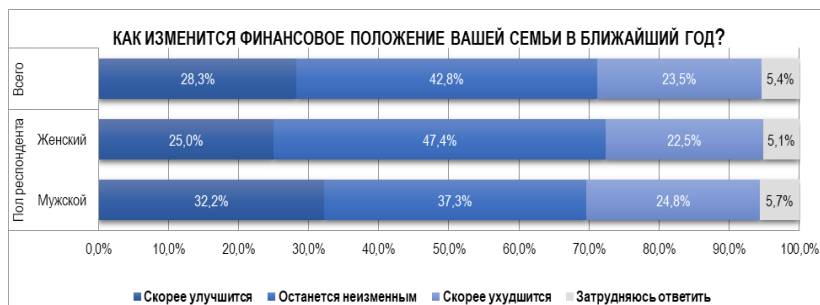

Рисунок 1 – Ожидания изменений финансового положения семьи

В Северо-Кавказском федеральном округе доля оптимистов больше, чем в любом другом, за исключением Южного федерального округа. В тройку регионов с ожиданием неизменного материального положения входят Приволжский

федеральный округ (47,6%), далее Центральный федеральный округ (45,8%), немного отстающий от него Сибирский федеральный округ (45,3%). Ожидают ухудшения больше жителей Дальневосточного федерального округа (28,7%), Уральского федерального округа (28,4%) и Северо-Западного федерального округа (28,3%) (Рисунок 2).

Рисунок 2 – Ожидания изменений финансового положения семьи (в сопряжении с переменной «Регионы»)

Среди людей, не ждущих перемен, чаще встречаются женщины (47%) (среди мужчин – 37%) и граждане старшего возраста (49% в группе старше 60 лет против 36–35% среди молодежи до 35 лет) (Рисунок 3).

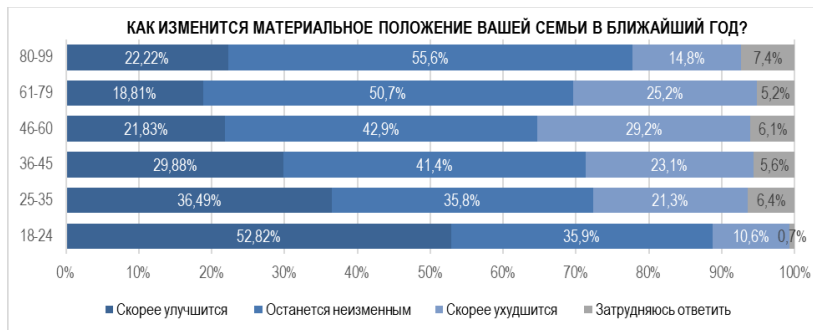

Рисунок 3 – Ожидания изменений финансового положения семьи (в сопряжении с переменной «Возраст»)

Как видно из рисунка 4, чем выше уровень образования, тем меньше оптимистичных и больше пессимистичных взглядов на будущее россиян. Возможно, люди с высоким уровнем образования могут быть более осведомленными о финансовых проблемах и рисках, что может приводить к более осторожным оценкам собственных материальных перспектив.

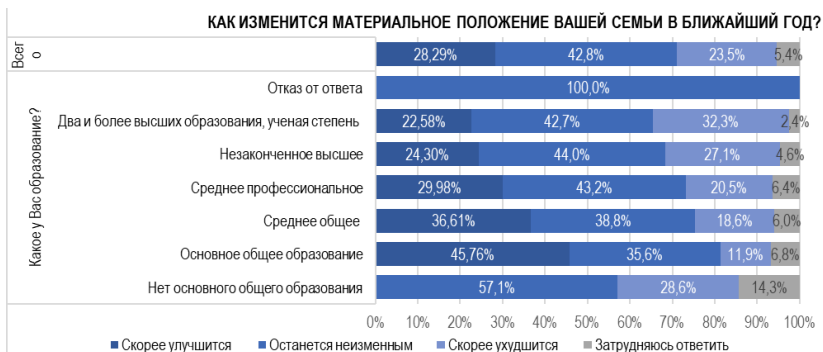

Рисунок 4 – Ожидания изменений финансового положения семьи (в сопряжении с переменной «Образование»)

Респонденты из самых малообеспеченных семей в большинстве своем (70,3%) ожидают перемен к худшему, а из благосостоятельных (72,5%) – к лучшему (Рисунок 5).

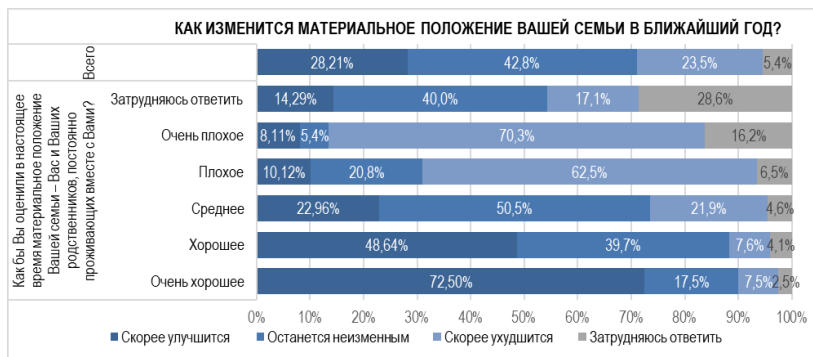

Рисунок 5 – Ожидания изменений финансового положения семьи (в сопряжении с переменной «Благосостояние»)

Чем лучше живет человек, тем больше он расположен к жизненному целеполаганию. Респондентам предложили ответить на вопрос «Если говорить о жизни вашей семьи, какие цели Вы, члены вашей семьи, ставите перед собой?». Самым популярным из предложенных ответов оказался «Жить не хуже, чем большинство семей в Вашем городе, районе» (41,0%). В Дальневосточном и Северо-Кавказском федеральных округах больше, чем в других регионах, респондентов (18,39% и 16,22% соответственно), нацеленных на выживание хотя бы на самом примитивном уровне существования (Рисунок 6).

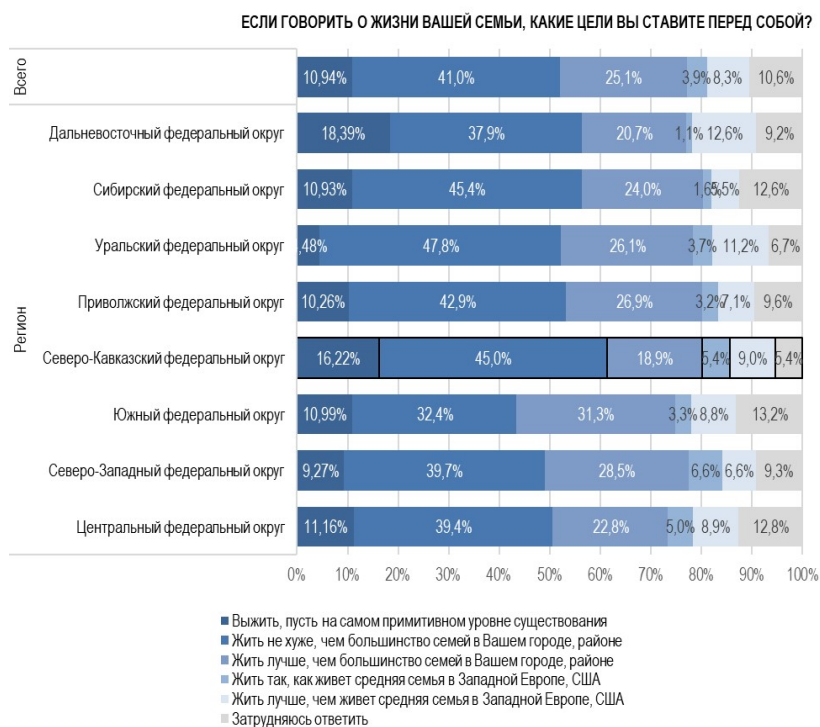

Рисунок 6 – Жизненные цели населения (в сопряжении с переменной «Регионы»)

Конечно, ожидаемо, что в бедных и малообеспеченных группах населения также преобладают цели выживания на биологическом уровне (Рисунок 7).

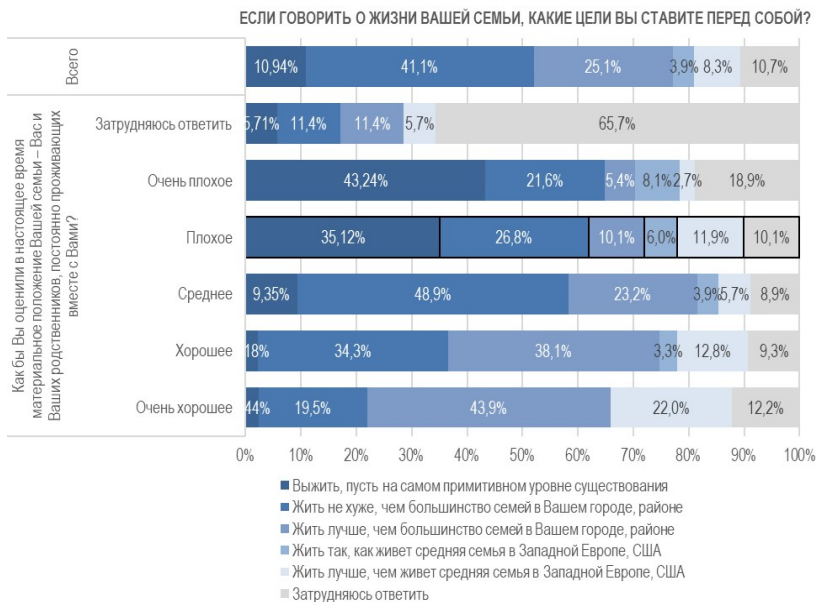

Рисунок 7 – Жизненные цели населения
(в сопряжении с переменной «Благосостояние»)

Итак, на финансовые цели россиян влияют в основном два социальных фактора:

– материальная составляющая – главная детерминанта финансовых ориентиров наших сограждан. Среди россиян с тяжелым материальным положением 37% ставят себе цель выжить (2% в группе с хорошим материальным положением), тогда как материально благополучные граждане хотят большего – 39% опрошенных намерены жить лучше других семей в своем городе, селе, еще 14% – лучше других американских и европейских семей. Граждане со средним доходом ставят перед собой цели не финансового роста, а скорее стабильности – жить не хуже других (49%);

– *возраст* – чем моложе россияне, тем выше планка их материальных достижений, в общей сложности больше половины молодежи до 35 лет (52–53%) ставят перед собой цель жить лучше других российских, а также американских, европейских семей. Подобные цели в старшей когорте ставят 17%, то есть в три раза меньше. После 45 лет уровень финансовых амбиций снижается, 44–47% хотят жить не хуже других, а в группе старше 60 лет каждый пятый говорит о желании выживать пусть на самом примитивном уровне существования (20%). В молодости люди обычно имеют больше возможностей для роста в карьере и финансовом благополучии, поэтому их материальные ожидания обычно более амбициозны. С возрастом, когда люди приходят к постоянному доходу и устоявшемуся ритму жизни, они могут менять свои приоритеты в сторону стабильности.

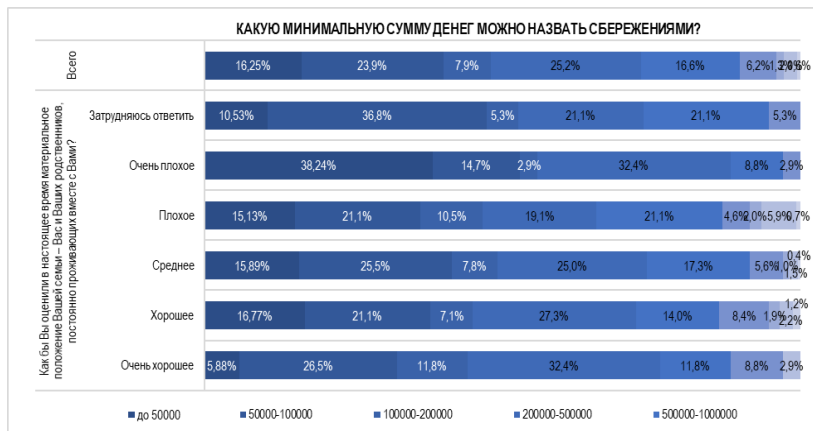
Оценка финансовых перспектив на ближайший год и финансовые цели влияют друг на друга:

– каждый третий оптимист (35%) хочет жить лучше других семей в своем городе, а 13% – лучше других западных семей (25% и 8% среди всех россиян);

– те, кто не ждет перемен «в кошельке», в 50% случаев ставят цель жить не хуже других.

Пессимисты не имеют высоких финансовых запросов – 26% хотят просто выжить, 33% жить не хуже других.

Сберегательное поведение населения – это элемент финансового поведения. Наличие сбережений, с одной стороны, свидетельствует о превышении доходов над расходами. Но в кризисных и нестабильных экономических отношениях население занимает на потребительском рынке выжидательную позицию, сокращает потребление, наращивая сбережение. Минимальная сумма, признаваемая сбережением, колеблется от 500 руб. до десятков миллионов, и уровень доходов оказывает на нее самое прямое воздействие (Рисунок 8).

*Рисунок 8 – Понимание сбережений семьи
(в сопряжении с переменной «Благосостояние»)*

Таким образом, наиболее высокие финансовые запросы у россиян в возрасте от 35 до 60 лет. Как правило, в семьях в этот период возникают дополнительные расходы, связанные с крупными финансовыми вложениями – оплатой учебы детей, решением вопроса о расширении жилплощади и др. Основную ответственность за обеспечение финансовой стабильности семей по-прежнему чаще берут на себя мужчины – их представления об объемах «финансовой подушки безопасности семьи» вдвое превышают аналогичные расчеты женщин.

Библиографический список

1. Боллс, Э. Неравенство и рост / Э. Боллс // Национальное бюро экономических исследований. – URL: <https://www.nber.org/digest/aug99/inequality-and-growth> (дата обращения 29.09.2024). – Текст : электронный.
2. Набиль, А. Неравенство убивает : беспрецедентные меры, необходимые для борьбы с беспрецедентным неравенством вследствие COVID-19 / А. Набиль, А. Марриотт, Н. Даби, М. Лоутерс, М. Лоусон, Л. Мугехера // Информа-

ционный документ OXFAM – 2022. – URL: https://webassets.oxfamamerica.org/media/documents/Inequality_Kills.pdf (дата обращения 29.09.2024). – Текст : электронный.

3. Наше материальное будущее: ожидания и надежды : сетевое издание Всероссийского центра изучения общественного мнения / Под ред. Т.А. Волчанской. – 2024 г. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nashe-materialnoe-budushchee-ozhidaniya-i-nadezhdy> (дата обращения 01.10.2024). – Текст : электронный.

4. Шеффлер, С. Действительно ли экономическое неравенство является проблемой? / С. Шеффлер // Нью-Йорк Таймс : американская ежедневная газета / Под ред. Дж. Кана. – 2020. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d126daab-6992f990-0f1cc9ef-74722d776562/https/www.nytimes.com/2020/07/01/opinion/economic-inequality-moral-philosophy.html (дата обращения 29.09.2024). – Текст : электронный.

КРИТЕРИИ И СОСТАВ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Шанаева Регина Станиславовна,

*магистрант 3 курса направления подготовки 40.04.01
«Юриспруденция» (профиль «Уголовное право и криминология»)
Северо-Осетинского государственного университета
им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: reginashanaeva@mail.ru*

Качмазов Олег Хазбиевич,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-
правовых дисциплин Северо-Осетинского государственного
университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
E-mail: koh@inbox.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу подходов к определению релевантного перечня составов преступлений, относящихся к сфере таможенного дела. Рассмотрены различные основания, используемые в научной литературе для классификации данной категории преступлений, включая нарушение норм таможенного законодательства, возможность выявления правонарушений таможенными органами, наличие уголовно-процессуальной компетенции у этих органов, а также единство объекта уголовно-правового посягательства. В результате сопоставления данных критериев установлено, что наиболее точным основанием для классификации является критерий, связанный с объектом преступного посягательства. Авторами предложен уточненный перечень преступлений, ответственность за которые следует относить к сфере таможенного дела: деяния, предусмотренные статьями 190, 194, 200.1, 226.1 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: таможенные преступления, уголовно-процессуальная компетенция, уголовное законодательство.

CRITERIA AND COMPOSITION OF CUSTOMS CRIMES

Shanaeva Regina Stanislavovna,

*the 3rd year Master's student of 40.04.01 «Law» (training programme
«Criminal Law and Criminology») at the North Ossetian State University
named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz*

Kachmazov Oleg Khazbievich,

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz

Abstract: This article is devoted to the analysis of approaches to determining the relevant list of criminal offenses related to customs affairs. Various criteria used in scientific literature for classifying this category of crimes are considered, including violations of customs legislation norms, the possibility of detecting offenses by customs authorities, the presence of criminal procedural competence of these bodies, as well as the unity of the object of criminal law infringement. As a result of comparing these criteria, it has been established that the most accurate basis for classification is the criterion associated with the object of criminal encroachment. The authors propose a refined list of crimes for which liability should be attributed to the sphere of customs affairs: acts provided for in Articles 190, 194, 200.1, 226.1, and 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: customs crimes, criminal procedure competence, criminal legislation.

Вопрос о перечне преступлений, относимых к категории «таможенных», является одним из наиболее дискуссионных в уголовном и таможенном праве. С одной стороны, универсальность и комплексность таможенного регулирования порождают широкий круг правоотношений и сфер взаимодействия, находящихся под защитой уголовного закона. С другой стороны, отсутствие единых чётких критериев позволяет различным авторам расширять или сужать перечень соответствующих преступных деяний. Необходимость четкой систематизации обусловлена как тенденциями в интернационализации российского уголовного законодательства, так и постоянным изменением таможенного правового поля.

При этом, несмотря на признание важности выделения преступлений в сфере таможенного дела как отдельного теоретического направления, среди специалистов нет единства мнений о конкретном перечне уголовно наказуемых деяний, которые следовало бы относить к данной категории. Такой разнотой обусловлен, в том числе, многообразием

точек зрения относительно ключевых признаков, с помощью которых возможно чётко отделить преступления в сфере таможенного регулирования от других подобных правонарушений, имеющих смежный характер [8, с. 54]. В рамках анализа данной проблематики необходимо обратиться к научным позициям, отражающим современные подходы к классификации рассматриваемых преступлений.

В отечественной науке выделяют несколько *подходов к определению критериев*, по которым преступления могут быть отнесены к *разряду таможенных*:

1. *Критерий нарушения норм таможенного законодательства*. Наиболее интуитивно очевидный подход – считать таможенными преступлениями те, которые прямо нарушают установленные нормы российского таможенного законодательства [5, с. 219]. Однако при более глубоком рассмотрении данный критерий оказывается излишне размытым: не каждое нарушение влечет уголовную ответственность, и далеко не всегда уголовно-правовые деяния ограничиваются исключительно нарушением сугубо таможенных норм. Разделение преступлений на непосредственно таможенные и так называемые «околотаможенные» действительно вызывает обоснованные сомнения по нескольким причинам.

Во-первых, законодательство и практика соприкасаются с тем, что многие преступления, формально не относящиеся напрямую к таможенным нарушениям (например, незаконный оборот валюты, уклонение от уплаты налогов при перемещении товаров через границу, подлог документов для подтверждения стоимости или страны происхождения товаров), тесно связаны с таможенной сферой.

Во-вторых, сама процедура таможенного контроля и структура взаимодействия таможни с другими государственными органами (налоговой службой, почтовым оператором, финансовыми органами) обуславливает то, что расследование большинства правонарушений требует комплексной оценки ряда факторов, и часто бывает невозможным изолированно рассматривать преступление только как «таможенное» или только как «околотаможенное». Напри-

мер, нарушение правил определения таможенной стоимости или страны происхождения прямо влияет как на таможенные сборы, так и на налоговые обязательства, а значит, затрагивает обе сферы.

В-третьих, применяемая таможенными органами система управления рисками, а также сотрудничество с другими ведомствами позволяют намного эффективнее выявлять и пресекать целый комплекс нарушений, которые формально проходят по разным статьям законодательства. Это ещё раз доказывает условность и ограниченность искусственного деления преступлений исключительно по критерию их «таможенной» или «околотаможенной» природы.

2. Критерий выявления составов должностными лицами таможенных органов. Некоторые авторы полагают, что перечень «таможенных преступлений» определяется кругом деяний, которые подлежат выявлению, раскрытию и расследованию, прежде всего, должностными лицами таможенных органов. Например, Н. М. Кожуханов среди обязательных характеристик таможенных преступлений называет возможность проведения дознания и осуществления неотложных следственных мероприятий таможенными подразделениями. Исходя из этого, исследователь отождествляет круг статей Уголовного кодекса, «расследование которых отнесено к компетенции таможенных органов, с понятием таможенных преступлений» [9, с. 139]. Преимущество данного подхода состоит в том, что осуществляется тесная связь при его реализации с рамками уголовно-процессуальной компетенции и ведомственной спецификой таможенных органов [6, с. 114]. Принимая во внимание аргументацию В. В. Витюка, необходимо отметить, что приведенный им критерий представляется не вполне корректным. Одним из существенных недостатков указанного подхода является высокая степень вариативности уголовно-процессуальных полномочий соответствующих органов, обусловленная частыми изменениями в законодательстве. Вместе с тем, уголовное право не должно полностью зависеть от особенностей уголовного процесса. Кроме того, этот критерий не отвечает на вопрос об объек-

тивном содержании состава преступления – собственно уголовно-правовой характеристике деяния.

3. *Критерий объекта преступного посягательства.* Наиболее ёмким и универсальным является подход, согласно которому для отнесения преступного деяния к категории таможенных главным признаётся характер непосредственного объекта посягательства – общественные отношения в сфере функционирования института таможни, обеспечение экономической безопасности государства посредством регулирования перемещения товаров, транспортных средств, ресурсов, технологий через таможенную границу. В совокупности с этим рассмотрение объекта преступления позволяет преодолеть многие противоречия, свойственные прочим критериям.

По мнению В. Г. Беспалько, «составы преступлений, предусмотренные статьями 189, 190, 193, 193.1, 194, 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), относятся к категории таможенных на основе таких критериев, как постоянная связь совершения указанных преступлений с нарушением таможенного законодательства, регламентирующего порядок перемещения товаров через таможенную границу, единство норм таможенного законодательства, подлежащих применению в ходе правовой квалификации данных преступлений, сопряжённость указанных противоправных деяний с перемещением товаров через границу» [4, с. 68–69]. Однако вопрос отнесения статей 189, 193, 193.1 УК РФ к категории таможенных преступлений вызывает дискуссии в научной среде и на практике.

Во-первых, предмет непосредственного посягательства по статьям 189, 193, 193.1 отличается от традиционного предмета таможенных преступлений. Классические таможенные преступления направлены против установленного порядка перемещения товаров, денежных средств и объектов через таможенную границу, а также против порядка уплаты таможенных платежей, связанных с этим перемещением (например, статьи 194, 200.1, 226.1 УК РФ). В то время

как статья 189 УК РФ защищает, в первую очередь, интересы международной безопасности и режим экспортного контроля, а не саму систему таможенного администрирования. Здесь объект – общественная безопасность и режим нераспространения, статьи 193 и 193.1 УК РФ напрямую направлены на защиту интересов валютного регулирования и контроля, а не на защиту таможенных интересов как таковых. Предмет преступления здесь – денежные средства, а ключевое противоправное деяние – нарушение валютного режима, а не нарушение порядка перемещения товаров через границу или порядка уплаты таможенных платежей.

Во-вторых, многие преступления, закреплённые в этих статьях, могут совершаться без фактического пересечения таможенной границы товарами или без прямого взаимодействия с таможенными органами. Например, уклонение от репатриации валютной выручки зачастую не связано с реальным вывозом товаров из страны – речь идёт о невозврате выручки от поставки или операции по контракту, которые могут регулироваться и банковскими, и иными международными процедурами, а не только таможенными.

В-третьих, соответствующее преступное поведение регулируется не только таможенным законодательством, но и валютным и экспортным контролем. Квалификация по этим статьям зачастую требует обращения к совершенно иным нормативным актам – законам о валютном регулировании, об экспортном контроле, о международных санкциях и т.д., а не только к Таможенному кодексу. Основной комплекс правоотношений, затрагиваемых при расследовании таких дел, относится к компетенции органов валютного и экспортного контроля, а таможенные органы далеко не всегда участвуют на первичной стадии выявления этих деяний [10, с. 13].

Таким образом, несмотря на сопряжённость некоторого количества составов с внешнеэкономической деятельностью и частичным пересечением с таможенными процедурами, их причисление к таможенным преступлениям не является обоснованным с позиции структуры и содержания

уголовного закона, а также с точки зрения предмета и объекта посягательства.

Составы преступлений, традиционно именуемые «таможенными», представляют собой многоуровневую правовую категорию, объединяющую деяния, непосредственно посягающие на установленный порядок перемещения товаров, предметов, животных, ресурсов, технологий и иных объектов через государственную (таможенную) границу России. Ключевым основанием для их выделения в самостоятельную группу выступает объект посягательства – общественные отношения в сфере таможенного дела, а также независимое отражение способа и места совершения противоправного деяния.

В свете анализа положений действующего уголовного закона и сложившейся доктрины, к перечню «таможенных преступлений» должны относиться преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 190, 194, 200.1, 226.1, 229.1 УК РФ. Основанием для включения является прямое посягательство на таможенные правоотношения, подтверждённое объектом преступления, связью с таможенными процедурами, регламентацией предмета в таможенном законодательстве.

Исключение иных статей, а именно статей 189, 193, 193.1, 173.1–174.1 УК РФ, обусловлено преобладанием иных объектов посягательства (валютные, финансовые отношения); отсутствием прямой связи с таможенными процедурами; иной компетенцией контролирующих органов.

Такой подход наиболее полно отвечает принципу правовой определенности и обеспечивает защиту наиболее значимых общественных отношений в сфере таможенного регулирования. Несмотря на возможную конкуренцию с другими составами (экономическими и иными), диспозиции указанных статей всегда фокусируются на защите интересов государства в области таможенного контроля, регламентации внешнеэкономической деятельности и выполнении международных правовых обязательств Российской Федерации.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15 октября 2025 г.), принятый Государственной Думой 24 мая 1996 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.11.2025). – Текст : электронный.

2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29 мая 2019 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 23.11.2025). – Текст : электронный.

3. Баталов, Д. А. Квалификация преступлений, отнесённых к компетенции таможенных органов (таможенных преступлений) / Д. А. Баталов // Академическая публицистика. – 2022. – № 5-2. – С. 178–182. – Текст : непосредственный.

4. Беспалько, В. Г. Институционализация таможенных преступлений в Российском уголовном праве (теоретико-правовой аспект) / В. Г. Беспалько // Вестник Российской таможенной академии. – 2015. – № 4. – С. 66–75. – Текст : непосредственный.

5. Бронников, С. А. Специфика преступлений в сфере таможенного дела / С. А. Бронников // Юридическая наука. – 2023. – № 11. – С. 217–222. – Текст : непосредственный.

6. Витюк, В. В. Понятие и общая характеристика таможенной преступности в Российской Федерации / В. В. Витюк // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2022. – № 4 (101). – С. 103–121. – Текст : непосредственный.

7. Волков, В. Ю. К вопросу о необходимости классификации таможенных правонарушений и преступлений / В. Ю. Волков, Е. А. Хилевская // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 1. – С. 324–332. – Текст : непосредственный.

8. Гайдашов, А. В. Таможенные преступления как особый вид общественно опасных деяний по уголовному законода-

тельству Российской Федерации / А. В. Гайдашов // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Право. – 2022. – № 1 (69). – С. 53–59. – Текст : непосредственный.

9. Кожуханов, Н. М. Подходы к классификации преступлений, совершаемых в сфере таможенного дела / Н. М. Кожуханов // Вестник Российской таможенной академии. – 2024. – № 3 (68). – С. 139–147. – Текст : непосредственный.

10. Федоров, А. В. Российское уголовное законодательство, обеспечивающее экономическую безопасность в сфере внешнеэкономической деятельности / А. В. Федоров // Исследование преступлений : проблемы и пути их решения. – 2021. – № 2 (32). – С. 13–25. – Текст : непосредственный.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ
№ 73**

Издается с 1998 г.

Выпускающий редактор *Л. В. Газаева*
Корректор *Н. Т. Едзиева*
Технический редактор *А. Ю. Цопанова*
Компьютерная верстка *А. В. Черная*
Оформление обложки *Е. Н. Макарова*

Научный центр
Владикавказского института управления
362025, Республика Северная Осетия – Алания,
г. Владикавказ, ул. Бородинская, 14
тел.: (8672)40-51-75
E-mail: viu-online@mail.ru

Подписано в печать 30.03.2026.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офс. Печать цифровая.
Гарнитура Pragmatica. Усл. печ. лист. 14,4.
Тираж 200 экз. Заказ № 30.

Отпечатано ИП Цопановой А. Ю.
362002, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3